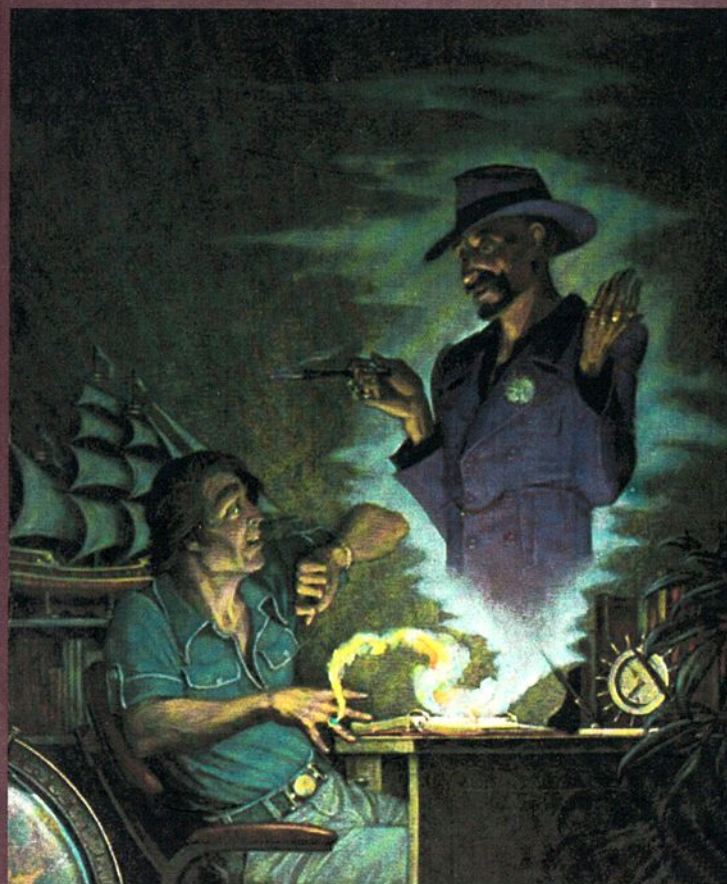

Пурпурные
птеродактили

Лайон Спрэг Де Камп

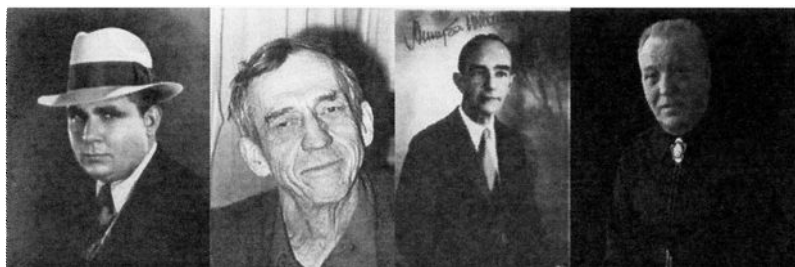
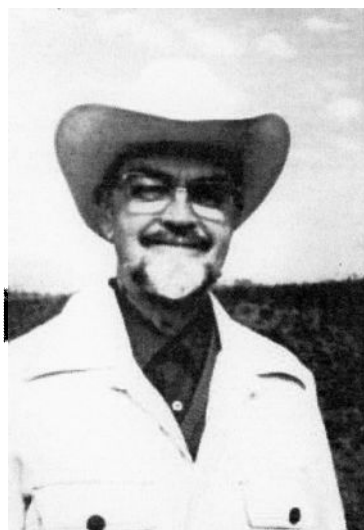
Пурпурные птеродактили

Лайон Спрэг Де Камп

Лайон Спрэг Де Камп

Пурпурные птеродактили

Удивительные приключения

В. Уилсона Ньюбери, финансиста

Литера-Т

2015

УДК 821. 111(73)-312.9

ББК 84 (7США)-44

С74

Спрэг Де Камп Л.

Пурпурные птеродактили: Рассказы / Пер. с англ. А. Сорочана. Литера-Т, 2015. — 312 с., илл. (Коллекция. Литера-Т).

В книгу включены все рассказы о похождениях В. Уилсона Ньюбери, финансового гения, притягивающего к себе разные сверхъестественные явления. В этих историях Де Камп имитирует стиль журнала «Вейрд тэйлз». На страницах книги появляются Лавкрафт, Говард и Смит, но не только они... Мифология Ктулху и сексуальная магия, пиратские сокровища и древние божества, «Арабские ночи» и «Остров сокровищ»... В этой книге есть все, что дорого сердцу любителя рекурсивной фантастики! И много чего еще!

© Александр Сорочан, перевод, 2015

© Литера-Т, 2015

Предисловие

В. Уилсон Ньюбери моложе меня, и он гораздо лучше меня играет в теннис. Кроме того, я очень долго был дровосеком, офицером ВМФ, учителем, лектором и нотариусом, а он выбрал себе профессию вскоре после окончания колледжа и с тех пор не изменил своему выбору.

Вилли — банкир; не один из тех безликих субъектов, которые выглядывают из окошечка кассы, а аккуратный, коротко стриженный джентльмен в темном костюме, который священнодействует за столом в огромном зале с мраморными колоннами в одном из крупнейших банков города. И Вилли (так его называют друзья, чтобы он не слишком зазнавался) по-настоящему умен.

Хотя мы во многом непохожи друг на друга, но у нас с Вилли всегда была одна общая черта: живой интерес к оккультизму. И, кажется, все оккультное буквально притягивает Вилли.

Почему адептов так влечет к обычному, честному, солидному В. Уилсону Ньюбери — я даже вообразить не могу; но так или иначе обитатели метафизических сфер, миров за пределами миров то и дело вторгаются в его жизнь. Может статься, что предвидение или интуиция, позволяющее ему отличить заслуживающего доверия человека, обращающегося за ссудой, от проходимца, раскрывает двери его разума шире и делает его более чутким к тайным знаниям; но этот дар — или проклятие — не из тех, о которых банкир может побеседовать с обычными людьми.

Банкиры считаются нормальными и разумными — они столпы общества. Если финансист заговорит о своей связи с миром фей, это может вызвать крах банка, обвал котировок или, по крайней мере, привести к потере места. Я целыми днями сижу над своей пишущей машинкой и не люблю пустых сплетен; так я и оказался

одним из немногих людей, которым смог довериться Вилли.

Вилли был преданным читателем «Вейрд тэйлз», давно почившего фантастического журнала; и некоторые события, которые там описывались, а также авторы, которые создавали эти описания, оказали немалое влияние на него.

Безымянный друг из «Зеркала Бальзамо» — это Говард Филипс Лавкрафт, писатель-фантаст из Провиденса, Род-Айленд. В письме к своей тетушке Лилиан Кларк Лавкрафт сообщил о покупке небольшого глиняного светильника, сделанного в Древней Греции. Лавкрафт писал: «Он сейчас стоит передо мной, окутанный ореолом волшебства; и он уже подсказал мне по крайней мере один странный сюжет: сюжет, в котором светильник окажется реликвией не из Греции, а из Атлантиды». Хотя Лавкрафт так и не написал подобного рассказа, Вилли неким необъяснимым способом узнал всю историю.

В рассказе «Далекий Вавилон» любители фэнтези легко опознают человека в ковбойской шляпе. Это Роберт И. Говард, плодовитый поэт и прозаик из Кросс-Плейнс, Техас. В письме к Лавкрафту Говард упоминает о некоем сюжете, связанном с «посланием змей». И здесь снова в историю вторгся оккультизм. Этот образ, соединившись с определенными событиями в жизни моего философски настроенного друга-банкира, воплотился в приключении, которое описано под названием «Послание змей». В том же рассказе Вилли упоминает о «Зиккарфе» — то есть о вымышленной планете Ксиккарф, на которой разворачивались события нескольких рассказов Кларка Эштона Смита.

Я, со своей стороны, благодарю Вилли Ньюбери за то, что он поделился со мной рассказами о приключениях — иногда пугающих, всегда забавных и подчас невероятных. Надеюсь, что вам эти истории тоже понравятся.

*А. Спрэг де Камп
Вилланова, Пенсильвания*

Зеркало Бальзамо

Мой друг из Провиденса любил долгие прогулки, особенно ночные. Ему нравилось бывать на кладбищах, в заброшенных церквях и прочих подобных местах. Он зарабатывал себе на жизнь, сочиняя для «Страшных историй», и утверждал, что после этих прогулок у него рождаются новые сюжеты. В любом случае, одна такая прогулка, которую он совершил вместе со мной, подсказала моему другу такие идеи, которых он предвидеть никак не мог.

Когда я учился в Массачусетском технологическом, то родители жили слишком далеко от меня, в северной части штата Нью-Йорк, и я редко бывал дома. И потому однажды в конце недели, выполнив очередные задания, я выехал из Кембриджа на своей дребезжащей «Модели А», чтобы повидать друга. Мы подружились заочно, через колонку писем читателей в «Страшных историях». Потом мы встретились и увидели, что у нас немало общего — несмотря на разницу темпераментов, лет и видов на будущее.

Мне нравилось спорить. А мой друг умел спорить вполне разумно и всегда добродушно практически обо всем — такой широтой кругозора не отличался никто из моих знакомых. Некоторые из его идей были блестящими; некоторые мне казались безумными, но позже я с ними соглашался; а некоторые я считаю нелепыми и по сей день.

Мы всегда находили, о чем можно по дискутировать. Политика казалась делом серьезным; Депрессия была в полном разгаре через год после того, как Рузвельт закрыл банки. Я еще придерживался консервативных убеждений, а мой друг только что превратился из старомодного консерватора в горячего сторонника «нового

курса». Еще один молодой студент, который иногда заглядывал в гости, был ярким сторонником коммунистов. И начинались горячие и решительные споры.

Мы также рассуждали о религии. Мой друг был сторонником материализма и атеизма; я оставался верующим христианином. Мы спорили об эстетике. Он отстаивал искусство для искусства; я утверждал, что подобная философия — лишь оправдание праздности, она нужна лишь бездельникам, богатым, претенциозным или просто ленивым.

Мы спорили о международном положении. Он хотел, чтобы Америка воссоединилась с Британской империей; я был сторонником изоляции. Мы рассуждали об истории. Он выступал в защиту восемнадцатого столетия; я полагал, что мужчины, носившие парики поверх волос, выглядели глупо.

— Вилли, — сказал он, — ты видишь только внешнее. Парики — это совсем не главное. Важнее всего — это последний исторический этап до начала Промышленной революции, со всем ее дымом и грохотом машин, растущими городами и прочими ужасами. Поэтому, в определенном смысле, восемнадцатый век был самым светлым, изысканным и цивилизованным — вряд ли подобное еще когда-нибудь повторится.

— А что же, — спросил я, — ты предлагаешь сделать с образовавшимися излишками, с девятьюдесятыми человечества? Тебе придется избавиться от них, если мы вернемся к технологиям восемнадцатого столетия? Заморить их голодом? Расстрелять? Съесть?

— Я не говорил, что мы можем или должны вернуться к доиндустриальной технологии. С тех пор произошли неизбежные и необратимые изменения. Я всего лишь сказал...

Мы продолжили этот спор, отправившись на одну из привычных ночных прогулок. Мой друг всегда находил,

что еще показать гостю. Вот здесь, объяснил он, был дом, некогда принадлежавший прославленному в колониях пирату; там находилась таверна, где его схватили, а потом приговорили к повешению; и так далее.

Стоял чудесный майский вечер, луна была в третьей четверти, а мой друг отыскивал остатки колониальной архитектуры на Федерал-хилл. Мы спустились по крутому склону Эйнджел-Стрит к центру Провиденса. Отсюда мы двинулись на запад по Вестминстер-авеню, где рестораны именовались тракториями. Поблизости от Декстер-стрит мы свернули и долго тащились по глухим улочкам, пока не отыскивали колониальный дом.

Крыльцо и входная дверь уцелели, но остальную часть первого этажа уничтожили, освободив место для небольшой механической мастерской. Мой друг начал возмущаться. «Проклятые итальяшки!» — бормотал он. — «Чума на них». Его этнические предубеждения, хотя и ослабели с годами, но все еще проявлялись довольно ярко.

Мы исследовали крыльцо, воспользовавшись моим карманным фонарем; мой друг был слишком рассеянным, он позабыл взять свой фонарик. Наконец мы направились обратно. Мы прошли уже около двух миль, и подъем по Эйнджел-стрит казался нам суровым испытанием. Поскольку была ночь, мы не могли воспользоваться подъемниками возле здания окружного суда, у подножия холма, и одолеть таким образом часть пути навверх.

В путанице переулков мой друг свернул не туда. Он быстро понял свою ошибку, сказав: «Нет, Вилли, надо идти в другую сторону. Так мы вернемся в Вестминстер. Эта улица мне, кажется, незнакома».

Приближаясь к Вестминстер-авеню, мы миновали несколько небольших лавочек, в том числе китайскую прачечную. Почти все были закрыты, хотя впереди мы

могли разглядеть огни ресторанов, баров и кинотеатра на Вестминстер-авеню. Мой друг, протянув руку, остановил меня возле витрины — среди множества темных окон выделялось одно, в котором горел свет.

— Что это? — произнес он. — Черт побери, дружище, это какое-то логово нечестивых таинств! — Именно так он выражался, когда мысленно переносился в восемнадцатое столетие.

Мы разглядели нечеткую надпись: МАДАМ ФАТИМА НОЗИ. ПРЕДСКАЗАНИЯ. БЕСЕДЫ С УМЕРШИМИ. ОТКРОВЕНИЯ ТАЙНОЙ МУДРОСТИ. Внизу была аляповатая картинка — похожая на цыганку женщина склонялась над хрустальным шаром.

— Могу себе представить, — сказал мой друг. — Это центр тайного и зловещего культа. Сборище незаконных иммигрантов из Кафиристана, где сохранилось древнее язычество. Они поклоняются подземному божеству, которое на самом деле — желеобразное существо, проникающее сквозь камни...

— Почему бы не зайти и не взглянуть? — спросил я. — Заведение мадам Нози, кажется, открыто.

— О, ты настолько практичен, Вилли! — сказал мой друг. — Я бы предпочел посмотреть на этот загадочный притон издалека и оставить все на волю воображения. Внутри заведение, вероятно, грязное, запущенное и вообще скучное. Кроме того, наша предсказательница наверняка потребует вознаграждения, а я сейчас ужасно стеснен в средствах.

— У меня хватит денег заплатить за двоих, — сказал я. — Идем!

Потребовалась некоторая настойчивость — мой друг был застенчивым человеком, и он переживал из-за постоянного недостатка средств. Эта бедность казалась странной, особенно если принимать в расчет его даро-

вания и интеллект. Несколько минут спустя, однако, мы вошли в обиталище мадам Нози.

Местечко было очень мрачным — в точности как предсказывал мой друг. Фатима Нози оказалась высокой, крепко сложенной, худощавой женщиной средних лет, с большим крючковатым носом и темными седеющими волосами, пряди которых выбивались из-под чалмы.

— Итак, — произнесла она, — что я могу для вас сделать, джентльмены? — Она говорила с акцентом, который казался каким угодно, только не итальянским. Мадам Фатима посмотрела на меня.

— Вы учитесь в колледже, не так ли?

— Да.

— В... Массачусетском технологическом институте, верно?

— Да.

— И вы собираетесь получить диплом... через два года, так?

— Правильно, — сказал я, удивленный ее проницательностью.

— Назовите свое имя, пожалуйста.

— Уилсон Ньюбери.

Она записала имя в маленький блокнот.

— А вы.. — Она обернулась к моему другу. Записав его имя, она сказала: — Вы писатель, не так ли?

— Я, — ответил мой друг, — джентльмен, который иногда сочиняет для собственного развлечения и для развлечения друзей. — Его лицо исказилось, он попытался заговорить на чужом языке без запинок. — *R-parlat-te italiano?* — он выговаривал слова медленно, с явным восточным акцентом.

Она вопросительно посмотрела на него, но потом успокоилась:

— Così, così. Но я не итальянка, хотя и родилась в Италии.

— Откуда же вы тогда, разрешите полюбопытствовать? — спросил мой друг.

— Я — из народа тосков.

— О, албанка! — воскликнул он. Потом мой друг пояснил мне: — Все верно. Она — прекрасный представитель расового типа, распространенного в Динарском нагорье, да и имя мне показалось совсем не итальянским. — Он обернулся к хозяйке заведения. — Весьма польщен; sono-sono onorato.

— Спасибо. В Италии много албанцев, — сказала мадам Нози. — Они прибыли туда две или три сотни лет назад, чтобы спастись от турок. Итак, что я могу сделать для вас? Гороскоп? Сеанс? Хрустальный шар? Думаю, вы умные джентльмены и вас не интересуют примитивные оккультные манифестации. Скажите мне, чего вы больше всего хотите. Пожалуйста, вы. — Она указала на моего друга.

Он надолго призадумался, а потом сказал:

— Мадам, более всего я мечтаю об одном — увидеть мир, каким он был в момент высшего развития западной цивилизации, то есть в восемнадцатом столетии. Нет, позвольте, я уточню. Увидеть самую цивилизованную часть этого мира — Англию — в ту эпоху.

— Мммм... — Мадам Нози с сомнением поглядела на него. — Это трудно. Но в таком случае я могу прибегнуть к помощи зеркала Бальзамо. Вам придется подняться наверх, во внутреннее святилище.

По скрипучим ступеням старой лестницы мы поднялись в небольшую убогую гостиную. Мадам Фатима сняла ткань, прикрывавшую висевшее на дальней стене зеркало. Само зеркало выглядело совершенно обыкновенным, а резная рама казалась роскошной; правда, большая часть позолоты с нее стерлась.

Мой друг наклонился ко мне и пробормотал:

— Это должно быть интересно. Джузеппе Бальзамо, он же граф Алессандро Калиостро, был самым поразительным мошенником и шарлатаном восемнадцатого столетия. Интересно, что она сделает?

— Это, — сказала мадам Нози, — будет стоить вам десять долларов. Очень сильное заклинание. Оно может погубить мое слабое сердце. Если ваш друг желает последовать за вами, то ему тоже придется заплатить десятку.

Мой друг выглядел потрясенным — и это легко понять. На десять долларов тогда можно было целую неделю обедать в хорошем ресторане. Двадцать даже мне показались чересчур крупной суммой; но я совсем недавно получил чек из дома и не собирался отступать. Будь я старше и смелее — возможно, я начал бы торговаться; мой друг, насколько мне известно, ничего подобного сделать бы никогда не смог. Я вытащил бумажник.

— Спасибо, — сказала мадам Нози. — Итак, садитесь здесь, лицом к зеркалу. Вы тоже садитесь. Я зажгу свечи позади вас. Смотрите на отражения свечей в зеркале.

Она зажгла свечи в подсвечнике, висевшем на противоположной стене. В полумраке наши отражения выглядели всего лишь смутными силуэтами. Я отвел взгляд от отражения своего изможденного друга и посмотрел на колеблющиеся огоньки.

Мадам Нози что-то делала позади нас. Сладковатый запах подсказал мне, что она воскурила ладан. Она начала напевать песню на языке, которого я не узнал.

Я не могу точно сказать, когда ее заклинание (или что это было) начало действовать; ведь человек не может точно сказать, когда он засыпает и начинает видеть сон. Но я обнаружил, что иду по грунтовой дороге, за-

росшей высокой травой между двумя глубокими, узкими колеями.

Этот опыт, как я вскорости выяснил, был не просто путешествием во времени, о котором многие читали в книгах. В романах путешественники во времени прибывают в другое время *in propria persona*, в состоянии действовать, как действовали в своем времени. Я, однако, оказался в чьем-то чужом теле, я мог видеть и слышать, используя возможности этого тела, я мог следить за ходом мыслей владельца этого тела, но никак не мог вмешаться в действия своего хозяина. Я не мог даже пошевелить его шеей или глазами, чтобы увидеть вещи, на которые он не хотел смотреть. Его взгляд был прикован к земле; человек изо всех сил старался не споткнуться.

В данной ситуации был невозможен всем известный парадокс, связанный с путешествиями во времени. Хотя я и принимал участие во всем, что происходило с моим хозяином (на внутреннем и внешнем уровне), но я не мог сделать ничего, что изменило бы случившееся в прошлом. Я не знаю, можно ли считать это приключение возвращением в минувшее, видением давних событий, возникшим в моем сознании, или чистой иллюзией.

Я мог только воспринимать те мысли, которые возникали в мозгу моего хозяина; я не мог исследовать его воспоминания. Следовательно, у меня не было никакой возможности узнать, кто я, где нахожусь и в каком времени — до тех пор, пока мой хозяин не задумается о подобных вещах или пока кто-то или что-то не даст мне ключ к разгадке.

— Запомни, парень, — послышался хриплый голос у меня над ухом, — не гоняйся за девками, ради спасения твоей бессмертной души. И ежели мы повстречаем сквайра и его никчемного сына — придержи свой язык. И неважно, чего они соизволят сказать.

По крайней мере, мне кажется, что было произнесено именно это. Говор казался незнакомым, я не привык к такой речи и разбирал не больше половины слов.

Мой хозяин наконец оказал мне услугу – повернул голову и посмотрел на своего спутника. Он сказал:

— О, придержи коней, папаша. Понимаешь, я уже взрослый и могу сам о себе позаботиться.

— Детство и юность — тщета. Экклезиаст, одиннадцатая, — произнес второй. — Твой длинный язык приведет нас на виселицу.

— Коли мы туда за твое браконьерство не попадем, — ответил мой хозяин.

— Да, я этим занимаюсь, но я беру птиц небесных и тварей земных, коих мне даровал Господь. Вспомни книгу Бытия. Сэр Роджер неправое творит, когда он отказывает нам, бедным людям, в нашем праве...

Мой спутник, очевидно, отец моего хозяина, продолжал ворчать, но через некоторое время умолк. Он был мужчиной зрелых лет, с узловатыми темными руками; лицо его и шею избороздили глубокие морщины; всю жизнь он явно проработал на открытом воздухе. Он носил бриджи до колен и длинное пальто восемнадцатого века, но одежда была грубой, дешевой, домотканой, ее покрывали прорехи и заплаты. На ногах у него были мешковатые, грязные чулки, а башмаки казались такими большими и бесформенными, что невозможно было различить, какой правый, а какой — левый.

На голове у него был большой парик мышиного цвета, свисавший до плеч — правда, половина волос из парика давно выпала. Дополняла его облик покрытая пятнами и помятая широкополая фетровая шляпа, сзади задиравшаяся вверх, а спереди — свисавшая на лоб.

Вдобавок лицо старика украшала густая, но неподстриженная седая борода. Я полагал, что все мужчины в те времена были чисто выбриты.

Я подумал, не попал ли мой друг в тело отца, в точности как я попал в тело сына. Если так, борода то была хорошей шуткой. Оставаясь приверженцем восемнадцатого столетия, мой друг терпеть не мог растительности на лице. Он долго ворчал на меня из-за моих безобидных маленьких усов. Но даже если мой друг и оказался здесь, то я никак не мог с ним общаться.

Тогда я подумал: неужели и я ношу парик? Ответить я не мог. Это тоже была бы хорошая шутка: я всегда с презрением относился к парикам.

Отец и сын шагали молча, иногда один из них бормотал что-то. Они явно не отличались красноречием. Я мог следить за мыслями сына, но это мне мало чем помогло. Бесчисленные имена, лица и происшествия проносились слишком быстро, и я не успевал их обдумать.

Я, правда, узнал, что моего хозяина звали Уильям, что его отец был фермером-йоменом и что от всей семьи остались только они. Я также узнал, что отец враждовал с местным сквайром, и что теперь они направлялись на ярмарку. Судя по упоминанию Бристоля, мы находились где-то на юго-западе Англии. Насколько можно было понять по окружающей растительности, наступила весна.

Поля и перелески сменились разбросанными зданиями, вскоре домов стало больше. Заметив, на какую высоту поднялся тот тусклый, розовый шар, который в Англии именуют солнцем, я решил, что время движется к полудню.

На краю деревни шумела ярмарка. Здесь собралось множество крестьян, одетых почти так же, как мой отец (именно так я о нем думал). Здесь же были несколько дам и джентльменов в эффектных одеяниях восемнадцатого столетия, с высокими каблуками и напудренными париками. Некоторые из молодых мужчин, как я заметил, обходились без париков и заплетали собствен-

ные волосы в косички. Бород, впрочем, никто не носил, кроме моего отца.

Когда мы вошли в толпу, вонь невымытых человеческих тел стала просто невыносимой. Хотя я и не отличаюсь особенно тонким обонянием, но мне это показалось ужасным, а Уильям вроде бы ничего не заметил. Полагая, что он и сам изрядно благоухал. Судя по зуду в различных частях его тела, можно было заподозрить, что на нем обитало великое множество паразитов.

Две команды играли в крикет. Поодаль молодые люди бегали и прыгали — там шло соревнование. Я увидел примитивную карусель, которую вертела старая лошадь. Мальчик шел по пятам животного и непрерывно колотил лошадь, чтобы та не останавливалась. Продавались еда и напитки; некоторые посетители ярмарки уже изрядно выпили.

Я видел азартные и спортивные игры: бросали шары и кольца в цель, угадывали, под какой скорлупой грецкого ореха лежит горошина, играли в кости и карты, вертели колесо фортуны. В нескольких палатках размещались уроды, в одной, самой большой, обитал верблюд. Петушиный бой и кукольное представление, заглушая друг друга, шли в дальнем конце ярмарки.

Мой отец не позволил бы мне потратить наши последние пенсы на большинство этих развлечений, но заплатил два пенса за то, чтобы увидеть верблюда. Это грязное, запаршивевшее животное надменно жевало свою жвачку, в то время как человек в «арабском костюме», сделанном из старой простыни, рассказывал о свойствах верблюда. Большая часть того, что он говорил, не имела отношения к действительности.

— Эй, там! — раздался чей-то крик. Я — или точнее Уильям, в теле которого я обитал — обернулся. Один из джентльменов обращался к нам — солидный мужчина средних лет, который держал под руку леди.

— Черт меня побери, — сказал этот человек, — ежели это не старина Фил!

Мы с отцом сняли шляпы и поклонились. Отец сказал:

— Дай Бог вам доброго дня, мейстер Брэдфорд! Доброго дня, леди! Какое неожиданное удовольствие...

Брэдфорд подошел поближе и пожал отцу руку.

— Приятно снова повидать тебя, Филип. И тебя тоже, Вилл. Малыш, да ты вырос!

— Да, он — хороший парень, — сказал Филип. — Земля забрала все, что у меня было, опричь его.

— Что Бог даровал, то Бог и взял. Скажи мне, Фил, как у тебя дела с сэром Роджером?

— С меня хватит, — ответил мой отец. — Едва только началось огораживание общинных земель, он потребовал продать мой маленький участок, чтобы присоединить его к своим огромным владениям.

— Почему же ты не продаешь ему землю? — сказал Брэдфорд. — Я слышал, он предложил хорошую цену.

— Нет, сэр, при всем моем уважении... Нет, я не стану. Мы, Ширлоу, жили здесь испокон веку, и я нипочем не стану оставлять насиженное место. А если я и брошу свою землю, то не ради этого чванливого злодея, который носился за своими чертовыми лисами по моим полям. Начисто уничтожил весь мой ячмень в прошлом году.

— Все тот же упрямый старый Фил! Роджер Стэнвик не такой уж плохой парень, если к нему подойти по-хорошему. Нрав у него суровый, но он много отдает на благотворительность. — Брэдфорд понизил голос. — Слушай, Фил, мы же с тобой старые друзья, и я никогда не принимал в расчет этой разницы в положении. Продай землю сэру Роджеру по самой выгодной цене, какую только сможешь получить, и прекрати эту ссору. Иначе я не смогу ручаться за твое здоровье. *Verbum sat sapienti.*

— Что сие значит, сэр?

— Бывая навеселе, а это случается довольно часто, он хвастается, что получит твою землю или вздернет тебя на виселице раньше, чем минет год.

— Вот как, сэр? — произнес Филип.

— Именно так, без вопросов. Я слышал это на вечере у полковника Армитеджа. Роджер — судья, он может сделать то, что говорит.

— Сначала ему придется меня взять с поличным и признать виновным.

— Я тебе дело говорю, приятель! Теперь столько смертных приговоров, что они смогут тебя повесить, если ты хоть в чем-нибудь провинишься, плюнешь не там и не так.

— Ну уж нет! Присяжные не смогут вынести таковой вердикт.

— Ежели ты им нравишься. Но мне нет нужды напоминать, что ты не самый популярный человек в округе.

— Да, мейстер Брэдфорд, но почему? Я живу так, как подобает доброму христианину.

— Во-первых, ты выступил против огораживания.

— Именно так. Сие — гибель для вольных фермеров.

— Мой дорогой Филип, дни старых английских йоменов проходят. Стране надобно зерно, и единственный способ добыть его — разделить все эти пустующие общинные владения и засеять их зерновыми. Во-вторых, ты — методист, а для людей это звучит хуже, чем папист или еврей. Они бы очень повеселились, увидев, как еретик болтается на виселице — особенно потому, что у нас уже больше года никого не вешали.

— Я верую в то, что мне говорят Всевышний и Святое Писание.

— В-третьих, ты носишь эту проклятую бороду.

— Я токмо повинуюсь божественному повелению, сэр. Прочтите послание к Левитам, девятнадцатую главу.

— И в-четвертых, ты слишком уж много знаешь для йомена. Я не против; мне даже нравится наблюдать, как учатся представители низшего сословия — в пределах разумного, конечно. Но сельские жители думают, что ты задираешь нос и ненавидят тебя за это.

— Я стараюсь повиноваться Божьей воле в меру моих слабых познаний. Прочтите Книгу притчей Соломоновых, главу первую, пятый стих. А что касается продажи земли сиру Роджеру — то я скорее по миру пойду.

Брэдфорд вздохнул и развел руками.

— Что же, не говори потом, что я тебя не предупредил. Но послушай, если ты в самом деле продашь землю, то я найду для тебя хорошее место — стоит только попросить. Никакой грубой и тяжелой работы, приличное место и хорошая плата. Спроси у моих слуг, хороший ли я хозяин.

— Ну, благодарствую, сэр, но...

— Подумай об этом. — Брэдфорд хлопнул Филипа по плечу, а потом удалился вместе с женой.

Мы прогулялись по ярмарке, купили что-то на закуску и посмотрели соревнования. Уильяму хотелось потратить деньги на шоу уродов и на азартные игры, но Филип решительно запретил ему. Потом послышался крик.

— Эй, Ширлоу! Филип Ширлоу!

К нам обращался крепкий краснолицый мужчина, на треугольной шляпе которого виднелась золотая полоска. Он стремительно направлялся в нашу сторону, опираясь на четырехфутовую трость с золоченым набалдашником. Мужчину сопровождал превосходно одетый молодой человек, высокий и стройный. Молодой человек нес свою шляпу в руке, потому что никак не смог бы взгромоздить ее поверх парика. По бокам парик был завит,

сзади виднелась пышная косичка, а спереди высоко поднималась уложенная челка.

Юноша был настолько же бледен, насколько старик румян; на щеке и подбородке молодого человека виднелись черные мушки. Он вяло шевелил бледной, тонкой рукой, что-то говоря своему спутнику.

— Я хочу с тобой поговорить, человеке, — проговорил краснолицый.

— Да, ваша честь? — отозвался Филип.

— Не здесь, не здесь. Приходи ко мне домой сегодня днем — после обеда.

— Отец! — воскликнул молодой человек. — Вы позабыли, что у нас обедают мисте Харке и его супруга. — Я заметил, что молодой человек не произносил конечные «р», как и современные англичане; все люди, с которыми мы беседовали, говорили иначе.

— Вот оно что, вот оно что... — проворчал сэра Роджер Стэнвик. — Сделай это в течение часа, Ширлоу. Мы собираемся уйти с ярмарки, так что не мешкай!

Последовала продолжительная прогулка от ярмарочной площади до особняка сэра Роджера, но сквайр даже и не подумал предложить нам сесть в его коляску.

В Стэнвик-хаузе было так много слуг, что оставалось только удивляться, как это они не спотыкаются друг о друга и не падают. Один из них проводил нас в кабинет сэра Роджера. У меня почти не было возможности осмотреть помещения, поскольку Уильям, казалось, не уделял особого внимания вещам; к тому же он бывал в особняке прежде. Например, я увидел скрещенные мечи, висевшие на стене позади щита — но их сделали не из стали, а из стекла.

Сэр Роджер, держа в руке бокал, с негодованием смотрел на нас, сидя в большом кресле с подголовником; затем хозяин дома принужденно улыбнулся. Его сын,

сидевший за клавесином и наигрывавший что-то из Генделя, оставил свои упражнения и развернулся.

— Итак, Ширлоу! — рявкнул сэр Роджер. — Я спорил с тобой и уговаривал тебя, но все напрасно. Ты упрямый старый дураком; но я все ж таки дам тебе шанс. Я хочу показать, что сердце у меня на месте — и вот мое последнее предложение: я поднимаю цену до ста гиней. Это втрое больше, чем стоит твой паршивый участок, и этого тебе хватит на жизнь. Но это — все; больше не дам ни пенса. Что скажешь? А? Что скажешь?

— Простите, сэр, — ответил Филипп. — Я дал вам ответ, и от своих слов не отступаюсь. Моя земля останется моей.

Они еще немного поспорили, в то время как младший Стэнвик явно скучал. Сэр Роджер становился все краснее и краснее. Наконец он вскочил и проревел:

— Что ж, убирайся, сукин сын, ганновский бандит! Я тебе покажу методистов! Если один метод не подействовал, то у меня найдутся и другие. Убирайся!

— Ваша честь, можете поцеловать меня в зад, — произнес Филипп, отвернувшись.

Сэр Роджер швырнул в нас свой бокал, но промахнулся. Стекло разбилось, и сэр Роджер закричал:

— Джон! Эйбрахам! Вышвырните этих негодяев! Кто-нибудь, подайте мне меч! Я из них мерингов сделаю! Чарльз, сопляк ты паршивый, почему ты не прибьешь этих изменников?

— Ну, отец, вы же знаете, что я... — начал молодой человек. Остальное расслышать не удалось, потому что Филип и Уильям поспешно удалились, не дожидаясь появления новых противников. Часы позади нас пробили четыре.

Меня самого переполняла ярость; мы с Уильямом чувствовали одно и то же. Если бы я управлял телом Уильяма, то, возможно, попытался бы совершить какую-

нибудь глупость. К счастью, я ничего не сумел предпринять. В те времена крестьянин просто не мог ударить кулаком рыцаря или баронета (кем бы ни был сэр Роджер), каковы бы ни были причины и поводы.

Мы удалились из усадьбы другой дорогой, через просторную лужайку. На краю этой лужайки уровень почвы резко понижался. Здесь была подпорная стенка, крутой обрыв в шесть-восемь футов переходил в мелкую канаву. За этим углублением начинался пологий подъем, и дальше уровень почвы повышался почти до уровня лужайки. Это сооружение, своего рода миниатюрное укрепление, называли «малым забором». Смысл состоял в том, чтобы у обитателей дома было обширное, свободное открытое пространство, а олени и прочие дикие звери не могли проникнуть в парк и в цветники.

Мы спустились по лесенке, прорубленной в «малом заборе», и зашагали дальше по извилистой тропинке. Дорога вела мимо ручья и через лес. На краю ручья рабочие строили чайный домик в китайском стиле, выкрашенный красной и черной краской и позолоченный. Когда мы вошли в лес, прямо из-под ног у нас выпрыгнул кролик.

— Гм... — пробормотал Филип Ширлоу. — Этот самонадеянный подлец... А у нас дома нет ничего, кроме хлеба и репы. Слушай, Уилл, сэр Роджер обедает в пять, верно?

— Да, — ответил Уильям. — Раньше было в четыре, но его придурочный сынок привез из Лондона новомодные привычки.

— Ну что ж, — сказал Филип, — думается мне, что Бог указал нам способ, как приправить наш обед порцией мяса. В Стэнвик-хаузе будут гости, и Стэнвики не станут удаляться от дома с пяти часов и до самой полуночи. Эти безбожные обжоры бездельничают пять или шесть часов после трапезы, и все их слуги будут рядом,

дабы исполнять приказания сира Роджера. К тому времени, как все наедятся, сир Роджер будет слишком пьян и не станет особенно следить, каковы дела творятся вокруг.

— Вы в самом деле собираетесь похитить кролика у его чести?

— Да, все это принадлежит не сиру Роджеру, а Богу.

— О, батюшка, подумайте! Вспомните о предупреждении мастера Брэдфорда...

— Всевышний позаботится о нас.

Еще через полчаса мы добрались до нашей фермы и вошли в дом. Этот дом оказался маленькой лачугой, немногим отличавшейся от деревенских жилищ, которые рисуют в комиксах. Обстановка была минимальной, вот только на полке вдоль одной из стен стояло на удивление много книг. Вот что имел в виду Брэдфорд, говоря о том, что Филип Ширлоу чрезмерно учен.

Так как Уильям не смотрел на эту полку дольше нескольких секунд, я не успел рассмотреть, какие книги подобрал Филип. Я разглядел лишь несколько томов проповедей Джона Уэсли и Джорджа Уайтфилда. Еще на полке, я думаю, нашлось место и для Библии, и для Шекспира, и для Плутарха.

Филип Ширлоу взобрался на чердак и спустился с парой маленьких арбалетов. Я удивился: мне казалось, что это средневековое оружие давным-давно вышло из употребления. Позднее я выяснил, что арбалеты использовались браконьерами и в те времена, в которые разворачивались наши приключения — это оружие ценили, поскольку оно было бесшумным.

Уильям попытался еще раз отговорить своего родителя:

— Не стоит из-за ссоры с сэром Роджером рисковать нашими шеями. Лакей полковника Армitedжа, Джемми Торн, сказал мне: «Нарушение границ владения с наме-

рением убить кроликов карается виселицей». Это слова из парламентского акта.

Я следил за их спором с усиливающимся волнением. Что со мной случится, если Уильяма убьют, когда я нахожусь в его теле?

Но решение Филипа Ширлоу нельзя было изменить.

— Тыфу! Надейся на провидение, сынок, и ничего не бойся. И я, как добрый христианин, не стану таить злобу против сира Роджера. Я всего лишь беру свою долю плодов земных, каковую Бог определил для каждого человека. Прочти девятую главу книги Бытия.

Стальные стрелы арбалета были размером с современные карандаши. Набив ими карман и подхватив арбалет, Уильям последовал за отцом.

Они осматривали леса между имением Стэнвика и фермой Ширлоу, никого не видя и не слыша. Солнце опустилось и скрылось за облаками, которые сгустились, предвещая дождь.

Как и предположил Филип, все слуги из Стэнвик-хауза собрались в главном доме, дожидаясь хозяина и его гостей.

Наконец — должно быть, дело шло уже к шести — мы подняли кролика, который резво помчался мимо больших старых дубов. Уильям быстро рванулся вперед, но Филип жестом остановил его. Оба осторожно подняли арбалеты, вложили стрелы и двинулись дальше.

Они снова спутнули кролика, но он опять убежал прежде, чем они подобрались на расстояние выстрела. Будучи опытными охотниками, они разошлись в стороны и продолжили преследование.

Лес становился все реже, и они достигли опушки, неподалеку от «малого забора». У канавы, которая проходила у основания ограды, сидел их кролик и что-то грыз.

Филип выпустил стрелу. Раздался писк. Кролик упал.

— Сделано! — воскликнул Уильям.

Ширлоу выбежали из леса, чтобы захватить добычу, но их остановили крики. На вершине «забора» они увидели сэра Роджера Стэнвика и его сына Чарльза. Сэр Роджер наставил на Ширлоу мушкет, а Чарльз — пистолет.

— Ха! — взревел сэр Роджер. — Я же говорил, что тебя поймаю! Дьявол меня заberi, если я не увижу вас обоих болтающимися на старых добрых веревках!

— О Господи, надо же! — прошептал Уильям. — Готовься бежать!

— Бросайте арбалеты! — донесся высокий голос Чарльза Стэнвика.

Уильям все еще сжимал в руке заряженное оружие. Недолго думая, молодой человек поднял арбалет и разрядил его в сэра Роджера. Он промахнулся, и свист стрелы был заглушен ревом мушкета. Я услышал, как пуля врезалась в тело Филипа; тот рухнул навзничь с пронзительным криком. Уильям бросил свой арбалет и ринулся в лес.

Еще одна вспышка озарила вечерний лес. Уильям услышал звук выстрела в то самое мгновение, когда что-то ударило его в спину...

И тогда я снова оказался в комнате мадам Нози; я нетвердо стоял на ногах, прислонившись спиной к стене. На полу лежали остатки разбитого зеркала Бальзамо. Слева от меня упал мой друг. Мадам Нози не было видно, но у меня сохранилось слабое воспоминание об ужасном крике и звуке падения как раз перед самым «пробуждением».

Я спустился по лестнице. Внизу, неуклюже раскинув руки и ноги, лежала мадам Нози.

После недолгих колебаний я вернулся в комнату. Мой друг сидел на полу, бормоча:

— Что...что случилось? Мне казалось, что меня застрелили...

— Идем, поможешь мне! — воскликнул я. Мы спустились к мадам Нози.

— Подними ее, — сказал мой друг. — Валяться в такой позе — просто неприлично.

— Не трогай ее! — ответил я. — Нельзя двигать пострадавшего, пока не придет доктор. — Я попытался нащупать пульс гадалки, но не сумел.

Появился полицейский; его сопровождали встревоженные соседи. Полицейский спросил:

— Что происходит? Что тут за крик и шум... о! — Тут он увидел Фатиму Нози.

Вскоре приехала машина скорой помощи; мадам Нози увезли. В течение следующих нескольких дней мы с моим другом провели несколько часов, отвечая на вопросы коронера и других чиновников.

Насколько нам удалось восстановить ход событий, мы вскочили со своих кресел в настоящем, когда наши жизни в восемнадцатом столетии оборвались и нас застрелили Стэнвики. Я ударился о стену и разбил зеркало. Мадам Нози выбежала из комнаты, либо испугавшись неожиданного успеха своего заклинания, либо по какой-то иной причине. Она умерла не в результате падения, как мы сначала предположили, но от остановки сердца — еще не коснувшись пола. Врач подтвердил, что мадам Нози страдала от болезни сердца.

Полицейские, хотя и не избавились от подозрений, но тем не менее отпустили нас.

Они собрали осколки зеркала Бальзамо в качестве «доказательств», но я так никогда и не узнал, что же случилось с этими стеклами. Я хотел как-то соединить осколки, но это слабое желание исчезло, когда начались экзамены. Я полагаю, что осколки попросту выбросили в мусорный бак.

Когда все закончилось, мой друг со вздохом произнес:

— Боюсь, что восемнадцатый век, который я идеализировал все эти годы, на самом деле никогда не существовал. В реальности эта эпоха была куда грязнее, куда ограниченнее, она была жестокой, полной мрака и суеверия — я и представить не мог ничего подобного. Надо же, я был заключен в теле бородатого богослова-любителя и не мог ни единым словом возразить ему! Восемнадцатый век, который возникал в моем сознании, был просто артефактом... порождением фантазии, составленным из картинок в книгах, которые я рассматривал в детстве, из прочитанных историй и из деталей колониальной архитектуры, которые я изучал.

— Теперь, — спросил я, — ты успокоишься и примиришься с нашим собственным двадцатым веком?

— О боже, нет! Наш опыт — если мы согласимся, что пережили подлинный опыт, а не стали жертвами галлюцинации — убедил меня, что реальный мир, в любом месте и в любое время, окажется неподходящим местом для чувствительного джентльмена. Так что я стану проводить больше времени в мире грез. И если захочешь, Вилли, мы всегда можем повстречаться там. Я хочу показать тебе лазурный дворец, который стоит на стеклянной горе...

Лампа

Я остановился у гаража Билла Багби в Гэхато и попросил молодого Багби подвезти меня к причалу возле дамбы. Там я увидел Майка Девлина, который подждал меня, сидя в алюминиевом каноэ с бортовым мотором. Я крикнул:

— Привет, Майк! Я — Уилсон Ньюбери. Помните меня?

Я уложил свой багаж в лодку, тщательно уложив чемодан, чтобы не повредить коробку, которая находилась внутри.

— Привет, мистер Ньюбери! — сказал Майк. — Разумеется, я вас помню. — Он выглядел почти так же, как прежде, разве что морщины на его загорелом лице стали немного глубже и выющиеся волосы слегка поседели. Он одевался так, как в старину одевались лесорубы: толстая фланелевая рубашка, свитер, старая куртка и шляпа; а ведь день выдался теплый.

— Вы принесли эту штуку?

Я отослал автомобиль к Багби, предупредив, что машина мне снова понадобится. Затем я спустился в лодку.

— Ту вещь, которую у меня просил мистер Тен Эйк? — спросил я.

— Да, я именно об этом, сэр. — Майк завел мотор, поэтому нам приходилось кричать, чтобы расслышать друг друга.

— Она в большой сумке, — сказал я, — так что постарайтесь ни во что не врезаться. Доставив эту штукуну из Европы и преодолев столько препятствий, я не хочу, чтобы все кончилось на дне Нижнего озера.

— Я буду осторожен, мистер Ньюбери, — сказал Майк, ведя лодку по извилистому руслу. — И все-таки что же это за вещица?

— Это — старинная лампа. Он попросил меня забрать ее в Париже у одного человека, с которым переписывался.

— О да, мистер Тен Эйк всегда покупает занятные вещицы. После всего пережитого он больше ничем не интересуется.

— А что слышно насчет женитьбы Эла? — спросил я.

— А разве вы ничего не знали? — Майк родился и вырос в Канаде, но говорил он с ирландским акцентом — гораздо более заметным, чем у большинства коренных ирландцев. Полагаю, что его маленький родной город в Новой Шотландии был обиталищем канадских ирландцев. — Он взял в жены девчонку Камаре — дочь того здорового дровосека. — Майк усмехнулся, он прищурил поблекшие голубые глаза, осматривая канал в поисках препятствий. — Помните, когда она была маленькой девочкой, учитель в Гэхато спросил всех детей, кем они хотят стать, когда вырастут, и она сказала: «Я хочу быть шлюхой!» Это потрясло весь класс, да, точно потрясло.

— Ну так что произошло? С какой стати Эл...

— Наверное, он хотел получить крепкую, трудолюбивую повариху и домоправительницу, и он решил: она будет так рада выйти замуж за джентльмена, что сделает все, о чем он попросит. Но вся беда в том, что Мелузина Камаре всегда была горячей штучкой. Когда она поняла, что мистер Тен Эйк не сможет ее ублажать и вечером, и утром, она взяла и сбежала с молодым Ларошелем. Знаете, с сыном десятника Прингла.

Большая синяя цапля, потревоженная шумом мотора, пронеслась над каналом. Майк спросил:

— А что там в армии, мистер Ньюбери?

Я пожал плечами.

— Я просто сидел в штабе. В меня никто даже не потрудился выстрелить. Я иногда чувствую, что мне повезло: война закончилась прежде, чем начальство обнаружилось, какому простофилю выдали офицерскую форму.

— Ну конечно, вы всегда изрядно скромничали.

Канал вывел нас в Нижнее озеро. Его окружали гранитные горные хребты Адирондака, склоны которых были покрыты множеством деревьев — в основном кленами и соснами. Местами среди зеленой листвы виднелись скалы и утесы. Большую часть пригодной на продажу древесины вырубili в начале века, и место старого леса занял новый. После войны, однако, нехватка материалов привела к тому, что начали рубить деревья и там, где раньше это было делать невыгодно — вдали от дорог и транспортных узлов. Большая часть окрестных земель вошла в состав Национального парка Адирондак и лес там больше не подлежал вырубке, но в руках частных лиц осталось еще достаточно участков, лесовозы по-прежнему появлялись на дорогах, а пилы на заводе Дэна Прингла в Гэхато не умолкали.

Мы пересекли Нижнее озеро и достигли острова Тен Эйк, который отделял Нижнее озеро от Верхнего. На карте эти два водоема выглядели как песочные часы, а остров располагался ровно посередине.

Альфред Тен Эйк, в рубашке хаки и штанах, вышел на причал с криком «Вилли!» Он быстро и нервно пожал мне руку, но пожатие оказалось гораздо крепче, чем я ожидал.

Мы обменялись обычными замечаниями о том, что не слишком переменились, хотя мои слова трудно было назвать искренними. Он остался худощавым и сохранил прежнюю горделивую осанку, но под глазами появились мешки, а волосы песчаного цвета поседели, хотя ему, как и мне, было немногим больше тридцати.

— Ты привез? — спросил он.

— Да, да. Она лежит...

Он уже подхватил мой большой чемодан и направился к старому домику. Он поднимался по склону с такой скоростью, что мне приходилось почти бежать, чтобы не отстать. Когда Альфред заметил, что оторвался от меня, то остановился и подождал. Будучи не в форме, я, запыхавшись, поднялся наверх.

— Все то же старое доброе место, — произнес я.

— Все немного переменялось, — ответил он, — с тех пор, когда мои родители все лето принимали здесь друзей и родственников. В те времена приходилось нанимать помощников — но и теперь Майк работает за двоих.

Тропинка слегка заросла, и я споткнулся, запутавшись в сорняках. Альфред криво усмехнулся.

— Мы с Природой пришли к соглашению, — сказал он. — Я оставляю в покое ее, а она оставляет в покое меня. Серьезно, как только ты пожелаешь помочь нам с расчисткой тропинок, я выдам тебе серп и предложу заняться делом. Вот и все, что ты можешь предпринять по части вмешательства в действие природных сил.

Обиталище Тен Эйка было большим двухэтажным домом из огромных срубленных вручную бревен, в пятнадцать или шестнадцать комнат. У парадной двери я заметил набор инструментов, какие-то вещи были разбросаны рядом. Майк и Альфред, очевидно, ремонтировали крыльцо, заменяя прогнившие доски.

Большинство домов в Адирондаке сделаны из дерева, потому что лес там относительно дешевый. Климат в Адирондаке, однако, такой, что деревянные дома начинают разваливаться почти сразу же, как только их построят. На некоторых больших бревнах, из которых были сделаны внешние стены дома Тен Эйка, уже появи-

лись влажные пятна; внутрь можно было просунуть палец.

Едва я успел перевести дух, Альфред произнес:

— Пойдем, я покажу тебе твою комнату; но сначала, будь добр, достань *эту вещь*. Я хочу ее увидеть.

— Ну хорошо, — ответил я. Я поставил чемодан на один из старомодных стульев, которые стояли в углах гостиной, и откинул крышку. Потом я отдал Альфреду коробку.

— Сам видишь, все тщательно упаковано, — сказал я. — Моя сестра однажды отправила нам красивую старинную вазу из Англии, но уложила ее в обычную коробку, и мы получили только осколки.

Альфред трясущимися руками перерезал веревку. Ему пришлось выйти на улицу, взять из ящика с инструментами долото и сбить деревянную крышку. Потом он опустил руки в мягкие стружки, которыми была наполнена коробка.

Пока он трудился, я осматривался по сторонам. На кушетках и стульях лежали все те же старые олени шкуры, все те же олени головы смотрели на нас со стен, все те же чучела совы и лисы, те же березовые перила, покрытые корой, и все те же панели, на которых художники-любители нацарапали сцены из жизни в лесах.

Я с удивлением обнаружил, что большой, прикрытый стеклом чехол для оружия был пуст. В тридцатых, насколько я помнил, там хранилось немало винтовок, дробовиков и пистолетов, в основном доставшихся Альфреду от отца и деда.

— Что случилось с твоим оружием? — спросил я. — Неужели ты все продал?

— Черта с два! — ответил он, не отрываясь от дела. — Ты знаешь моего никчемного кузена, Джорджа Вриланда? Я сдал ему это место в аренду на год, а когда вер-

нулся, то обнаружил, что он просто продал почти все оружие *местным*. (Альфред всегда с презрением упоминал о «местных», то есть о постоянных обитателях этих краев.)

— И что же ты сделал?

— Ничего. Джордж убрался еще до моего возвращения, и последние вести о нем пришли из Калифорнии. Потом, когда я уехал прошлой зимой, один из наших здешних ночных рабочих стащил все остальное, в том числе и мой приз за парусные гонки. И я точно знаю, кто это сделал.

— Ну и?

— Ну и что? Неважно, какие у меня доказательства — неужели ты полагаешь, что я смогу заставить проклятых *местных* осудить его? После того, что у меня приключилось с Камаре?

— А что насчет Камаре? Я этой истории не знаю.

— Ну, ты знаешь, что я был женат?

— Да. Майк об этом говорил.

Альфред Тен Эйк кратко изложил мне историю своего недолгого союза с Мелузиной Камаре. Он ничего не сказал о своей сексуальной неполноценности — но за это я его винить не могу.

— На следующий день после того, как птичка выбралась из курятника, — сообщил он, — я шел по улице в Гэхато, никого не трогая, но тут Большой Джин подошел ко мне и сказал: «Эй! Ты что творишь с моей маленькой девочкой, *hein?*» И потом он сразу сбил меня с ног, тут же на улице.

(В Гэхато эту историю рассказывали не совсем так. Люди говорили, что Альфред ответил: «Слушай сюда, тупой канак, не знаю, что тебе сказала эта твоя шлюха, но...». И тогда Камаре его ударил.)

— Вот так, — продолжал Альфред, — я пошел в полицию дал показания и вынудил их арестовать Джина. Но

присяжные его оправдали, хотя половина жителей деревни видели, как он меня отколотил. Я услышал, что, по их мнению, если Большой Джин решил проучить своего зятя, то это дело семейное и вмешиваться в него не стоит.

(По словам сельских жителей, Джин Камаре был силен как бык и вдобавок очень вспыльчив, любой дурак, который ввязался с ним в ссору, получал именно то, что заслуживал.)

Взмахом руки указав в сторону окрестных гор, Альфред посмотрел на меня с негодованием.

— Они не могут позабыть, что пятьдесят лет назад все, что можно разглядеть отсюда, принадлежало Тен Эйкам, и им приходилось получать разрешение Тен Эйка даже на то, чтобы просто плюнуть на землю. Теперь от всех огромных владений Тен Эйков остался только этот маленький островок да несколько участков в Гэхато; а ведь местные все еще меня ненавидят.

(По правде говоря, несколько членов семьи Тен Эйк все еще владеют землей в округе Херкимер, но это — деталь. Альфред не слишком хорошо ладил с большинством родственников.)

— Думаю, что ты преувеличиваешь, — сказал я. — В любом случае, зачем ты остаешься здесь, если тебе неуютно в этих местах?

— Куда мне ехать? Чем я буду зарабатывать на жизнь? Что там! Здесь у меня, по крайней мере, есть крыша над головой. Собирая арендную плату с тех лачуг на Хемлок-Стрит в Гэхато — когда арендаторы не рассказывают мне истории о своих бедствиях — и время от времени продавая один из оставшихся участков, я выживаю. Так как я не могу продавать землю достаточно быстро, чтобы получить доход и сделать какие-то инвестиции, то я просто расходую свой капитал; но у меня, кажется, нет выбора. Ах, вот и оно!

Альфред развернул страницу из «Фигаро», в которую была завернута лампа. Он приподнял свое сокровище.

Это была полая вещица в форме сердца, размером с ладонь; подобные украшения в греческие и римские времена служили лампами. У нее была шишкообразная ручка на закругленном конце, наверху имелось большое отверстие, чтобы наполнять светильник, и еще было маленькое отверстие на остром конце или на носике. В Европе и на Ближнем Востоке можно купить бесчисленное множество таких ламп — археологи постоянно находят все новые и новые.

Большинство таких светильников сделаны из дешевой глины. Эта лампа тоже сначала казалась глиняной. На самом деле она была изготовлена из какого-то металла, но ее покрывал слой засохшей грязи. Эта грязь местами засохла и отвалилась, и кое-где тускло просвечивал металл.

— Из чего это сделано? — спросил я. — Ионидес, кажется, не знал этого; я спросил, когда он мне передавал эту штуку в Париже.

— Я не знаю. Какая-то серебристая бронза или колокольная бронза, так мне кажется. Нам придется почистить лампу, чтобы все выяснить. Но нам нужно действовать очень осторожно. Нельзя, понимаешь, просто чистить старинные вещи вроде этой металлическим «ершиком».

— Я знаю. Если увидим, что металл окислился, нужно оставить его в покое. Тогда следует поместить вещь в электролитический резервуар и, насколько я понимаю, вернуть оксид в исходное состояние.

— Что-то вроде того, — сказал Альфред.

— Но что такого замечательного в этой маленькой вещице? Ты не археолог...

— Нет, нет, дело совсем не в том. У меня был особый повод. Кстати, тебе снились какие-нибудь странные сны, когда ты вез лампу сюда?

— Еще спрашиваешь! Но как, черт побери, ты догадался?

— Ионидес сказал мне, что такое может случиться.

— Хорошо, тогда в чем дело? Что все это значит?

Бледно-серые глаза Альфреда ярко сверкнули.

— Просто скажу, что я сыт по горло поражениями — вот и все.

Я понял, что он имел в виду. Если слово «поражение» и относилось к кому-нибудь, то именно к Альфреду Тен Эйку. Знаете, что такое «дар Мидаса»? Вот у Альфреда был абсолютно противоположный дар.

Он мог превратить золото в мусор, просто коснувшись его.

Отец Альфреда умер, когда Альфред учился в Принстоне. Он оставил сыну несколько тысяч акров земли в Адирондаке, но не оставил денег на жизнь. Так что Альфред ушел из колледжа и приехал в округ Херкимер, чтобы попытаться стать сельским сквайром. Не то ему не хватало чутья, не то у него началась необычайно длинная полоса неудач. Он продал большую часть земли, но очень неудачно — какой-то сообразительный спекулянт вскоре после этого заработал на участках вдвое или втрое больше.

Альфред также пытался заняться бизнесом в Гэхато. Например, он стал партнером человека, который устроил конюшню верховых лошадей, чтобы продавать и сдавать их внаем дачникам. Оказалось, что напарник Альфреда очень мало знал о лошадях и купил стадо необъезженных скакунов. Одну из первых клиенток лошадей сбросила, и дама сломала ногу.

Потом Альфред устроил кегельбан, «Дорога ирокезов», купил дорогие машины, которые расставляли кегли по-

сле каждого удара. Он превосходно с этим справился и со значительной прибылью продал кегельбан Морри Кэплану. Но Морри предложил заплатить в рассрочку. А кегельбан сгорел меньше чем через месяц; и Морри, который был таким же бизнесменом, как и Альфред, стал жертвой страховой ошибки. В итоге Морри признали банкротом, а Альфред остался на бобах.

Потом началась война. Преисполненный патриотизма Альфред завербовался в армию рядовым. Он почти сразу же заболел туберкулезом в тренировочном лагере. Тогда использовали антибиотики, и его удалось вылечить; но военная карьера не состоялась. Возможно, это было и к лучшему, потому что Альфред был как раз тем парнем, который мог выстрелить себе в ногу, стоя с оружием в карауле.

— Хорошо, — произнес Альфред, — давай я покажу тебе твою комнату. Мы с Майком остались вдвоем в этом огромном старом доме.

Проводив меня, Альфред спросил:

— Итак, чем тебе хотелось бы заняться, Вилли? Выпить? Искупаться? Прогуляться? Порыбачить? Или просто посидеть на солнце и поболтать?

— Чего бы мне хотелось на самом деле — поплавать на одной из этих замечательных старых легких туристических лодок. Помнишь, как мы раньше плавали в них по болотам, вычерпывая ил, чтобы посмотреть в микроскоп на каких-нибудь козявок?

Альфред вздохнул.

— У меня больше нет этих лодок.

— Что с ними случилось? Проданы?

— Нет. Помнишь, я был в армии... Тогда я сдал остров в аренду семье по фамилии Стронг, и они ухитрились разбить все лодки до единой. Не то женщины зашли в лодки в туфлях на высоких каблуках и пробили

днища, не то их придурочные детишки расколотили лодки о камни.

— И ты больше не смог раздобыть таких лодок, так?
— спросил я.

— О, еще осталась парочка стариков, которые мастерят лодки зимой. Но все их лодки стоят дороже, чем я могу себе позволить. Помимо этой моторки, у меня осталась только старая плоскодонка. Можем поплавать на ней.

В тот день мы провели в плоскодонке несколько чудесных часов. Выдался один из тех редких дней, когда небосвод совершенно чист, за исключением нескольких маленьких белых перистых облаков. Старая шлюпка то и дело норовила вертеться по кругу, но не плыла туда, куда требовалось. Я уже много лет не брал в руки весла, и мои руки скоро покрылись волдырями; тогда я уступил место Альфреду, руки которого задубели от тяжелой работы.

Мы, перебивая друг друга, вспоминали старые времена. Я спросил: «Скажи, ты помнишь, как я столкнул тебя с причала?», а он ответил вопросом на вопрос: «А что случилось с твоим дядей — тем, у которого был домик на озере Ракетт?»

Я в ответ произнес:

— Почему ты так и не женился на моей кузине Агнес? Вы с ней были очень близки...

Я поведал Альфреду о своей незадавшейся военной карьере, о своей невесте-француженке, о своей новой работе в трастовой компании. Он внимательно посмотрел на меня и проговорил:

— Вилли, объясни мне кое-что.

— Что именно?

— Когда мы проходили в школе тесты, мой IQ был таким же высоким, как твой.

— Да, у тебя всегда было очень много оригинальных идей — больше, чем у меня. И что такое?

— И все-таки вот он ты... Ты твердо стоишь на ногах. А я, кажется, все делаю неправильно. Я никак не могу с этим справиться.

— Справиться с чем?

— С жизнью.

— Может, тебе стоит заняться чем-то таким, что не требует особой практичности — не требует реалистического взгляда на вещи и приспособляемости. Может, попробовать что-то более интеллектуальное, например, науку или литературу.

Он покачал поседевшей головой.

— Я никак не могу стать профессором — ведь я не окончил колледж. Я попытался сочинять рассказы, но никому они не интересны. Я даже писал стихи, но мне говорили, что это всего лишь слабые подражания Теннисону и Киплингу, и такие вещи сейчас никому не интересны.

— Ты обращался к мозгоправу? (В те времена слово еще не вышло из употребления, хотя люди все чаще называли врачей «психиатрами»).

Он опять покачал головой.

— Я встретился с одним в Утике, но тот парень мне не понравился. Кроме того, поездки в Утику раз или два в неделю требуют времени и денег, а у меня ни того, ни другого не хватает.

Подул слабый бриз, вода покрылась рябью.

— Ну что ж, — произнес Альфред, — пора нам возвращаться назад.

На острове царил тишина, только в эллинге пыхтела небольшая дизельная машина, которая накачивала воду и питала батареи, снабжавшие нас светом и теплом. Перед обедом я поинтересовался:

— Послушай, Эл, ты заставил меня довольно долго плясать вокруг этой проклятой лампы. Что она собой представляет? Почему у меня должны были начаться кошмары, когда я вез эту штуку из Европы?

Альфред рассматривал свой бокал. Как я выяснил, он пил в основном дешевое ржаное виски, но для друга раздобыл дорогой скотч. Наконец он произнес:

— Ты можешь вспомнить те кошмары?

— Еще бы! Такое до самой смерти не позабудешь. Каждый раз я во сне стоял перед каким-то стулом, а может, и тронем. На троне что-то было, только я не мог разобрать, что именно. Но когда оно тянулось ко мне, то его руки казались... они были гибкими, как щупальца. И я не мог ни закричать, ни убежать — вообще ничего не мог. И каждый раз я просыпался, как только эта тварь прикасалась ко мне. Снова и снова.

— Да, все ясно, — сказал он. — Это был древний Йускийек.

— Это что было?

— Йускийек. Вилли, ты знаком с мифом об исчезнувшем континенте, об Атлантиде?

— О господи, нет! Я был слишком занят. Насколько я помню, оккультисты пытаются доказать, что в Атлантике действительно существовал ныне затонувший континент, а ученые говорят, что это — чушь; и Платон на самом деле приобрел свои знания на Крите, в Египте или где-то еще.

— Некоторые отдают предпочтение Тартессу, возле современного Кадиса, — сказал Альфред. (Это случилось раньше, чем греческие ученые разработали теорию извержения вулкана на острове Тера, к северу от Крита.)

— Я полагаю, такой практичный парень, как ты, вряд ли поверит во что-то сверхъестественное, не так ли?

— Я? Ну, это как поглядеть. Я верю в то, что вижу — по крайней мере чаще всего, когда у меня нет причин

заподозрить мошенничество. Мне известно: как раз в то самое время, когда человек думает, что все знает и может разгадать любой трюк, его легче всего обмануть. В конце концов, я был в Гэхато, когда эта ясновидящая, мисс — как ее там? Скотт, Барбара Скотт — столкнулась с проблемами из-за нескольких маленьких индейских призраков, которые бросали в людей камни.

Альфред рассмеялся.

— Господи Боже, я об этом совсем забыл! Никто так и не смог ничего объяснить.

— Так что же насчет твоей нелепой лампы?

— Ну, у Ионидеса неплохие связи в эзотерических кругах, и он уверяет меня, что лампа — подлинная реликвия из Атлантиды.

— Извини меня, но я свое мнение оставляю при себе. И кто же этот Йускийек? Демон или бог из Атлантиды?

— Вроде того.

— И что это за имя такое, Йускийек? Эскимосское?

— Полагаю, это язык басков.

— О, вот как. Я когда-то читал, что дьявол изучал баскский язык семь лет и смог выучить всего два слова. Я так все это и вижу — зловещий могущественный жрец, готовый принести в жертву прекрасную девственницу, принцессу Онгабонга, чтобы ужасный бог мог пожрать ее душу...

— Может, и так, а может, и нет. Ты читал слишком много дешевых журналов. Так или иначе, давайте поедим; а то я слишком сильно напьюсь и не смогу готовить.

— А разве Майк для тебя не готовит?

— Он с радостью берется за дело, когда я его прошу; но тогда мне приходится есть то, что получается. В общем, чаще всего я готовлю сам. Пойдем. *Майк!* — кричал он. — Обед через двадцать минут!

По взаимному молчаливому согласию мы за обедом не говорили ни об Атлантиде, ни о лампе. Вместо этого мы просили Майка рассказывать нам о старых временах и выпытывали у него истории о разных занятных лесорубах, с которыми ему приходилось сталкиваться. Один человек, к примеру, клялся, что за ним день и ночь следовал призракный кугуар, или пума, хотя эти животные в Адирондаке исчезли еще в прошлом столетии...

Мы разрешили Майку помыть посуду, а сами устроились в гостиной возле лампы. Альфред сказал:

— Думаю, что прежде всего нам следует снять всю эту грязь. Для этого, полагаю, надо воспользоваться обычной тряпкой для мытья посуды и водой?

— Это дело твое, — заметил я, — но звучит вполне разумно.

— Мы должны быть очень...осторожны, — сказал он, намочив тряпку и начав протирать лампу. — Жаль, что у нас здесь нет настоящего археолога.

— Он, вероятно, осудил бы тебя за то, что ты купил украденную реликвию. Мне говорили, что когда-нибудь правительства запретят подобные вещи.

— Может, и так, но это время еще не настало. Я слышал, наши храбрые парни разграбили половину музеев в Германии во время оккупации. Ну-ка, посмотри сюда!

Большая часть грязи отвалилась, и мы увидели белую, как зубная эмаль, поверхность. Альфред передал мне лампу.

— Что ты об этом скажешь?

— Нужен яркий свет. Спасибо. Знаешь, Эл, на что это похоже? На раковины...

— Дай-ка взглянуть! Вот это да, ты прав! Это означает, что лампа, должно быть, долго пролежала под водой...

— Но это никак не подтверждает ее... ее происхождения, кажется, так надо сказать. Возможно, лампа

греческая или римская, она могла выпасть за борт где угодно в Средиземноморье.

— О-о... — разочарованно протянул Альфред. — Ну, я не рискну возиться с этой вещью и дальше. Нам нужен яркий дневной свет. — С этими словами он убрал лампу.

В ту ночь мой кошмар вновь повторился. Снова передо мной стоял трон, и на нем виднелся тусклый силуэт — Йускийек или кто-то еще. А затем он протянул ко мне гибкие, будто резиновые руки...

Меня разбудил стук. Это стучался Альфред.

— Скажи, Вилли, ты что-нибудь слышал?

— Нет, — ответил я. — Я спал. А что такое?

— Я не знаю. Как будто кто-то — или что-то — топало на крыльце.

— Майк?

— Он тоже спал. Надень-ка лучше халат; а то холодно.

Я знал, какими холодными могут быть ночи в Адирондаке, даже в июле. Укутавшись поплотнее, я последовал за Альфредом вниз. Там мы обнаружили Майка, облаченного в длинную ночную рубашку, должно быть, викторианской эпохи; в руках он держал фонарь размером с маленькую бейсбольную битку и топор. Альфред исчез и, порывшись в одном из сундуков, стоявших у окна, вернулся с винтовкой 22-го калибра.

— Одно ружье у меня осталось, — сказал он. — Я прячу его на тот случай, если чертовы *местные* снова попытаются ограбить меня.

Мы ждали, затаив дыхание и прислушиваясь. Потом донесся звук: «бум-бум-бум», пауза, а потом «бум-бум-бум-бум». Казалось, у крыльца топтался кто-то, обутый в тяжелые ботинки, в такие, которые носили все обитатели лесов в давние времена, когда здесь не бывало дачников, носившихся по округе в шортах и кроссовках.

(Мне по-прежнему нравятся такие ботинки; по крайней мере, мухи их не прокусывают.)

Возможно, этот звук издавало животное — лошадь или лось, хотя в наших краях лосей не видели уже лет сто. Во всяком случае, я не мог представить, что какое-то животное смогло доплыть до острова Тен Эйка.

Звук сам по себе казался не особенно страшным; но в ту темную ночь, в пустынном месте... В общем, у меня волосы встали дыбом. Глаза Альфреда и Майка тоже расширились вдвое, как мне показалось в свете фонаря. Альфред протянул фонарь и мне.

— Открой дверь свободной рукой, Вилли, — сказал он, — и попытайся осветить это — что бы там ни было — фонарем. Тогда мы с Майком его попытаемся взять.

Мы ждали и ждали, но звук не повторялся. Наконец мы вышли и с фонарями обошли остров. Луны на небе не было видно, но звезды сияли так ярко, как бывает только в ясную погоду и на возвышенности. Мы не обнаружили никого и ничего, кроме енота, взбежавшего по стволу дерева и оттуда осмотревшего нас. Морда животного напоминала бандитскую маску, а глазки сверкали в лучах фонарей.

— Это — Робин Гуд, — сказал Альфред. — Он — наш персональный мусоропровод. Уверен, он не мог устроить такой шум. Ну, мы осмотрели весь остров и ничего не нашли. Так что, полагаю...

В ту ночь больше ничего не произошло. На следующий день мы еще немного почистили лампу. Вещица оказалась довольно симпатичной и еще крепкой, вода, похоже, ей нисколько не повредила. Металл был тусклым, со слабым красноватым или желтоватым оттенком, слегка напоминавшим о некоторых сортах белого золота.

Я решил поплавать — больше для того, чтобы показать, что еще не слишком стар для простых удовольст-

вий. Меня никогда не привлекало купание в ледяной воде. Но именно такова вода в озерах Адирондака, даже в самую жаркую погоду, особенно если вы погружаетесь глубже, чем на фут.

В ту ночь у меня было другое видение. Там тоже оказалось существо на троне. На сей раз, однако, вместо того, чтобы стоять перед троном, я оказался где-то сбоку, а Альфред находился гораздо ближе к возвышению. Существо говорило с Альфредом, но их голоса звучали приглушенно, и я не сумел разобрать ни слова.

За завтраком, уничтожая огромную гору блинов, которую поставил передо мной Майк, я спросил Альфреда об этом видении.

— Ты прав, — сказал он. — Мне действительно снилось, что я предстал перед Его Подводным Величеством.

— И что произошло?

— О, это — Йускийек, все в порядке — если мы оба не сошли с ума. Может, и так, но я уверен в обратном. Йускийек говорит, что сделает меня победителем, а не проигравшим, если только я предложу ему подобающую жертву.

— Не смотри на меня так! — воскликнул я. — Мне нужно на работу возвращаться в понедельник...

— Не дури, Вилли! Я не собираюсь перерезать тебе горло, и Майку тоже. У меня не так уж много друзей. Я объяснил этому призраку, что у нас в стране очень суровые законы против человеческих жертвоприношений.

— И как он это воспринял?

— Он возмущался, но в итоге согласился, что у нас есть право на собственные законы и обычаи. И его вполне устроит животное. Но это должно быть по-настоящему крупное животное, а не какая-нибудь мышь или белка.

— И какого же зверя мы найдем на острове? Я не видел здесь никого крупнее бурундуков, за исключением этого самого енота.

— Ну нет, я ни за что не трону Робина Гуда! Он — друг. Нет, я поеду на моторке в Гэхато и куплю там свинью или еще какое-нибудь животное. Тебе лучше отправиться со мной — поможешь тащить зверя.

— Нет, мы точно с ума сошли, — сказал я. — Ты, кстати, выяснил, где находилась Атлантида на самом деле?

— Нет; не подумал спросить. Возможно, мы об этом узнаем позже. Давай двинемся прямо после обеда.

— Почему не сейчас?

— Я обещал Майку кое-что сделать сегодня утром.

«Дело» заключалось в том, что нужно было распилить на дрова упавший тополь. Запустив бензопилу, они управились бы за несколько минут; но Майк не доверял всяким новомодным механизмам. В итоге они взялись за двуручную пилу, и дело шло очень медленно. Я подменял Альфреда, пока не заболели мозоли, натертые на кануне во время гребли.

Но у погоды оказались свои идеи по поводу нашей дневной поездки в Гэхато. Есть такая верная примета: если где-то в штате Нью-Йорк летом идет дождь, то он идет и в Адирондаке. Как-то раз дождь лил ежедневно на протяжении восьми недель.

У нас было два прекрасных дня, и этот день тоже поначалу казался ясным и тихим. В десять небо покрылось тучами. В одиннадцать загрохотал гром. В двенадцать дождь полил как из ведра, прервав нашу возню с тополем.

Выглядывая из окон, мы с трудом могли рассмотреть, что творится у воды — разве что в те мгновения, когда небо озарялось особенно яркой молнией. Ветер ревел среди старых сосен, стволы деревьев гнулись, казалось,

что в любую минуту деревья снесет. Гром заглушал почти все, что мы говорили друг другу. Дождь бил в окна почти горизонтально, как будто струи воды вырывались из пожарного шланга.

— Полагаю, Йускийеку придется подождать, — сказал я.

Альфред казался встревоженным.

— Он был весьма настойчив. Я сказал, что могут возникнуть препятствия, а он пробормотал что-то вроде: «Вспомни, как вышло в прошлый раз!»

Дождь продолжался весь день. Гром, молния и ветер ослабевали — и на улице шел просто сильный ливень, обычный в Адирондаке. Альфред сказал:

— Знаешь, Вилли, я думаю, что нам действительно стоит сесть в лодку и отправиться в Гэхато...

— Ты *точно* чокнулся, — ответил я. — Такой шторм — твоя лодка утонет раньше, чем ты доберешься до места.

— Нет; лодка непотопляема, она с воздушными подушками, и ты можешь вычерпывать воду, пока я буду править рулем.

— О, ради Бога! Если ты решился на эту нелепую вылазку — почему бы тебе не взять Майка?

— Он не умеет плавать. Вряд ли нам предстоит купание, но рисковать я не хочу.

Мы еще некоторое время спорили. Само собой разумеется, ни один из нас не хотел отправляться в это плавание. Альфред, тем не менее, был по-настоящему одержим своей волшебной лампой и ее могущественным обитателем. Возможно, бог пробудился потому, что мы потеряли лампу — он явился как джинн из *Арабских ночей*.

И тут Альфред схватил меня за руку и воскликнул:

— Взгляни туда!

Я подскочил как ужаленный; жутковатая атмосфера начала на меня действовать. С превеликим облегчением я осознал, что Альфред указывал не на ожившее воплощение Йускийека, а на огромную каймановую черепаху, которая плелась по поляне перед домом.

— Вот и наша жертва! — завопил Альфред. — Давай ее схватим! *Майк!*

Мы распахнули парадную дверь, двинулись, скользя и спотыкаясь на влажной траве, вниз по берегу, направляясь к Нижнему озеру вслед за черепахой. Мы окружили животное прежде, чем оно достигло кромки воды. Тварь напоминала маленького динозавра, она вертелась туда и сюда, демонстрируя настоящие чудеса скорости: Когда мы подошли совсем близко, черепаха вытянула голову и щелкнула челюстями. Этот звук заглушил шум дождя.

Черепаха огрызнулась на Майка, и тут Альфред ухватил ее за хвост и приподнял в воздух. Это потребовало немалых усилий — черепаха, должно быть, весила не меньше двадцати фунтов. Альфреду пришлось держать ее на вытянутой руке, чтобы избежать укуса. Черепаха вертела своим крючковатым клювом во все стороны, щелкала челюстями и перебирала лапами.

— Берегись! — завопил я. — Эта тварь может тебе что угодно откусить, если ты не поостережешься!

— Майк! — крикнул Альфред. — Тащи топор и острогу!

Мы все промокли. Альфред взмолился:

— Поторопись! Я не смогу долго держать эту тварь!

Когда Майк принес все необходимое, Альфред сказал:

— Теперь, Майк, сунь ей в пасть острогу, пусть зверюга ухватится за нее зубами. Вилли, стой в стороне с топором. Когда Майк вытянет ее голову из-под панциря, переруби шею!

У меня не было ни малейшего желания убивать эту черепаху, которая мне ничего не сделала. Но я был здесь гостем, и кроме того, оставалась возможность, что лампа со всеми ее кошмарами — абсолютно реальна.

— Разве тебе не нужно совершить какой-то ритуал? — спросил я.

— Нет; это будет потом. Йускийек мне все объяснил. Ага, хватайте ее!

Черепаха вцепилась в конец остроги. Поворачивая небольшой трезубец, Майк медленно вытягивал из-под панциря голову существа. И тут...

— Матерь Божья! — закричал Майк. — Она сейчас сломает острогу!

Так оно и было. Черепаха перекусила один из зубцов — возможно, подточенный ржавчиной — и вырвалась на свободу.

И тотчас раздался дикий вопль Альфреда. Черепаха дотянулась своим клювом до его ноги, чуть выше колена. От волнения Альфред позабыл о том, что нужно держать рептилию на вытянутой руке.

Когда черепаха прокусила Альфреду ногу через брюки, он завертелся на месте, не выпуская из рук покрытый шипами хвост рептилии. Потом и он, и черепаха упали. Альфред покатился по земле, схватившись за пострадавшую ногу, а черепаха свалилась вниз и исчезла в бурных водах Нижнего озера.

Мы с Майком втащили Альфреда обратно в дом Тен Эйков; большое красное пятно расплывалось у него на брюках. Когда мы сняли с него одежду, то оказалось, что немедленно отправляться к доктору в Гэхато не нужно. Зубы черепахи в четырех местах проткнули кожу, но раны были таковы, что спирта и бинтов вполне хватило для спасения пострадавшего.

Переволновавшись, мы почти забыли о Йускийеке и его жертве. Поскольку Альфред хромал, то он разрешил

Майку приготовить обед. Потом мы немного послушали радио, немного почитали, немного поговорили и легли спать.

Дождь все еще барабанил на крыше, когда, несколько часов спустя, Альфред разбудил меня.

— Снова тот же шум, — сказал он.

Когда мы прислушались, снова донеслось «бум-бум-бум» — громче, чем прежде. И опять мы резко распахнули дверь и осветили все кругом фонарями. Но увидели мы только сплошную завесу дождя.

Когда дверь заперли, звук раздался снова. Он стал еще громче. И вновь мы безрезультатно осмотрели крыльцо. Потом мы затворили дверь, и гулкое «бум-бум-бум» повторилось. Казалось, содрогался весь остров.

— Надо же! — проговорил Альфред. — Что, черт побери, творится? Похоже на землетрясение.

— Никогда не слышал о землетрясениях в этих краях, — сказал я. — Но...

И тут раздался потрясающий *бум*, как будто ударила молния. Дом затрясся, я услышал, как вещи валятся с полок.

Майк осмотрелся по сторонам и завопил:

— Мистер Тен Эйк! Озеро поднимается!

Вибрация стала настолько сильной, что мы с трудом удерживались на ногах. Мы цеплялись за стены и друг за друга, чтобы сохранить равновесие. Мы как будто стояли в вагоне поезда, который очень быстро мчался по очень плохой старой дороге. Альфред глянул куда-то в сторону.

— Живее! — заорал он. — Давайте убираться отсюда!

Мы кинулись вперед, под дождь, как раз тогда, когда воды Нижнего озера залили поляну перед домом Тен Эйка. На самом деле это не озеро поднималось, а остров опускался. Сойдя с крыльца, я оказался по колено в во-

де. Волна свалила меня с ног, и я как-то умудрился избавиться от купального халата.

Я, к счастью, довольно хорошо плаваю. И едва начав грести, я легко сумел удержаться на поверхности. Не было маленьких волн, которые бьют прямо в лицо, только большие, длинные, медленные волны то приподнимали, то опускали меня.

Рядом, однако, оказалось огромное количество обломков, сорванных с острова, который скрылся под водой. Я то и дело натыкался на ящики, перила, дрова, ветки деревьев и прочий хлам. Потом я услышал голос Майка Девлина.

— Где ты, Майк? — закричал я.

Перекрикиваясь, мы отыскиали друг друга, и я подплыл к Девлину. Помня, что Майк не умеет плавать, я попытался, как мог, сыграть роль спасателя. К счастью, Майк вцепился в ветку того самого тополя, который пилили днем — это спасло ему жизнь. Мне пришлось подталкивать Девлина, но полчаса спустя мы все-таки добрались до берега. Майк рыдал.

— Бедный мистер Тен Эйк! — воскликнул он. — Такой чудесный, добрый джентльмен. Должно быть, на нем лежало проклятие.

Было ли Альфред Тен Эйк проклят или нет, но его труп обнаружили на следующий день. Эл, как он и сам признал, оказался неудачником.

Прилив нанес многотысячный ущерб причалам, лодкам и эллингам других обитателей берегов Верхнего и Нижнего озер. Из-за ливня, однако, все прочие владельцы домов не выходили на улицу и потому не пострадали.

Геолог из государственной службы сказал, что землетрясение с научной точки зрения было невозможно.

— Мне следовало бы, наверное, сказать «аномально», — уточнил он. — Очевидно, оно было возможно, раз уж

произошло. Нам следует уточнить наши теории, чтобы объяснить происшедшее.

Я решил, что бессмысленно рассказывать ему о Йускийеке. Кроме того, если история получит огласку, то какой-нибудь владелец загородного домика может оказаться излишне настойчивым и предъявит мне иск за ущерб, нанесенный его имуществу. Черт знает, как он сможет это доказать; но кому нужен судебный процесс, пусть даже такой нелепый?

Лампа из Атлантиды, я уверен, лежит на дне озера, и надеюсь, что никто ее не вытащит. Когда Йускийек угрожает утопить остров, если жертва ему не понравится — он не врет. Возможно, он больше не может затопить такой большой остров, как Атлантида. Но маленькое местечко, вроде острова Тен Эйка, ему вполне по силам.

Я, однако, не собираюсь тревожить это вспыльчивое и злобное древнее божество только для того, чтобы узнать, на что оно способно. Одной попытки вполне достаточно. В конце концов, Атлантида, судя по всему, была *континентом*. И если Йускийек сильно разозлился...

Алджи

Едва я припарковался за домом тетушки, стоящим на берегу озера Алгонкин, как меня уже приветствовал морщинистый загорелый Майк Девлин. Майк сказал:

— Привет, мистер Ньюбери! Как я рад видеть вас снова. Вы слышали об *этом*?

— О чем?

— О чудовище... чудовище озера Алгонкин.

— О господи, нет! Я был во Франции, женился. Дорогая, это мой старый друг Майк Девлин. Майк, моя жена Дениз.

— О, я очарована, месье, — сказала Дениз, которая еще не слишком хорошо владела английским.

— Вы нашли себе прекрасного мужа, миссис Ньюбери, — заявил Майк. — Я его знаю еще с тех пор, когда он был размером с бурундука. Дайте мне сумки.

— Я сам возьму эту, — сказал я. — Ну и что там с чудовищем?

Майк взъерошил курчавые седые волосы.

— Люди говорят, что в темные ночи кто-то или что-то плавает по озеру, поднимает над водой голову и осматривается. Но никто толком не сумел ничего разглядеть. Тут собрались парни из газет и целая толпа шотландцев — все они наблюдают с Индейского мыса.

— Хочешь сказать, что у нас появилась домашняя версия Лох-Несского чудовища?

— Именно.

— А как сюда попали шотландцы? Я думал, что им вполне достаточно собственного озерного монстра. Наверное, что-то вроде соревнования?

— Может, и так, мистер Ньюбери. Все они — члены какого-то общества, которое занимается поиском морских змеев и сбором рассказов о них.

— Где моя тетя?

— Миссис Колтон и мисс Колтон плавают в гребной шляпке, ищут монстра. Если они его отыщут — наверное, пожалеют об этом.

Майк отвел нас в дом — удобный, трехэтажный дом из еловых бревен, стоящий в тени огромных старых сосен — и проводил в отведенную нам комнату. Он указал на северное окно.

— Если присмотритесь повнимательнее, то увидите шотландцев вот там, на мысу.

Я вытащил бинокль, который привез с собой, чтобы наблюдать за дикой природой. На дальнем краю Индейского мыса вокруг каких-то приборов собралось несколько человек. Я передал бинокль Дениз.

Годом раньше Майк остался без работы: мой бывший одноклассник, Альфред Тен Эйк, погиб во время землетрясения, когда затонул остров Тен Эйка. Я рекомендовал Майка своей тетушке, летний домик которой находился на озере Алгонкин в двадцати милях от Гэхато. Так как моя тетя была вдовой, а дети ее давно выросли и разъехались, то она не могла поддерживать порядок в большом доме; ей требовался помощник. Майк раньше был лесорубом, он родился в Канаде — и он подошел для этой работы. Моя тетя пригласила нас с Дениз провести медовый месяц в летнем доме. В гости к тетушке как раз приехала ее дочь, Линда.

Распаковав вещи, мы вышли на причал, чтобы подождать мою тетю и кузину. На озере мы разглядели несколько лодок, однако они находились слишком далеко. Мы размахивали руками — но безрезультатно.

— Давайте заглянем к шотландцам, — сказал я. — Ты не возражаешь против прогулки? Здесь три четверти мили.

— Это же около километра, верно? *Allons!*

Тропинка вилась вдоль берега от летнего лагеря до Индейского мыса. Когда я в детстве приезжал к тетушке, то расчищал эту дорожку. Теперь ее забросили, и нам приходилось пробираться сквозь заросли и перелезать через поваленные деревья. Мы миновали небольшой сарай, почти незаметный среди елей, он располагался посередине между тропинкой и озером.

— Что это, Вилли? — спросила Дениз.

— Здесь раньше стояла паровая машина, она накачивала воду на верхний этаж дома. Когда я был ребенком, я собирал дрова и запускал машину. Это было поразительное устройство — не слишком эффективное, но очень простое; и оно всегда работало. А теперь в доме стоит электрический насос.

На краю Индейского мыса лес стал совсем редким. Шотландцы собрались вокруг своих инструментов. Когда мы подошли ближе, я разглядел четверых мужчин в твидовых костюмах и целую батарею камер и телескопов. Шотландцы оглянулись, когда мы подошли ближе. Я сказал: «Привет!»

Они ответили очень сдержанно. Когда я назвался племянником и гостем миссис Колтон, шотландцы стали более дружелюбными.

— Я — Кинтайр, — сказал один из них, протянув мне руку. Он был крупным, широкоплечим, бывалым человеком, у него были светлые седеющие волосы, густые усы, монокль, и он был одет в мешковатый твидовый костюм. Я в жизни не видывал мужчин с моноклем — за исключением немецкого полковника, которого мы захватили в плен во время войны.

— А я — Иэн Селкирк, — сказал другой шотландец, обладатель пышной рыжей бороды. (Тогда бороды отращивали одни только художники), Он продолжил: — Лорд Кинтайр оплачивает это сафари, так что он — лэрд. Мы каждое утро должны становиться перед ним

на колени, протягивать к нему руки и приносить клятвы вассальной верности.

Лорд Кинтайр захохотал и представил двух своих спутников: Уоллеса Фарга и Джеймса Маклахлана. Кинтайр говорил на правильном английском, но у Фарга был такой сильный шотландский акцент, что я с трудом разбирал его слова. Речь двух других представляла нечто среднее между этими двумя полюсами. Последовав их приглашению, мы посмотрели в телескопы.

— И что это за монстр? — спросил я. — Дело в том, что я давно здесь не бывал.

Они заговорили все разом, но лорд Кинтайр быстро перекричал остальных. Он рассказал мне примерно то же, что и Майк Девлин, добавив:

— Эта проклятая тварь появляется только по ночам. Не могу сказать, что я ее упрекаю — вокруг носится столько этих чертовых моторок. Они любое порядочное чудовище напугают. Я пытался заставить ваших городских начальников запретить лодочные прогулки, но все бесполезно. Молодежь от катаний ни за что не откажется. Так что, мы, возможно, не сможем толком разглядеть Алджи.

— Алгу? — переспросил я, думая, что речь идет о морских водорослях.

— Разумеется. Вы, американцы, называете наше чудовище «Несси», так почему бы нам не назвать чудовище озера Алгонкин «Алджи»? Но я опасаюсь, что одна из этих злосчастных моторок врежется в бедное существо и поранит его. Я полагаю, вы и ваша очаровательная невеста придете завтра на вечерний бал?

— Конечно, моя светлость... то есть я хотел сказать «ваше лордство»...

— Зовите меня Алек, — возопил его светлость. — Так меня все зовут. Сокращение от «Александр Малл, второй барон Кинтайр». Мой старик продал за границу так мно-

го шотландского виски, после того как вы, парни, избавились от своего нелепого сухого закона, и Болдуин пожелал сделать ему что-нибудь приятное. Итак, юноша, что насчет вечерних танцев? Я плачу по счету.

— Хорошо, — согласился я, — если Дениз согласится терпеть мои неуклюжие попытки танцевать.

Придя домой, мы обнаружили, что тетушка с дочерью тоже вернулись с прогулки. Небо хмурилось.

Линда Колтон оказалась высокой, стройной блондинкой, вполне созревшей — если не обращать внимания на ее изможденный вид. Милая девушка, но уж точно не выдающаяся. Когда мы обменялись приветствиями, тетя Фрэнсис сообщила:

— Сегодня к ужину придет Джордж Вриланд. Бриггс дал ему выходной. Вы знакомы с Джорджем?

— Мы встречались, — ответил я. — Он был кузеном моего покойного друга, Альфреда Тен Эйка. Я думал, что Вриланд уехал в Калифорнию.

— Он вернулся и работает портье у Бриггса, — сказала тетя Фрэнсис.

Джо Бриггс владел «Алгонкин-лодж», расположенным на берегу в нескольких милях от дома Колтонов, в противоположной стороне от Индейского мыса. Линда Колтон сказала:

— Джордж говорит, что собирается надеть специальный скафандр, чтобы отыскать монстра.

— Сомневаюсь, что он сможет далеко забраться, — заметил я. — В воде так много водорослей, что вы даже собственной руки не разглядите, если спуститесь на несколько футов. Когда здесь строили дамбу, чтобы поднять уровень воды в озере, то даже не потрудились расчистить участок земли, который решили затопить.

Мне следовало бы добавить, что я слышал о Джордже Вриланде не слишком лестные отзывы. Альфред Тен Эйк утверждал, что во время его отсутствия Джордж арен-

давал дом на острове Тен Эйка. За это время он распродал почти всю огромную коллекцию оружия Альфреда каким-то местным жителям. Он забрал деньги и убрался прежде, чем вернулся хозяин дома. Я не назвал бы Вриланда злым или порочным — просто ненадежным парнем, который не может противиться искушениям.

Но вместо этого я рассказал о нашей встрече с шотландцами. Линда спросила:

— А вам не показалось, что Иэн Селкирк — самый очаровательный человек на свете?

— Я не могу судить о мужской красоте, — ответил я. — Он, кажется, немало повидал в жизни и выглядит вполне прилично. Вряд ли я согласился бы носить такую бороду, но это, в конце концов, его личное дело.

— Он отрастил бороду во время войны, когда служил на подводной лодке, — сказала Линда.

Дениз заметила:

— Извините меня... Я тоже видела мистера Селкирка. И да, он красив. И он это знает... возможно, слишком хорошо знает, *hein*?

Кузина Линда сменила тему.

К ужину явился Джордж Вриланд; он примчался на моторной лодке из «Алгонкин-лодж». Сначала Джордж меня не вспомнил — ведь мы общались очень мало, причем еще в тридцатых годах, когда оба были подростками.

Сразу стало очевидно, что Вриланд влюблен в Линду Колтон, даром что она была на дюйм выше него. Он напыщенно разглагольствовал о своем великом плане — спуститься в скафандре под воду и поймать Алджи. Я заметил:

— Мне кажется, если никакого чудовища нет, то вы впустую потратите время. А если чудовище существует и вы его потревожите — вероятно, кончится тем, что оно вас проглотит.

— О, Вилли! — воскликнула Линда. — Именно таким он всегда и был, Джордж, даже в детстве. Всякий раз, когда у нас появлялся какой-то чудесный, романтический, многообещающий план, он отпускал какое-нибудь исключительно здравомысленное замечание, как циничный старый джентльмен, и уничтожал на корню все наши прекрасные замыслы.

— О, я с собой прихвачу что-нибудь для защиты, — сказал Вриланд. — Подводное ружье или что-нибудь эдакое — если только чертовы шотландцы первыми не загарпунят эту тварь.

— Они мне сказали, что не собираются ей вредить, — заметил я.

— Не доверяйте этим лживым кельтам. Они пытаются остановить наши моторки, надо же! Они готовы нам провалить весь летний сезон, лишь бы заснять чудовище на киноплёнку.

Вскоре после ужина тетушка Фрэнсис обратила наше внимание на далекие вспышки молний. Облака, висевшие над горными хребтами Адирондака, озарялись лиловыми сполохами.

— Джордж, — проговорила она, — вы приехали по воде, так что вам нужно ехать обратно, если не хотите, чтобы Линда отвезла вас в «Алгонкин-лодж»; тогда завтра вы сможете вернуться за лодкой.

— Нет, я поеду, — сказал Вриланд. — Сегодня у меня ночная смена.

После его ухода мы около часа беседовали о разных семейных делах. Затем мы услышали крики и вышли на лужайку перед домом.

Шум доносился со стороны Индейского мыса. Я мог разглядеть вспышки света на наблюдательном пункте шотландцев. Очевидно, они решили, что кого-то нашли.

В перерывах между вспышками молний на озере было слишком темно, и ничего разобрать не удавалось.

— Подождите, я принесу свой бинокль, — сказал я.

Но от бинокля проку было мало, поскольку озеро было погружено во тьму. Потом в яркой вспышке молнии я заметил в водах озера какую-то темную массу. Возможно, она находилась на расстоянии в сто ярдов, хотя за точность я ручаться не мог.

Я пытался разглядеть, что творится на озере, а три женщины наперебой задавали мне вопросы. Я следил за неизвестным объектом в те мгновения, когда в небе вспыхивали молнии. Эта масса, казалось, перемещалась параллельно берегу. Она вроде бы то поднималась, то опускалась. По крайней мере, молнии каждый раз высвечивали несколько изменившийся силуэт. Я передал бинокль тетушке, и женщины тоже смогли все рассмотреть.

Затем загрохотал гром и пошел дождь. После этого мы ничего разглядеть уже не смогли. Даже выносливые шотландцы сдались и вернулись в свое убежище.

Мы не слишком рано проснулись на следующее утро; дождь шел по-прежнему. Мы поздно спустились к завтраку. Когда я начал извиняться, Линда Колтон сказала:

— О, все в порядке, Вилли. Мы знаем, что молодые рады любому предлогу, лишь бы подольше задержаться в кровати.

Я покраснел и усмехнулся. Дениз, которая происходила из семьи французских протестантов, отличавшихся пуританскими нравами, не отрывала взгляда от своего стакана с апельсиновым соком.

В то утро я занимался экономикой, готовясь к работе в трастовой компании. К полудню дождь прекратился и тучи рассеялись. Когда стало теплее, я предложил искупаться. Дениз сказала:

— Но Вилли, *mon cher*, там же монстр! А вдруг он нас съест?

— Послушай, любимая, и я, и мои друзья и родственники плавали в этих озерах столько, сколько я себя помню, и Алджи ни разу не укусил ни одного из нас. Если здесь есть чудовище, то у него уже была масса возможностей проявить свой нрав. Кроме того, я как-то раз беседовал о подобных чудовищах с профессором геологии из Массачусетского технологического. Он объяснил, что такой твари нужно достаточно большое пространство, ей нужна еда — например, рыба. В озере Алгонкин прокормиться сможет разве что каймановая черепаха. *Il n'y a rien craindre.*

— Ну хорошо, а как же быть с аллигаторами и крокодилами, которые у вас живут во Флориде? Им-то море, оказывается, не нужно, — заметила Дениз.

— Во-первых, — объяснил я, — они живут в водоемах, которые связаны между собой, и поэтому могут перемещаться из одного озера в другое. Чтобы поддерживать популяцию, необходимо место не для одного животного, а для пятидесяти или ста. Иначе вид просто вымрет. Так что не ищи *Plesiosaurus* или *Mosasaurus* в этих озерах. Кроме того, никакой аллигатор (или любая другая рептилия такого размера) не смог бы пережить здесь зиму; ведь озера замерзают.

Дениз не очень-то мне поверила, но отправилась плавать. Однако, наверное, я все-таки не мазохист: я никогда не мог по-настоящему наслаждаться купанием в ледяных водах Адирондака.

Искупавшись и переодевшись, мы прогулялись к Индейскому мысу, отчасти чтобы согреться, отчасти чтобы посмотреть, чем заняты шотландцы. Мы увидели Фарга, Маклахлана и еще одного человека, которого нам представили как профессора Балларди. Насколько я понял, он был мозговым центром экспедиции. Они устанавливали прожектор рядом с прочими устройствами.

— Может статься, все это впустую, — сказал Балларди, веселый маленький седовласый человечек. — Но мы должны узнать наверняка.

- Да, — сказал Фарг. — Если мы постараемся, то все узнаем.

Я повторил им доказательства, которые слышал от профессора геологии. Как я и ожидал, на каждый мой аргумент они находили не меньше десятка возражений. Я решил, что лучше всего сбавить тон и просто послушать; в конце концов, я в их предприятие средств не вкладывал. Когда Балларди истощил свой запас аргументов, я спросил:

— А где мистер Селкирк?

— Он сегодня уехал, — ответил Маклахлан.

Фарг добавил:

— Он навряд ли готовься к баллу. — По крайней мере, мне показалось, что произнес Фарг именно это.

Моя тетушка решила не ходить на «балл». Джордж Вриланд приплыл по озеру на своей моторке и тотчас отвез Дениз, Линду и меня в «Алгонкин-лодж». Все это происходило еще до начала неряшливых шестидесятых, поэтому мы с Джорджем надели пиджаки и галстуки. Когда мы тащились по причалу к «Алгонкин-лодж», я слышал усиливающийся смех лорда Кинтайра.

Внутри мы обнаружили Джо Бриггса, толстого и румяного; он играл роль радушного хозяина. Я наконец понял, что имел в виду Уоллас Фарг, когда сообщил мне, что Селкирк «готовься к баллу». Селкирк надел клетчатую юбку, кожаную шотландскую сумку и короткую курточку с большими серебряными пуговицами; еще он прицепил кинжал. Лорд Кинтайр оделся так же, хотя остальные шотландцы остались в старых твидовых костюмах. Мы познакомились с леди Кинтайр, маленькой и незаметной седой женщиной, и еще с парочкой шотландцев, которых я раньше не видел.

Мы с Дениз пытались станцевать румбу, когда рядом оказались Вриланд и Линда. Селкирк подошел и коснулся руки Вриланда.

— Могу ли я пригласить вашу даму? — вежливо спросил он.

Сомневаюсь, что Вриланд знал об обычае приглашать даму на танец. Пока он разевал рот, Селкирк нежно подхватил Линду и помчался с ней в танце. Когда мы снова их увидели, он уже что-то нашептывал Линде на ухо, а она весело смеялась.

Потом было еще немало танцев и немало выпивки; наконец лорд Кинтайр провозгласил:

— Теперь мы покажем вам несколько шотландских танцев. Иэн, приведи сюда юную леди.

Селкирк вышел вперед с Линдой Колтон. Мне уже хватило трудностей с танцами, которые я заранее разучил, так что я с превеликим удовольствием отвел Дениз к бару. Платил за все лорд Кинтайр, а у моей тети Фрэнсис в хозяйстве не водилось ничего крепче хереса, поэтому я обрадовался возможности попробовать настоящую выпивку.

У стойки обнаружился Джордж Вриланд, который собирался с силами. Лицо у него покраснело, говорил он невнятно, а вел себя вызывающе. Мы постарались отойти от него подальше.

За шотландскими танцами мы наблюдали издалека. Когда настало время уезжать, Вриланда найти не смогли. В конце Селкирк отвез нас к дому тетушки на одном из автомобилей экспедиции. В глазах у Линды сияли звезды, когда она желала нам доброй ночи.

Примерно в три часа утра со стороны Индейского мыса снова донесся шум. Из наших окон я не смог разглядеть ничего, кроме дрожащего луча прожектора. Меня не настолько интересовали озерные чудовища, чтобы ради них отправляться на ночную прогулку, но ужасный

гам продолжался больше часа. Мы так и не смогли уснуть, хотя не стану говорить, что время до утра было потрачено впустую.

Шотландцы позже рассказали, что они снова видели Алджи и что он плавал поблизости так долго, что они спустили лодку на воду, решив посмотреть на него вблизи. Но Алджи тотчас скрылся в глубине.

Воскресенье оказалось на редкость погожим днем. Мы с Дениз утром отправились на прогулку, а днем решили прокатиться по озеру. Мы гребли, наверное, около получаса, и тут Дениз сказала:

— Смотри, Вилли, каноэ отходит от причала твоей тетюшки. Кажется, я вижу рыжую бороду мистера Селкирка.

Конечно же, это были Иэн Селкирк и Линда Колтон в одном из каноэ Джо Бриггса. Я махнул им рукой, но они, должно быть, были настолько заняты друг другом, что нас даже не заметили.

Когда они подплыли ближе, то я обнаружил, что оба одеты в купальные костюмы. Это неплохая идея, если отправляешься плавать в каноэ, не имея опыта. Линда, сидевшая на корме, шлепала по воде веслами и отдавала команды Селкирку, расположившемуся на носу.

Я опустил весла, наблюдая за этой парочкой. Через некоторое время они тоже перестали грести. Я заметил в их положении что-то странное. Они спустились со скамеек и уселись на дне каноэ, так что были видны только их головы и плечи. Они медленно придвигались все ближе друг к другу, не переставая говорить и смеяться.

Дениз сказала:

— Думаю, они собираются попробовать *un petit peu de l'amour*.

— Это хорошая идея, — сказал я, — если не забывать, что в лодке всегда нужно следить за равновесием. — Я

подумал, не следует ли мне попытаться спасти честь кузины. Все это происходило задолго до сексуальной революции, когда многие семьи еще очень серьезно относились к девичьей чести. Но вообще-то я даже не знал, осталась ли у Линды какая-то честь, которую еще следовало спасать.

— Нет, — сказала Дениз, неправильно истолковав выражение моего лица, — даже не думай ни о чем подобном, мой старичок. Я не смогла бы наслаждаться этим в лодке — боюсь перевернуться.

Те двое уже оказались так близко друг к другу, что Селкирк обнял Линду. Я не знаю, что случилось бы, если бы не вмешался Алджи.

Из воды, возле борта каноэ, обращенного к середине озера, меньше чем в десяти футах от суденышка появилась голова рептилии, размером с лошадиную. Следом за головой показалась длинная и толстая шея. Я увидел выпученные белые глаза и столь же белые длинные клыки. Существо поднялось над водой футов на шесть и с ненавистью уставилось на сидевших в каноэ.

Прошло несколько секунд, прежде чем влюбленные поняли, что за ними наблюдают. Тогда Линда закричала.

Иэн Селкирк осмотрелся, подпрыгнул в каноэ, сиганул за борт и поплыл к берегу с олимпийской скоростью. Он даже не оглянулся в сторону лодки и брошенной им Линды.

— Трус! — воскликнул я. — Сейчас подплыву поближе.

— Вилли! — заплакала Дениз. — Оно нас сожрет!

— Нет, не сожрет. Посмотри повнимательнее. Это же что-то вроде дракона из луна-парка.

Не обращая внимания на вопли Дениз, я начал грести, приближаясь к удивительному существу. Алджи оказался слишком ярко раскрашенным муляжом из губ-

чатой резины. Я ткнул в него веслом, чтобы убедиться наверняка, а потом подвел лодку к каное.

Линда была в истерике, но она успокоилась, как только увидела меня. Вскоре она направила каное обратно к нашему доку. Мы последовали за ней в шлюпке.

На берегу мы встретили Майка Девлина. Он произнес:

— Мистер Ньюбери, ну что там с монстром? Когда спросили молодого шотландца...

Со стороны Индейского мыса к нам подбежали двое. Сначала появился Джордж Вриланд; из носа у него шла кровь. За ним гнался Иэн Селкирк, в плавках и кроссовках, он выкрикивал проклятия на неизвестном языке, которого я не мог опознать. Возможно, это был шотландский диалект, а возможно, и гэльский. Они умчались по направлению к «Алгонкин-лодж».

— Это сарай для насоса, — сказал Майк. — Шотландец спросил меня, есть ли здесь что-то подобное. Я сказал ему «да», и он помчался прочь, как будто услышал крик банши.

— Пойдем-ка посмотрим, — произнес я.

Нам пришлось раздвинуть густые заросли и пробраться сквозь подлесок, чтобы подойти к сараю — там долгие годы никто не бывал.

Каное стояло у берега возле самого сарая.

Внутри сооружения толстым слоем лежали пыль и сосновые иголки. Старый паровой двигатель и насос покрылись ржавчиной. Но появилось и кое-то новое.

— Матерь Божья, вы посмотрите-ка на это! — воскликнул Майк. — Вот как этот мальчишка всех нас одурачил!

На внутренней стене сарая были установлены две лебедки. Мы увидели барабаны, на которые были намотаны длинные бельевые веревки, и рукояти для того, чтобы вращать эти барабаны. Веревки выходили через от-

верстия в стене. Они тянулись к краю воды и исчезали в озере.

Стало ясно, что сделал Вриланд. Он уложил на дно озера какие-то стойки — бетонные блоки или что-то вроде — с прикрепленными к ним шкивами. Веревки, привязанные к Алджи, проходили по этим шкивам и обратно в сарай. Поворачивая рукояти, можно было поднимать и опускать плавучего Алджи и даже перемещать его по горизонтали на небольшие расстояния.

Майк объяснил:

— Я услышал крик и увидел чудовище, вылезающее из воды, и молодого шотландца, который плыл к берегу, словно за ним гнался дьявол. Когда он вышел из воды и перевел дух, то произнес: «Оно гонится за мной!» «Погляди, парень», сказал я. «Всякому ясно, что это вообще не настоящее чудовище; вокруг него плавают лодки, а оно стоит себе спокойно в воде».

Вот он и поглядел. «Ей-богу, вы правы!» — сказал он. Ну, это сообразительный молодой шотландец, и ему не потребовалось и десяти секунд, чтобы понять, какие тут дела творятся. «Скорее!» — воскликнул он. «Есть ли здесь неподалеку, у берега, какая-нибудь хижина или сарай?» Ну, я и сказал ему про старый насосный сарай. «Я вам покажу», — предложил я. «Нет, спасибо», — ответил он. «Просто скажите, где это. Свидетели мне не нужны». Потом он убежал. Он, должно быть, поймал мистера Вриланда, когда тот выбирался из воды.

Дениз начала истерически хохотать; мне даже пришлось постучать ее по спине: «Comme c'est rigolo donc!»

Все лодки на озере Алгонкин вскорости перебивались в гостях у монстра. Селкирк не сумел уничтожить Вриланда. Джордж укрылся в лесу и, превосходно зная местность, сумел отделаться от преследователя. Несколько часов спустя, Селкирк, исцарапанный и искусанный москитами, вернулся обратно в «Алгонкин-лодж». Пола-

гаю, он слишком сильно переживал утрату своего доброго имени и поэтому никому не показывался; во всяком случае, мы его больше не видели.

Моя кузина Линда отвергла своих сомнительных поклонников. Год спустя она вышла замуж за обычного молодого бизнесмена.

На следующее утро раздался телефонный звонок.

— Мистера Уилсона Ньюбери, пожалуйста ... О, так это вы, Вилли? Алек Кинтайр у телефона. Вот что, Вилли, вы можете оказать мне одолжение? Мои парни собрали все механизмы и готовы уехать, но я хочу еще раз все осмотреть вместе с кем-то, кому знакомы здешние места. Вы не могли бы...

Полчаса спустя я показал лорду Кинтайру сарай, в котором Вриланд установил свой механизм.

— Знаете, — сказал лорд Кинтайр, — все это дело рук Бриггса.

— Как так?

— Когда Вриланд пришел туда утром, они с Бриггсом сильно повздорили, и Вриланд ударил его веслом. Кажется, Бриггс нанял его прошлой весной, чтобы устроить все это жульничество — хотел побольше заработать на туристах. Думаю, он своего добился.

Они могли всех дурачить до бесконечности — Вриланд должен был изображать ужасное чудовище только по ночам. Он плавал только в каноэ, ведь шум моторной лодки сразу выдал бы его. Все знали, что он настоящий фанатик техники, и никто даже подумать не мог, что он — опытный каноист.

Иэн Селкирк все испортил. Вриланд до того разозлился на Иэна, что решил напустить на него Алджи среди бела дня. Тогда потребовалось всего лишь посмотреть внимательно — и стало ясно, что это подделка. Парни на берегу поняли все, как только навели на Алджи свои телескопы.

Да, странный парень этот Иэн. На самом деле он не трус — он вместе со мной плавал на субмарине во время войны, — но на сей раз запаниковал. Он даже не дождался, когда мы соберем вещи; так вчера вечером и уехал. Проблема Иэна в том, что думать он может только об одном — с кем бы поразвлечься. А теперь, может, посмотрим на Алджи?

Мы с лордом Кинтайром сели в весельную шляпку Колтонов. Мы плавали вокруг Алджи, который все еще болтался на поверхности воды, там, где его оставили.

Алджи состоял из головы, шести футов шеи и овального тела без конечностей, за исключением своеобразного руля в кормовой части. Из-за этого плавника чудовище всегда разворачивалось мордой вперед, так что Вриланд мог гонять его туда и обратно сколько угодно, пока позволяли канаты.

Последние шотландцы покинули Индейский мыс со своим оборудованием. Мы подобрались поближе к Алджи, и лорд Кинтайр вытащил карманный нож.

— Я отрежу маленький кусочек в качестве сувенира, если не возражаете, — сказал он.

Он забрал кусок резины, и мы двинулись обратно. И тут я воскликнул:

— Эй, Алек! Оглянитесь!

С Алджи что-то происходило. Он двигался туда-сюда какими-то странными толчками, вода вокруг него вспенилась. Толчки становились все сильнее и сильнее. Вы когда-нибудь видели, как собака хватается белку или другого маленького зверька и трясет его, пока не убьет? Алджи двигался так, будто его схватили снизу и начали так трясти. Лодка качалась на волнах. Монокль лорда Кинтайра выпал и повис на шнурке. Алджи почти полностью скрылся под водой.

Потом волнение прекратилось. Алджи появился снова — но по частям. Мы сидели тихо, опасаясь (по крайней

мере, я) шевелиться и говорить, чтобы то существо, которое разорвало Алджи (неважно, что оно собой представляло), не принялось за нас.

Но больше ничего не случилось, я осторожно опустил весла, подтолкнув лодку к месту происшествия, но стараясь держать носом к берегу на случай поспешного бегства. Я вытащил из воды кусок сине-зеленой пористой резины, размером с мою ногу. Думаю, это было все, что осталось от шеи Алджи.

Лорд Кинтайр снял свой монокль и вздохнул.

— Такое уж у меня везение,— сказал он. — Надо же — оказался без камеры и без оборудования в нужный момент.

— Вы собираетесь снова позвать своих парней и продолжить наблюдения?

— Нет. Некоторые уже уехали домой, а все остальные собираются. Мы потратили достаточно денег и собрали достаточно материала для нашего отчета в Обществе. Кто-нибудь другой будет преследовать настоящего Алджи.

За все минувшие годы я больше не слышал ни о каких таинственных явлениях на озере Алгонкин. Хотя я и приезжал туда еще несколько раз, но постоянно находил какие-то предлоги, чтобы отказаться от купания в водоеме.

Менгир

Спускаясь по лестнице после завтрака, я повстречал очаровательную графиню. Она сказала:

— Бонжур, месье Ньюбери. Хорошо спали?

— *Parfaitement*, мерси, — ответил я.

— Вы ничего не слышали ночью?

— Нет, мадам. А должен был?

Она пожала плечами.

— Я просто спросила. В этом старом château постоянно раздаются странные стуки и скрипы. Некоторые из наших гостей беспокоятся, хотя я уверена, что причины вполне естественные.

— Я буду следить за подобными явлениями, мадам. Уверяю вас, они меня не испугают, поскольку я достаточно опытен в этих вопросах.

— Хорошо. А куда вы путешествовали вчера вместе с малышкой Дениз? Вы поздно вернулись.

— Мы обошли вокруг городской стены в Ванне, а затем катались на лодке около Гольф дю Морбихан.

— Это очень много для одного дня.

— Вы правы, мадам, но у нас в запасе просто нет времени. Именно поэтому, без сомнения, мы и спали так крепко.

— А куда вы поедете сегодня? — спросила она. Графиня де ла Каррье была поразительно красивой женщиной лет тридцати с небольшим. Она не пользовалась косметикой — просто потому, что в этом не нуждалась.

— Мы подумали, что стоит отправиться в Аннебон. Все говорят, что там чудесные средневековые ворота и крепостной вал.

Графиня слегка поморщилась.

— Несомненно! Но мы... у нас сохранились не самые приятные воспоминания об этом месте.

— *Ainsi donc?*

— Мы с сестрой там были во время резни.

— Вот как? Я читал об этом в путеводителе.

— Там сказана чистая правда. Перед отступлением, седьмого августа 1944 года, немцы подходили к домам, стучали в двери и стреляли в людей, которые открывали им. Очень многие горожане находились в убежищах, прятались от американских бомбардировок; но немцы пошли и туда; там тоже всех расстреливали. Анжелу — она тогда была совсем маленькой девочкой — могли убить, но молодой немецкий лейтенант, который командовал взводом, расстреливавшим другую партию горожан, шепнул, что она должна бежать. Вот так она вышла. А вы уже осмотрели мегалиты?

— Мы позавчера видели *линии* Карнака. Мы решили, что сегодня после обеда, если вернемся пораньше, сможем съездить в Локмариакер, чтобы осмотреть большой менгир и дольмен.

— Ну, если у вас нет времени для такой длительной прогулки, может, посмотрите наш собственный менгир; он находится на нашем участке в километре от дороги на Киберон. Этот менгир Локмелона разбит — как и в Локмариакер. До войны он был целым, но пострадал от взрыва. У нас говорят, что его взорвали немцы, чтобы доказать свое арийское превосходство; немцы заявляют, что его расколола бомба, сброшенная с американского самолета, который летел к Лорьену или Сен-Назеру. Год назад сюда явились члены какой-то английской секты; они прошли вокруг остатков менгира, облачившись в длинные одежды и держа в руках свечи. Они называли себя друидами.

— Если я хоть что-то понимаю в археологии, эти огромные камни установили задолго до того, как здесь появились кельты и их жрецы-друиды.

— Вы совершенно правы, месье; но вы же знаете, как людям нравятся всяческие сказки. В любом случае, *bonne chance*.

Я очень много путешествовал, поэтому титулы меня не впечатляют — особенно французские титулы; в этой стране любой гражданин может именовать себя как пожелает. Если Жак Леблан захочет называться Великим Ханом Татарии, то он вполне может исполнить свое желание.

Однако неплохо было бы поладить с нашими титулованными хозяевами из *château Kerzeriolet*. Мы с Дениз почти не видели их в первые дни нашего визита. Подозреваю, что это было связано с той оплошностью, которую мы допустили в первый день.

Мы прибыли из Нормандии с чемоданом, полным грязной одежды. Мы целый день провели, занимаясь стиркой, а потом развесили одежду на бельевой веревке у открытого окна. Мы не подумали, что эта «гирлянда» хорошо видна из внутреннего двора; а потом Жан-Пьер Танге, профессиональный *hotelier*, который принимал гостей на полный пансион, с превеликим смущением позвонил нам и попросил убрать белье. Мы смутились еще сильнее, чем управляющий.

На четвертый день, однако, мы столкнулись с графом и графиней де ла Каррье и обменялись любезностями; когда хозяева обнаружили, что Дениз француженка, а я говорю по-французски — они прямо-таки растаяли.

Дениз спасла меня от нескольких других грубых ошибок. В первое утро, например, я собирался спуститься к завтраку, но она настояла, что мы должны остаться в комнате и подождать кофе и булочек, которые принесут в номер. Здесь именно так было принято, а если бы мы попытались изменить установленный порядок, то просто добавили бы людям работы. Мне французский завтрак всегда казался бессмысленным (даже яиц не пода-

ют!). Но теперь все кругом заговорили о холестерине — так, может, французы и были правы?

Мы очень скоро увидели украшенные зубцами стены Аннебона. Мы смогли осмотреть большие средневековые ворота, Порт-Броре, только снаружи: рабочие до сих пор исправляли повреждения, нанесенные во время военных действий. В итоге мы возвратились рано и решили отправиться в Локмариакер.

Там мы осмотрели Волшебный Камень, самый большой из менгиров. Когда его установили, он, должно быть, достигал шестидесяти футов в высоту и весил больше 350 тонн. Археологи предполагали, что он рухнул еще в древние времена, возможно, сразу после установки. Люди древности еще не овладели технологией, позволяющей управляться с такими массивными сооружениями.

Но я все равно не мог не восхищаться подвигами людей эпохи неолита, которые обрабатывали, перемещали и возводили огромные монументы из камней, как в Стоунхендже и Карнаке. Я, однако, не испытывал перед этими постройками благоговейного ужаса и не доходил до мысли, что древние призывали на помощь маленьких зеленых человечков с Венеры.

Так или иначе, во всех исторических хрониках упоминается уже упавший камень. Он раскололся на пять частей, четыре из которых до сих пор лежат там, куда они рухнули. Еще мы осмотрели находившийся поблизости большой дольмен, который называли Столом Торговца. Когда-то это был огромный курган, выложенный со всех сторон каменными плитами; но охотники за сокровищами и эрозия уничтожили все наслоения, оставив одни только камни. От дольмена к Волшебному Камню вел подземный ход.

Мы хотели сфотографировать друг друга на остатках Волшебного Камня, но погода была пасмурная и туман-

ная, то и дело начинал накрапывать дождь. Я все же сделал несколько снимков, не надеясь, впрочем, на первоклассные фотографии. Когда мы возвращались обратно в Керцериоле, небо очистилось; мы как раз подъезжали к тому месту, где, по словам графини, стоял их собственный менгир Локмелона.

Следуя указаниям нашей хозяйки, мы припарковались и прошли пешком по холмистой, заросшей травой местности; наконец, нашелся и камень. Он был гораздо меньше Волшебного Камня, высотой, наверное, в десять или двенадцать футов. Этот менгир тоже был разбит, на три больших и несколько маленьких частей.

— Было бы не очень сложно склеить осколки, — сказал я.

— *Mon petit constructeur!* — воскликнула Дениз. — Вилли, тебе и дальше нужно было заниматься инженерным делом! Зачем ты подался в банкиры? Ты же понимаешь, любимый, во всех этих древних государствах очень много реликвий, и все, что могут делать правительства — латать их с той же скоростью, с какой они разваливаются. Кроме того, пришлось бы соблюсти великое множество правил какого-нибудь Департамента Археологии. Пришлось бы заполнять документы в четырех экземплярах и подавать заявки.

— Боже избави меня от европейской бюрократии! — сказал я. — Мне и нашей собственной вполне достаточно. В любом случае, я и не собирался все делать сам. — Я навел камеру на один из обломков. — Взгляни, это как будто лицо. Зловещий старикан, не так ли?

— Поберегись, мой дорогой. Дух этого старикана может рассердиться.

— Я повидал в жизни всякое, напугать меня ему не удастся.

— Все равно будь осторожен. Вспомни о наших бедных деточках!

Вернувшись в château, мы столкнулись с графиней в холле. Я рассказал, что осмотрел менгир Локмелона.

— Он хочет сложить его обратно, мадам, — сказала Дениз. — Он из тех людей, которые, увидев что-нибудь сломанное, тут же решают все починить.

— Такой мужчина очень полезен в доме, — сказала графиня. — Если бы у моего Анри были такие склонности! Он даже гвоздь вбить не может... Ах, вот и ты, Анри. Ты знаком с месье и мадам Ньюбери, не так ли?

Граф был стройным, лысеющим человеком примерно моего возраста — то есть немногим старше сорока. Если бы в Голливуде подыскивали актеров на роль идеальной пары старинных европейских аристократов, то не смогли бы найти никого лучше этих двоих.

Граф еле заметно поклонился и пожал мне руку.

— *Enchanté de toute manière, mes amis.* Не окажете ли мне честь, выпив с нами перед ужином?

Мы зашли в личные апартаменты покои Каррье и выпили немного вермута. К нам присоединились младшая сестра графини, Анжела де Кервадек, и ее спутник. Анжела была похожа на свою сестру, но еще более прелестна. Когда она станет старше и слегка наберет вес, то окажется точной копией Терезы, графини де ла Каррье.

Ее спутником был крупный мужчина примерно моего возраста, с коротко подстриженной темной бородой, в которой виднелись первые седые нити. Его нам представили как Макса Бергдорфа из Цюриха. Хотя этот джентльмен был швейцарцем немецкого происхождения, по-французски он говорил почти без акцента. Бергдорф разговаривал очень мало, но когда он открывал рот, то слова звучали жестко и резко. Он уселся на подлокотник кресла, в котором устроилась Анжела, и девушка склонилась к нему. Было очевидно, что между ними установилось полное взаимопонимание.

Графиня упомянула о восстановлении менгира Локмелона. Граф произнес:

— Ах, месье, это стоило бы денег. А деньги сейчас — большая проблема; вы же знаете, что творится с франком. Правительство всеми средствами пытается стабилизировать ситуацию. Такие налоги, такая инфляция — приходится на всем экономить. Возможно, если к власти придет Де Голль... Но пока приходится считаться с положением вещей. Может, вы, как человек, занимающийся финансовыми проблемами, сможете нам помочь.

— К сожалению, я слишком мало знаю о французских законах и финансовых учреждениях, — сказал я. — В противном случае счел бы за честь вам посодействовать.

Лицо графа чуть заметно вытянулось, хотя он был слишком воспитан и ничем не выдал своего разочарования. Я уже сталкивался прежде с подобными вещами и знал, что за нами ухаживают не из-за каких-то особенных достоинств, а ради возможности получить бесплатную финансовую консультацию. Я продолжил:

— Но я не думаю, что восстановление менгира будет стоить очень дорого. У гаража месье Лебрэза в Ванне стоит прекрасная новая машина с подъемным краном.

— Эти идиоты так гоняют по дорогам, — заметил граф, — что у Лебрэза очень много работы. — Своей же не он сказал: — Может, нам строить открыть гараж, *hein?*... вместо того, чтобы пытаться сохранить эту развалину.

Когда прозвенел звонок к обеду, мы с Дениз поднялись. Графиня сказала:

— В один из ближайших вечеров Анжела проведет сеанс. Вам следует это увидеть.

Когда мы улеглись спать, из коридора донесся звук шагов — и сон у меня как рукой сняло. Не то чтобы это могло показаться необычным; в *château* находилось больше десятка постояльцев, также снимавших комна-

ты с полным пансионом. Шаги, однако, звучали непрерывно, кто-то двигался взад и вперед, взад и вперед. Этот звук разбудил и Дениз.

— И что же это такое? — сказал я. — Неужто месье Бергдорф набирается храбрости, чтобы навестить прекрасную Анжелу?

— *Tais toi!* — ответила Дениз, ткнув меня кулаком под ребра. — Не надо пошлостей! Эти люди слишком серьезно относятся к своему аристократическому происхождению, а ты просто пошляк средних лет.

Шаги прекратились, и в нашу дверь постучали три раза. Я сел на кровати, опустив ноги на пол. Будучи уроженцем Соединенных Штатов, в которых процветает преступность, я не помчался сразу открывать дверь. Вместо этого я спросил: «Кто там?»

В ответ повторился троекратный стук.

— Полагаю, ты можешь открыть дверь, — сказала Дениз. — В этой французской провинции все очень законопослушны.

— Минуточку, — проговорил я. Я вытащил из чемодана нашу семейную дубинку, подошел поближе, отодвинул засов и резко распахнул дверь. В коридоре никого не было.

После этого происшествия нам понадобилось не меньше часа, чтобы заснуть. Во всяком случае, больше мы никаких подозрительных шумов не услышали.

На следующий день мы уехали очень рано, добрались на «Пежо» до Ванна и прокатились по берегам Гольф дю Морбихан. Дорога привела нас на полуостров Рюиз. Здесь, неподалеку от Сарзо, судя по информации из путеводителя, находился разрушенный средневековый замок.

Мы отыскивали Шато-Морзон, нелепую груду развалин, возвышавшуюся среди бесконечных виноградников, и разбудили хранителя. Это оказался месье Ле Гофф, ко-

ренастый, немало повидавший в жизни старый джентльмен с огромными седыми усами. Когда мы заплатили положенные двадцать франков, он показал нам достопримечательности, объяснив:

— ... в той башне, месье и мадам, говорят, была заточена жена Дю Жана. А на стене к востоку от башни, в которую мы теперь собираемся подняться, рассказывают, появляется в лунные ночи одетый в броню призрак. Что до меня, то я не суеверен, но эти легенды хороши для туристов, а? Некоторые уверяют, что это призрак Дю Алена Барб-Тора; другие — что это призрак нашего великого бретонского героя, Бертрана дю Гесклена... *Prenez garde!*

Мы поднимались по лестнице, которая вела к остаткам внешней стены. Я шагал ближе к краю, рядом с хранителем, а Дениз следовала за нами. Делая шаг, я поставил ногу на крайний камень очередной ступеньки — и он упал. Камень скатился вниз, а я остался стоять одной ногой на лестнице, а другой — в воздухе.

Месье Ле Гофф ухватился за рукав моего пальто. Дениз завопила «Вилли!» и вцепилась в ту часть моей одежды, которая оказалась к ней ближе всего — в мои брюки. Они тянули меня к себе, а я отчаянно молотил по воздуху руками; в итоге удалось избежать падения с тридцатифутовой высоты в заросший травой внутренний двор. Летучий камень окончил свое путешествие внизу со страшным грохотом.

— Ах, *quel malheur!* — вскричал хранитель. — Но благодаря милости Божьей вы, месье, по-прежнему с нами. Мне придется вернуть этот камень на место и зацементировать его. Знаете, как бывает. Такие древние развалины рушатся гораздо быстрее, чем мы успеваем их восстанавливать. У вас все в порядке?

Мы продолжили экскурсию. В заключение я вручил месье Ле Гоффу целую горсть тех паршивых бумажек,

которые у французов считаются деньгами. Я решил: это самое меньшее, что можно сделать. По дороге домой Дениз сказала:

— Я предупреждала, что тебе не следовало смеяться над зловещим стариканом. Я не шучу.

Когда мы вернулись в *château*, Дениз прилегла вздремнуть, а я бродил по окрестностям со своей камерой, пытаясь воспользоваться одним из редких погожих деньков. Я натолкнулся на графа, облаченного в старые штаны и рубашку; закатав рукава, он возился в цветнике, вооружившись лопатой, лейкой и баллоном с инсектицидом. Мы поболтали о пустяках, и я сказал о визите в Шато-Морзон.

— У вас есть фамильный призрак? — спросил я. — Как сказал хранитель замка, они есть, если люди верят в сказки.

— Нет; во всяком случае, фамильного призрака у нас нет. А почему вы спрашиваете?

Я сообщил ему о ночном стуке в дверь. Граф чуть заметно улыбнулся.

— Нет, никаких старинных историй о привидениях здесь нет, — сообщил он. — Но по правде говоря, этот дом не так уж стар. Он ведь не средневековый и даже не периода Возрождения. Он относится к наполеоновской эпохе, как вы, несомненно, уже поняли. Его построили около 1805 года, чтобы заменить настоящий замок, разрушенный во время революции 1789-го. С другой стороны, признаюсь, что после войны здесь случались некоторые...эээ... психические манифестации. Жена сказала мне, что вы немного разбираетесь в подобных вещах.

— Со мной случались кое-какие странные вещи, да.

— Вы и очаровательная мадам Ньюбери свободны сегодня вечером?

— Да, месье граф.

— Bien, не окажете ли нам честь, посетив наш маленький сеанс? Возможно, вы сумеете объяснить некоторые вещи. Мы начнем в девять вечера.

— Спасибо; мы будем очень рады. Но как вы это делаете? Доска, столоверчение, погружение в транс?

— Анжела — наш экстрасенс. Она способна к автоматическому письму.

— Вот как? Это будет очень интересно. Скажите мне, ее что-то связывает с этим джентльменом...месье... Бургдорфом?

— Да, можно сказать и так. Об их помолвке объявят, когда у Макса будет французское гражданство.

— Он собирается стать французом?

— Если он хочет стать членом нашей семьи, ему придется это сделать. Понимаете, месье... как бы мне объяснить? ... У вас и мадам Ньюбери есть дети?

— Трое. Они в Америке, у моих родителей.

— Ах, как вы счастливы! У нас с Терезой, хотя мы женаты уже двенадцать лет, нет ни одного. И не из-за того, что мы не хотим детей — врачи говорят, что у нас их никогда не будет. У меня нет никаких близких родственников — точнее, все мои родственники погибли во время войны. И поэтому, когда я умру, наш титул исчезнет, если я не попытаюсь кому-то его передать.

— Вы можете это сделать по закону?

— Да, если справлюсь с множеством административных препятствий. Конечно, — улыбнулся он, — я понимаю, что вы, американцы, всегда останетесь республиканцами, для которых фамилии и титулы — просто средневековая чепуха. Но тем не менее, титул — это не так уж плохо. Помимо сентиментальных воспоминаний, он придает семье некое единство. Это и для бизнеса неплохо.

И вот я решил завещать титул мужу Анжелы, когда она выйдет замуж, а потом он сможет передать титул

своим наследникам. Но, естественно, ее муж должен быть французом. И вот Макс, если он хочет жениться на Анжеле, станет французом.

Сеанс был назначен на девять. Мы — граф и графиня, Анжела, Макс Бергдорф, Дениз, я и молодой человек, которого мы прежде не встречали — уселись вокруг большого стола. Свет погасили. Анжела положила на пюпитр перед собой карандаш и блокнот.

Молодого человека представили нам — это был Фредерик Дион, друг семьи из Ванна. Белокурый юноша, ровесник Анжелы, следил за ней с чрезмерным, как мне показалось, вниманием.

Через некоторое время Анжела наклонилась вперед и начала писать. Она смотрела прямо перед собой, а не на бумагу. Когда она остановилась, граф встал и заглянул ей через плечо.

— Снова старофранцузский? — прошептала графиня.

— Нет; на сей раз бретонский. Вы сможете прочесть, Фредерик?

Дион покачал головой.

— Когда я учился в школе, занятия по бретонскому еще не ввели.

Графиня сказала:

— Жан-Пьер наверняка знает. Я схожу за ним.

Когда она удалилась, граф сказал мне:

— Месье Танге — бретонский националист, настоящий фанатик. Он нас не слишком одобряет, потому что наши предки поселились в этих краях только в пятнадцатом столетии. Так что мы, с его точки зрения, чужаки.

Графиня вернулась вместе с управляющим. Танге посмотрел на каракули Анжелы, покачал головой и нахмурился.

— Это — архаичный диалект, я к такому не привык. Но позвольте-ка взглянуть... Думаю, здесь сказано:

«Восстановите мой дом, если хотите, чтобы у вас все было хорошо. Восстановите мой дом. Восстановите мой дом». А потом какие-то неразборчивые каракули.

— Клянусь честью! — воскликнул граф. — Неужели он ожидает, что я уничтожу это *барокко* и восстановлю прежний замок?

— Даже если бы мы могли себе такое позволить, — добавила графиня, — у нас все равно нет точного плана. Нет никакой информации о том, как выглядел дом — за исключением одной гравюры Фрагонара.

— А у этой...личности... есть имя? — спросил я.

— Иногда он называет себя Огмас, а иногда — Блез, — ответил граф.

— А может, это различные существа?

Он пожал плечами.

— Кто знает? Но он настаивает, что оба имени принадлежат одному существу.

— Может, это имя и фамилия, — сказал Дион.

— Но, — заметил я, — что собой может представлять эта сущность? Может, это призрак смертного человека, а может, какое-то языческое божество, уцелевшее еще от бронзового века?

— Мы его спрашивали, — сказала графиня, — но в ответ он говорит двусмысленности или какую-то ерунду. Подобные вопросы, кажется, приводят его в ярость.

Граф добавил:

— Кюре настаивает, что это — адский демон и что мы рискуем спасением души, связываясь с ним, — он снисходительно улыбнулся. — Добрейший отец Паре, боюсь, несколько отстал от времени. Он так и не смирился с переменами, которые произошли в религиозном мире.

Мы еще немного подождали, но Анжела больше ничего не записала.

В ту ночь, однако, в коридорах снова звучали шаги, а в двери снова стучали. Наутро четверо жильцов, снявших у графа комнаты, уехали — гораздо раньше, чем планировали. Они сказали, что глаз не смогли сомкнуть всю ночь, а в их возрасте необходим продолжительный сон. Хотя они и не признались, что были напуганы, но я в этом нисколько не сомневаюсь.

Хозяева замка начали беспокоиться. Граф сказал мне:

— Мы, как у вас говорится, катаемся на коньках на тонком льду — если иметь в виду финансовое положение. Один неудачный сезон — и мы разорены.

Мы провели большую часть дня в Орэ, фотографируя старые здания и улицы. Мы осмотрели памятник графу де Шамбору, знаменитому претенденту на трон 1870-х, и дом, где в 1778 году останавливался Бенджамин Франклин. Вечером мы снова устроили сеанс. Вокруг стола собрались все те же.

Когда Анжела начала писать, поначалу у нее выходили средневековые бретонские каракули, которых не смог прочесть даже Жан-Пьер Танге. Потом на листе появились обычные французские слова. «*Месть!*» — прочитали мы. — «*Месть! Месть!*»

— Месть кому? — спросил граф, обращаясь к пустоте.

— Тому, кто разрушил мой дом, — написала Анжела.

— Мой дорогой дух, — сказал граф, — замок был разрушен в 1795-м, во время битвы при Кибероне. Все, участвовавшие в тех безобразиях, давно умерли. И как же можно им отомстить?

— Не этот дом. Мой дом. Мой каменный дом. Мой великий камень.

— Камень? — переспросила графиня. — Вы случайно не о менгире Локмелона говорите?

— Да. Да. Восстановите мой дом. Отомстите тем, кто его разрушил. Месть! Месть!

Граф озадаченно осмотрелся по сторонам, на доли секунды задержав взгляд на мне и Максе Бургдорфе.

— И кто же тогда разрушил ваш камень?

— Варвары. Варвары сделали это.

— Варвары? Мой дорогой призрак, последние варвары, которые у нас здесь побывали — это викинги, изгнанные Аленом Барб-Тортом еще в 939 году.

— Неправда. Варвары здесь и сейчас.

— Гм... — пробормотал граф. — Он, вероятно, имеет в виду разрушение менгира во время минувшей войны. Французы говорят, что это сделали немцы, а немцы уверяют, что во всем виноваты американцы. У нас здесь нет никаких немцев. Месье Ньюбери, вы случайно не служили в американских ВВС?

— Нет, месье, не служил. Я был в армии, но занимался канцелярской работой и не разу не бывал в Бретани.

— Вот видите, месье призрак, — сообщил граф воздуху, — здесь никто никакого отношения не имеет к печальному происшествию с вашим мегалитом.

— Нет. Здесь два варвара. Один из армии, которая это сделала. Отомстите ему. Мечь близка. Вы увидите...

Рука Анжелы задрожала и вместо букв появились неровные линии. Напряжение в нашей темной комнате явно возрастало. Граф произнес:

— Но, мой дорогой призрак, я же объяснил...

— Нет, — написала Анжела. — Одна армия варваров прошла мимо моего дома; другая — разрушила его. Я знаю, кто это сделал.

— Извините, я отойду на минуту, — сказал Макс Бергдорф. Он встал и спокойно вышел из комнаты.

— Хорошо, — сказал Граф, — и *кто* же это сделал?

Дух начал выводить что-то на неразборчивом средневековом бретонском. Потом места на верхнем листе в блокноте Анжелы не осталось. Граф протянул руку и оторвал листок. Анжела начала писать снова.

— Вы неправы, — написала Анжела. — Человек с бородой был в варварской армии. Он должен умереть. Другой варвар предупрежден. Я предупредил его вчера. В Морзоне. Он должен помочь... [далее все было неразборчиво].

— Но это... — начал графа. Он умолк, повернул голову и прислушался. Из коридора донесся звук шагов. Пробормотав «Извините, я на минуту», граф поднялся, подошел к двери и открыл ее. Все остальные, кроме Анжелы, встали и последовали за ним.

Макс Бергдорф, держа в руке чемодан, открывал огромную, резную парадную дверь *château*. Граф резко произнес:

— Макс! Что вы делаете? Куда вы собрались так внезапно?

— Это мое дело, — ответил Бургдорф.

— О нет, это не так! Вы что, покидаете нас?

— Да.

— Но почему? Куда вы уходите? И как же быть с Анжелой?

Граф схватил Бургдорфа за руку, когда тот направился к двери, и развернул Макса к себе. Бургдорф попытался вырваться.

— Предупреждаю, не пытайтесь меня остановить! — воскликнул он.

Граф настаивал:

— Макс! Как человек чести, я требую объяснений...

— Вы все узнаете в свое время, — Бургдорф хлопнул хозяина дома по плечу и шагнул к своему автомобилю.

Как раз в этот момент во двор въехала другая машина, из нее выскочили четверо мужчин. Трое были одеты в форму местной полиции и вооружены. Четвертый, в штатском, закричал: «*Haltetà*, месье фон Цайц!»

Бургдорф развернулся и выхватил револьвер. Но прежде чем он успел выстрелить, кто-то разрядил в него

винтовку. Реvolver отлетел в сторону, и Бургдорф, бросив чемодан, схватился за руку, закричав от боли.

— Гельмут фон Цайц, он же Макс Бургдорф, — произнес человек в штатском. — Именем республики, вы арестованы!

Бургдорф — или фон Цайц — больше не сопротивлялся. Граф произнес:

— Месье комиссар, умоляю вас, объясните, что происходит!

— Месье граф, — сказал чиновник, — этот человек разыскивается за военные преступления. Он командовал подразделением СС, ответственным за резню в Аннебоне. Не могу представить, зачем этот идиот вернулся на место преступления, но доказательства неопровержимы. Его выдало заявление на гражданство; в бюро натурализации сразу все выяснили.

Анжела, которая незаметно вышла из дома, воскликнула.

— Это он! Я теперь его узнаю, несмотря на бороду! Именно он спас мне жизнь!

— Оборвав жизни сотен наших соотечественников, — сказал граф. В свете ламп, висевших над дверью, граф внезапно стал выглядеть старше и мрачнее.

Бургдорф - фон Цайц выкрикнул:

— Я не хотел ничего дурного, Анжела! Я не хотел этого делать! Я был всего лишь младшим офицером, я выполнял приказы! И когда ты убежала, маленькая двенадцатилетняя девочка, я сказал себе, что когда-нибудь вернусь и... — Слезы на его щеках сверкали в свете ламп.

— Пойдемте, месье, — сказал комиссар. — Мы должны отвезти вас в больницу, чтобы вылечить сломанную руку. Нельзя же тащить вас на виселицу с рукой в гипсе.

Они втокнули подозреваемого в автомобиль и умчались прочь. Анжела разрыдалась. Фредерик Дион обнял ее.

Когда патрульная машина уехала, мы вернулись обратно в *château*. Анжела с сестрой исчезли. Я спросил графа:

— Что они с ним сделают?

Граф посмотрел на меня с улыбкой и решительно провел ладонью по горлу. Французы — не слишком сентиментальный народ.

В следующие полчаса граф и Танге успокаивали прочих гостей, которые выскочили из своих комнат, услышав выстрел. Потом мы снова собрались в комнате — граф, Танге, Дион, Дениз и я. Граф угостил всех бренди. Он произнес:

— Давайте возблагодарим *le bon Dieu*, что все так вышло и что теперь все кончилось.

— О, — вздохнула Дениз, — а вы в этом уверены, месье граф? Ваш Блез де Огма, или как он там себя называет, все еще требует восстановить менгир. Иначе...

— Понимаю, — ответил граф. — Над этим надо поразмыслить.

— Анри, — сказал Фредерик Дион, — ты знаешь, что мы с Анжелой — старые друзья, и что прежде, чем появился этот самозванный швейцарец, она была ко мне равнодушна. Ты разрешишь мне возобновить ухаживание?

— *Certainement...* но подожди немного. Призрак хочет, чтобы мы восстановили его менгир, иначе он разорит нас, разогнав всех наших гостей стуком и скрежетом. Так вот, если ты поделишь со мной расходы по восстановлению этого мегалита — то можешь с моего благословения ухаживать за Анжелой. Что касается месье Ньюбери, то я уверен, что вы, месье, ради старинной дружбы между нашими странами, поможете нам

своими техническими навыками. Мы договорились? *Ві-ен.*

Граф мог быть очаровательным человеком, но это не мешало ему изо всех сил блюсти собственные интересы.

Не знаю, чем закончились ухаживания Фредерика Диона. Он казался приличным молодым человеком, и я надеюсь, что он женился на Анжеле и прожил с ней долго и счастливо.

Вот так и получилось, что неделю спустя все мы стояли в рабочей одежде вокруг менгира Локмелона, наблюдая за тем, как подъемный кран, установленный на грузовике месье Лебрэза, медленно поднимал в воздух последний фрагмент камня. Я обмотал его веревкой, надеясь, что никто не обратит внимания на мою неопытность.

Когда этот камень подняли над монументом, я взобрался по стремянке на вершину. Дениз вручила мне мастерок и ведро, и я обмазал разбитый менгир строительным раствором. Затем Лебрэз опустил верхний фрагмент, очень медленно, чтобы я мог установить его точно на место. Мы сняли веревку. Излишки раствора выступили на поверхность, и я их соскоблил своим мастерком. Наконец, зловещий лик, вырезанный на верхней части монолита, вознесся над нами — так же он взирал на людей сверху на протяжении сорока столетий, до разрушения.

На следующий день мы погрузили вещи в автомобиль, чтобы отправиться в Каор. Выбившись из графика путешествия из-за подъема менгира, мы решили выехать как можно раньше. Когда мы прощались с Каррье во внутреннем дворе, подъехал автомобиль и оттуда вышел маленький толстый человечек.

— Месье граф де ла Каррье — спросил он.

— *C'est moi*, — ответил граф.

— Я Гастон Лобидо, из Департамента Исторических Памятников. Мне достоверно известно, что вы, месье, без разрешения и без специальной археологической подготовки, восстановили разрушенный менгир Локмелона. Я должен предупредить Вас, сэр, что это нарушение самого серьезного закона республики касательно сохранения исторических памятников. Вы должны были попросить разрешения через соответствующие каналы. Тогда, через несколько месяцев, должен был приехать эксперт, чтобы оценить вашу подготовку и осуществить контроль над проведением работ...

Мы с Дениз быстро сели в наш «Пежо», помахали руками на прощание и уехали. Последнее, что мы увидели — это были граф и месье Лобидо, машущие руками и что-то выкрикивающие нам вслед. Я так и не узнал, как все стало известно — но может, это и к лучшему. Они ведь могли и в суд на нас подать.

Дариус

Большая черная лошадь выглядела совершенно обыкновенной, за исключением размера. Дениз сказала:

— Этот великолепный *rosse* кажется слишком крупным для меня, Вилли. Тебе придется меня подсадить.

Животное равнодушно посмотрело на нас и опустило голову.

— Не волнуйтесь, мистер Ньюбери, — сказал Сеймур Грин, хозяин конюшни. — Дариус у нас самый что ни на есть ручной. По правде говоря, он настолько ленив, что вы вряд ли его с места сдвинете.

— Конечно, дорогая, — сказал я Дениз. — Вперед; я тебя подсажу.

Одним сильным рывком я усадил Дениз в седло. В самом деле, этот конь был великоват для моей малышки-жены. Дениз с ужасом посмотрела вниз.

— Лететь мне отсюда долго. Позаботься о наших бедных детях, если со мной что-нибудь случится.

Конь громко заржал, как будто засмеялся. Один из помощников Грина, Джим, седлал другую лошадь. Грин спросил:

— А я разве вас здесь раньше не видел, мистер Ньюбери?

— Разумеется, видели, — сказал я. — Я здесь бывал каждое лето, еще с детства.

— Я подумал... — начал Грин; но почти тотчас же закричал: — Поберегись!

Я обернулся и увидел, что на меня мчится лошадь Дениз. Посмотрев на коня, я увидел, кажется, одну только огромную голову, разинутый рот и зубы.

Я подскочил, как напуганная лягушка. Дениз закричала и натянула поводья. Грин чертыхнулся, схватил

длинный ремень и протянул им лошадь прямо по морде. Конь остановился, громко заржал, а потом успокоился.

— Никогда прежде с ним такого не случалось, — проговорил Грин. — Может, мне не следовало вам его давать.

— О, думаю, что все будет в порядке, как только мы все усядемся, — ответил я. Я вскочил в седло, с удовлетворением обнаружив, что оно сделано по западному образцу. Английские седла очень хороши, но западные все-таки безопаснее. Годы идут, и кости уже не так легко срастаются.

Прогулка началась хорошо. Джим устроил для нас с Дениз и для двух других дачников часовую поездку по местным тропам, через разросшийся подлесок, состоявший из кленов, буков и берез. Кругом скакали красные белки и жужжали олени мухи.

Мы оставили детей у тети Фрэнсис, в ее летнем домике на озере Алгонкин. Мы проводили там отпуск. Поскольку дочь тетушки Фрэнсис, Линда, вышла замуж, тетя уговорила нас приехать в гости. Рассчитывая совершить прогулку верхом, я отвез Дениз в Гэхато, где Грин летом открывал конюшню; зимой он перевозил всех животных куда-то в Сиракузы.

Беспокойство Дениз сменилось нетерпением, поскольку Дариус останавливался у каждого куста — чтобы пожевать свежие побеги или просто постоять и отдохнуть. В итоге она постоянно находилась в конце нашей кавалькады. Когда все остальные ехали легким галопом, Дариус скакал рысью. Подпрыгивая на его спине, Дениз оставалась позади. Когда она пыталась прищипорить своего скакуна, он просто громко ржал, а приказам не подчинялся.

Когда прогулка окончилась, я спешился и подошел к Дариусу, чтобы помочь Дениз.

— Он для меня слишком велик, — сказала она. — *Sacré nom!* Я похожа на муравья, который пытается править слонем.

Когда она спускалась, Дариус внезапно шагнул в сторону и опустил одно копыто на носок моего ботинка.

— Ай! — вскрикнул я, резко отдернув ногу. Но я как раз держал Дениз, поэтому пошатнулся и едва не рухнул в грязь и навоз.

Грин закричал и еще раз ударил лошадь ремнем. Дариус снова взревел.

— Кажется, он к вам равнодушен, — сказал владелец конюшни. — Как нога?

— Ничего не сломано, я уверен, — ответил я. — Земля здесь мягкая, так что он просто вдавил мою ступню в почву.

— Когда вернетесь?

— Завтра, если погода позволит. Завтра у нас все онемееет от усталости, а лучший способ справиться с этим — снова выехать верхом.

— Ага. Я внесу вас в список.

Мы не катались верхом уже несколько лет, и в результате, как я и предсказал, утром ног просто не чувствовали. Но погода не позволила нам совершить намеченную поездку. Вместо этого нас ожидал двухдневный ливень, обычный в Адирондаке. Мы смогли только доползти до дома Колтонов, а там читали и играли с детьми. Я рассказал Дениз и своей тетушке о том, что со мной случилось в детстве в этих местах.

— Когда у Тен Эйков было большой дом на острове между Верхним и Нижним озерами — на острове, который исчез после землетрясения — они летом устраивали нечто лагеря отдыха с пансионом. Все их друзья и родственники приезжали в гости. Мои родители, а также мы с сестрой, были постоянными посетителями.

Мы с Альфредом Тен Эйком частенько плавали в гребной шлюпке, купались в маленьких заливах и бухтах, в заливе Дикобразов; у меня был микроскоп, и мы собирали прибрежный ил, чтобы потом разглядывать каких-то существ через окуляры. Однажды Альфред попал в зыбучий песок на дальней оконечности залива Дикобразов, и мне пришлось втаскивать его обратно в лодку за волосы.

Как-то мы обнаружили одного из местных жителей, который охотился на оленей до начала сезона. Он только что пристрелил животное и разделывал его на берегу залива; мы проплывали рядом и заметили браконьера. Там почти никто не бывал, так что он явно не ожидал появления свидетелей.

Я сразу его узнал: Анри Мишо, один из дровосеков, которые работали на лесопилке Прингла. Ларошель, управляющий Прингла, не раз говорил, что Мишо был достаточно силен, чтобы выполнить двойную норму работы, но настолько ленив, чтобы сделать только половину нормы. У него было несколько занятных привычек: он всегда чесал за ухом и смеялся так, что можно было услышать за полмили. Некоторые рассказывали, что он увеличивал свой доход, обчищая зимой дачные домики.

Ну, я всегда был любителем дикой природы и ярким защитником животных. Мне только что исполнилось тринадцать, и я не сомневался в своей правоте. В общем, я рассказал смотрителю, старому Рою Ньюкомбу, об этом убийстве, и тот взялся за Анри Мишо. Браконьеру пришлось заплатить штраф; конечно, он лишился оленя.

Примерно неделю спустя он повстречал меня на улице в Гэхато и сказал: «Я слышал, что ты наябедничал смотрителю, *hein?* Черт возьми, ты лучше бы за собой следил, ты маленький сукин сын. Я с тобой поквиताюсь, будь уверен!»

Я некоторое время волновался: Мишо был высоким, крепким парнем, с ним опасались связываться. Мне он казался огромным, как Голиаф. Но ничего не случилось, а через пару лет мы перестали приезжать сюда. Когда мы вернулись в Адирондак через некоторое время, я не слышал об Анри Мишо. По правде сказать, я совсем забыл о нем до тех пор, пока эта проклятая лошадь мне вчера не напомнила.

...Во второй дождливый день в «Алгонкин-лодже» Джо Бриггса неожиданно появился казначей нашего банка, Малкольм Макгилл, со своей женой. (Тогда он был всего лишь помощником казначея.) Я рекомендовал ему это место, когда он рассказал о своем желании осмотреть Великие Северные Леса. Когда Дениз, тетя Фрэнсис и я обедали с Макгиллами в «Лодже», Дениз упомянула о нашей недавней прогулке.

— О, здесь можно кататься верхом? — спросил Макгилл, преисполнившись энтузиазма. — Надо же, я непременно хотел бы попробовать!

— Тогда поезжайте завтра с нами в Гэхато, если дождь ослабеет, — предложил я.

Дождь действительно прекратился, так что на следующее утро мы оказались на конюшне у Сеймура Грина. Макгилл и его жена приехали в джинсах и кроссовках — эта обувь не слишком подходит для конных прогулок по причине отсутствия каблуков. Я надел сапоги и бриджи, в которых катался верхом в течение двадцати лет, хотя Дениз надела брюки навыпуск.

Я не ковбой и не казак. Однако я довольно много ездил верхом, еще в модной подготовительной школе, в которую меня отправили родители прежде, чем Великая Депрессия существенно изменила наши финансовые планы. В той школе верховая езда входила в учебный план. Я даже несколько раз заставил лошадь подпрыгнуть — и неплохо держался в седле.

— Эй!— воскликнул Макгилл. — Я хочу этого коня! — Он указал на огромного черного жеребца — того самого, который наступил мне на ногу.

— Хорошо, — сказал Грин. — Он не будет создавать вам проблем; он слишком ленив. Седлай его, Джим.

И тогда Макгилл попытался сесть в седло не с той стороны. Дариус отшатнулся, и Джим поправил Макгилла.

— Никогда не мог запомнить, какая сторона — правильная, — сказал казначей.

— Представьте, что носите меч на левом бедре, — сказал я. — И если бы попытались сесть в седло справа, то ткнули бы лошадь ножами и она перепугалась бы.

— Но я левша, поэтому я носил бы свой меч на правом боку!

На это я не стал отвечать. Грин вручил Макгиллу прут, срезанный специально для того, чтобы привести Дариуса в чувство, если конь не будет уделять внимания командам наездника. Мы поехали по тропе.

Дариус поначалу не создавал проблем, но Макгиллы меня беспокоили. Судя по разговору, они казались бывальными лошаdnиками. Но то, как они сидели на лошадях, и сами представления Макгилла о том, как садятся на лошадь, этого впечатления не подтверждали.

Кроме того, их беспокоили оленьи мухи, так что они постоянно отряхивались и чесались. Они выехали без головных уборов, не зная, что оленьи мухи садятся сразу на волосы. Потом внезапно возникает ощущение, будто кто-то ткнул вам в череп или в шею раскаленной иглой — тут поневоле начнешь лупить себя по голове. Макгилл ехал, расставив колени, так что между наездником и лошадью виднелся просвет.

— Малкольм, — спросил я, — а сколько раз ты ездил верхом?

— О, я катался на лошади... ну, два раза.

Я поперхнулся.

— Ну, если хочешь усидеть в седле, плотно прижми колени к бокам животного и так их и держи.

— Ага, — сказал он. Он попытался исполнить мои указания, но сжимать колени нелегко, если человек к этому не привык. Вскоре его колени снова разъехались.

Однако Малькольм держался, пока мы не выехали на открытое пространство, неподалеку от взлетно-посадочной полосы. Джим пустил коня легким галопом. Макгилл выдержал первые неуклюжие скачки Дариуса. А потом седло Малькольма начало соскальзывать набок; наклон усиливался всякий раз, когда всадник пытался изменить положение. Поскольку он не сжимал коленей, то не мог и всем весом удерживать седло.

Я закричал:

— Эй, Малкольм! Поосторожнее...

И тут он рухнул. Седло слетело вниз, оказавшись у лошади под брюхом, а Макгилл рухнул на спину прямо в густой куст малины. Дариус остановился и начал как ни в чем не бывало пощипывать листья.

Все мы подъехали к месту происшествия. Джим протянул мне свои поводья, спрыгнул наземь и помог Макгиллу встать на ноги. Казначей хромал, а его руки и лицо были исцарапаны шипами малины.

— Ну и дела! — произнес он. — Мне кажется, что я сломал большой палец, когда выдергивал ногу из стремени.

Ему еще повезло. Падение с лошади может показаться забавным, но это совсем не шутка. Если бы он ударился головой обо что-то твердое или не смог бы вытащить ногу, то мог и погибнуть. В результате одного из немногих падений я повредил плечо так, что оно зажило только через год.

Осмотрев Дариуса, Джим сказал:

— Он снова устроил этот чертов трюк. Умное животное всегда делает глубокий вдох, когда мы затягиваем подпругу. Потом — выдох, и подпруга ослабевает. Стой спокойно, а то шкуру спущу! — Эти слова были адресованы коню, подпругу которого Джим туго затянул. — Теперь не освободится. Какая ленивая тварь! Но все равно — самый умный конь, которого я видел. Может показаться, что это не конь, а человек. Вы можете снова сесть в седло, мистер Макгилл?”

Когда Макгилл уселся на коня, мы продолжили прогулку, но очень медленно и осторожно.

Поразмыслив, Макгиллы предпочли на второй день покататься на лодке, так что мы с Дениз больше не садились на лошадей, пока гости не уехали. В следующий раз я выбрал для катания Дариуса.

— Вы уверены? — спросил Сеймур Грин. — Вы ему не нравитесь.

— Мы с этим разберемся, — сказал я. — Думаю, что смогу с ним управиться.

— О, Вилли! — вмешалась Дениз. — У тебя опять приступ *tête* — твоего нелепого упрямства.

— Да, — сказал я. — Седлайте его.

Когда черного жеребца оседлали, я подошел к нему. Дариус отшатнулся.

— Не дури, — заметил я. А потом добавил — негромко, чтобы никто не услышал: — Скажи мне, ты в самом деле Анри Мишо?

Дариус тряхнул головой и громко заржал.

— И ты меня дожидался четверть века, да?

Он заржал снова.

— Как ты меня узнал? Услышал, как Грин назвал мое имя?

Дариус кивнул.

— Хорошо, придется тебе научиться хорошему поведению.

Я подошел поближе к животному и опустил ногу в стремя. Дариус рванулся вниз и назад, попытался уку-
сить меня за ногу, но я сумел запрыгнуть в седло.

Я следил за Дариусом, чтобы он не упал, не покатился по земле и не попытался как-то меня сбросить. К счастью, он был слишком ленив, чтобы падать — это означало бы, что ему придется подниматься. А при его весе дело могло оказаться нелегким. Он мог бы подняться на дыбы, но кажется, не знал, как это делается.

— Будьте осторожен, дорогой! — крикнула Дениз. Она скакала на небольшой послушной кобылке.

Мы катались вместе с четырьмя другими дачниками. Джим нас сопровождал. Был один из тех прекрасных летних дней, которые время от времени выпадают в Адирондаке, если вы сумеете вытерпеть пару недель холода, туч, туманов и дождей.

И тут заревела сирена на пожарной части в Гэхато; звук доносился издалека, но слышен был очень хорошо. Все лошади заволновались. Я наклонился вперед, чтобы похлопать Дариуса по шее и успокоить его. Я до конца не понимал, как с ним обращаться — как с человеком или как с животным.

Дариус решил в тот момент резко поднять голову, чтобы его огромный череп врезался мне в лицо. Я услышал, как хрустнули мои солнцезащитные очки. Немного сбитый с толку, я на миг утратил опору, но пришел в себя прежде, чем Дариус успел меня перехитрить.

— Тебе больно, Вилли? — спросила Дениз.

— Нет, все в порядке, — ответил я, — вот только очки мне в лицо врезались. Может, завтра синяк будет.

Я снял очки и осмотрел их. Дужка была сломана — придется покупать новые. Я убрал обломки в карман, решив больше никогда не носить никаких очков во время верховых прогулок.

Некоторое время все шло гладко. Мы ехали то медленно, то быстро. Среди наших спутников не было таких новичков, как Макгиллы.

— Хорошо, Анри Мишо, — сказал я своей лошади. — Сам видишь, не так уж это и плохо — делать то, что ты должен...

Мы проехали по одной из грязных проселочных дорог и достигли развилки. Одна дорога отсюда вела к Гэхато; другая — к Нижнему и Верхнему озерам. Когда Джим остановился, чтобы подождать туристов, целая команда бегунов из школы Гэхато — толпа молодых людей в яркой одежде — промчалась мимо нас по дороге из поселка.

— Ура! — завопил кто-то из ребят. — Вперед, ковбои!

Больше ничего и не требовалось. Лошади испугались. Кобыла Дениз развернулась и во всю прыть понеслась к конюшне Грина; ее примеру последовали и другие лошади.

Дариус свернул в другую сторону, к озерам. Я наклонился назад и натянул поводья, но чертово животное закусало удила своими огромными зубами. Остановить его никак не удавалось.

И Дариус помчался вперед. Я слышал крики где-то позади, но был слишком занят, чтобы обращать на них внимание — я пытался удержаться в седле.

Грунтовая дорога сменилась старой колеей, по которой когда-то возили лес; теперь она заросла молодыми деревцами. Дариус мчался прямо через заросли, и ветви стегали меня по ногам. Я уцепился за выступ своего «западного» седла и держался изо всех сил, довольный, что поблизости нет никого, кто мог бы заметить такую непопозволительную для наездника оплошность.

— Черт побери, Мишо, что ты делаешь! — кричал я. А Дариус просто ржал и мчался дальше.

Старая колея тоже подходила к концу. Мы пересекали тропинки, по которым уже проезжали раньше. Дариус помчался вдоль одной из них, петляя, а затем ушел в сторону по пересеченной местности. Мы оказались в таких местах, где деревья не рубили на протяжении многих десятилетий, так что вокруг, казалось, простирался девственный лес. Дариус направлялся к большому буку, с правой стороны ствола этого дерева рос массивный сук — как раз на подходящей высоте, чтобы сбить меня.

Я пригнулся пониже. Сук задел меня по голове; шапка слетела, но я не пострадал.

Дариус еще дважды испробовал этот трюк. И оба раза я оказывался буквально на волосок от беды. Потом он понесся вниз по склону; впереди, за деревьями, я увидел воду.

Мы вылетели из леса на болотистый берег одного из озер. Когда Дариус вбежал в воду, я узнал залив Дикобразов на Верхнем озере.

— Идиот, мы же здесь завязнем! — закричал я.

Дариус наклонился, зайдя в озеро по колено. Носки моих ботинок коснулись воды.

Он выбрался на более мелкое место. Я разглядел желтизну в паре дюймов от поверхности воды — и затем, внезапно, ноги Дариуса снова ушли вниз. Он попал в зыбучий песок.

Следующее, что я помню — Дариус, погружившийся в воду по брюхо. Мои ноги втянуло в зыбучий песок. Дариус фыркнул и рванулся вперед, но сопротивление привело лишь к тому, что он увяз еще глубже. Зыбучий песок уже поднялся до верха моих ботинок.

— Поделом тебе, тупая скотина! — произнес я.

Я вспомнил, что человек не может идти по зыбучим пескам, но может плавать по их поверхности. Весь фокус в том, чтобы вытянуть ноги и руки...

Я приподнял ноги, поставив правую на седло. Потом я встал прямо и бросился назад, подальше от лошади. Я упал, коснувшись тонкой пленки воды над песком. Не пытаясь подняться, я поплыл на спине, касаясь локтями мягкого песка.

Сделав несколько рывков, я коснулся более-менее твердого дна. Я вытянул руки, вцепился в стебли нависшего над водой болиголова и выбрался на берег. Дариус все еще бился в воде и тонул. Он храпел и закатывал глаза.

— Вот! — завопил я. — Видишь, во что ты впутался, Анри?

Он издал странный звук — это было не совсем ржание; больше походило на плач, если вы сможете представить, что лошадь умеет плакать.

— О, ты хочешь, чтобы я тебя вытащил, а?

Он заржал.

— Ты заслужил, чтобы я тебя бросил здесь, — сообщил я.

Снова раздался жалобный звук.

Я услышал слабые отголоски криков, доносившихся из леса, и крикнул в ответ. Тут из-за деревьев выехали Сеймур Грин, Джим, Дениз и еще один дачник; они пробрались прямо через подлесок. Дениз сказала:

— Боже мой, кажется, ты плавал в болоте, дорогой? Ты весь в грязи, с ног до головы.

— Именно, — ответил я и изложил свою историю.

Грин произнес:

— Как вы полагаете, можем мы вытащить эту лошадь, мистер Ньюбери? Мне было бы чертовски жаль ее лишиться.

— Пусть кто-нибудь вернется в поселок и привезет мне сотню футов полудюймовой веревки из хозяйственного магазина Тейта, — сказал я. — Если поспешите, то,

возможно, успеете вернуться прежде, чем Дариус погибнет.

Джим ускакал. Остальные спешили, привязали лошадей и уселись на берегу. Дениз попыталась очистить меня от грязи, но это было совершенно безнадежное дело.

Дариус бился в зыбучем песке, иногда чуть-чуть приподнимаясь. Казалось, однако, что он то ли устал от борьбы, то ли решил положиться на волю судьбы. Его голова, шея и седло все еще оставались над водой.

Я спросил Грина:

— Сеймур, а сколько лет этой лошади?

Грин задумался:

— Восемь с половиной или девять, наверное. А в чем дело?

— Ты знал франко-канадца, дровосека по имени Анри Мишо?

— Нет, я... да, точно, был такой парень. Он работал где-то в других местах несколько лет, а потом, после войны, вернулся. Работал проводником в сезон охоты.

— А что с ним случилось?

— Погиб. Какой-то охотник, новичок, принял его за оленя, из-за его красной рубашки и кепки, и выстрелил в него.

— Когда это было?

Грин почесал в затылке.

— Дайте-ка припомнить... сорок шестой? Сорок седьмой? Во всяком случае, около девяти лет назад. А почему вы об этом спрашиваете, мистер Ньюбер?

— О, просто безумная идея. Вот скачет Джим с веревкой. Итак, я войду в трясину. Вы, друзья, держите меня за рубашку, тогда я не провалюсь.

Я завязал веревку узлом и начал пробираться к лошади по отмели. В ботинках у меня хлюпала вода. Когда дно у меня под ногами стало подаваться, я остановился.

Все-таки аркан я бросать не умел, и петля зацепилась за выступ седла лишь с третьей попытки.

— Теперь мы его вытянем, верно? — спросил Джим.

— Пока нет.

Я вынес веревку обратно на берег, привязал ее к стволу болиголовы и вернулся в воду. Я закинул вторую петлю на седло. Цель заключалась в том, чтобы добиться механического преимущества, по принципу составного шкива.

И вот, взявшись впятером за свободный конец веревки, мы фут за футом подтягивали Дариуса к берегу. Еще через десять минут он стоял на отмели, опустив голову и дрожа; с него стекали грязь и вода.

— Хорошо, Анри, — сказал я ему, — теперь ты будешь себя хорошо вести?

Грин и Джим уставились на меня. Они посмотрели еще пристальнее, когда Дариус медленно шагнул вперед, коснулся языком одного из моих ботинок, а потом лизнул меня в лицо.

— Ей-богу, я никогда *такого* раньше не видел! — сказал Грин.

Я пробурчал что-то неразборчивое, вытирая лицо бумажным носовым платком, который подала Дениз. Этот случай подтвердил мои предположения: Дариус или был одержим духом Анри Мишо, или был реинкарнацией Анри Мишо. Ни одна обычная лошадь не смогла бы понять, кто спас ей жизнь, и выразить потом свою благодарность.

Дариус вел себя как настоящий джентльмен конского царства, когда мы возвращались домой. Когда мы сели в автомобиль, однако, он вырвался на свободу из рук людей Грина и бросился к нам, громко заржав.

— Эй! — воскликнул я. — Он хочет проститься с нами! Если...заплачет...

Дариус просунул морду в окно автомобиля и снова облизал мне лицо. Я оттолкнул его и поднял стекло. Люди Грина подбежали и схватили коня. Я завел машину, развернул ее и поехал к озеру Алгонкин.

— Он гонится за нами! — закричала Дениз. — Может, нам следует купить его?

Выглянув в зеркало заднего вида, я заметил, что Дариус, все еще оседланный, скачет за нами, а пустые стремени бьют его по бокам. Я нажал на педаль газа и умчался.

— Нет, — ответил я Дениз. — Нам его негде держать, а оплачивать конюшню — слишком уж дорого. Не забывай, что у нас трое детей, и когда-нибудь им придется поступать в колледж.

— Кроме того, ты же знаешь, каковы люди. Сегодня они могут рассыпаться в благодарностях. А потом, завтра, они говорят: «И что вы сделали для меня в последнее время?» — и обращаются против тебя. Я уверен, что с Дариусом случится то же самое.

— Но, — сказала она, — ведь Дариус — просто лошадь!

— Вот как? Может быть, но я выяснять не намерен!

«Юнайтед Имп»

Столкновение с неведомым — самое надежное средство для того, чтобы сбить с человека спесь.

Меня только что избрали вице-президентом «Трастовой компании Гаррисона», и я был этому очень рад. Оглядываясь назад, я склонен предполагать, что мое выдвижение было связано не столько с выдающимися финансовыми способностями, сколько с тем, что мои волосы преждевременно поседели, когда мне не исполнилось и сорока. Это придало мне солидный, внушительный вид — а люди доверяют именно таким банкирам. И как только вице-президент ушел на покой, Эзо Дрексель предложил мне занять его место.

Поначалу Дениз беспокоили мои волосы; по ее словам, она не хотела, чтобы окружающие считали ее женой дряхлого старца. Я испробовал какую-то краску, но с ней было слишком много проблем, а результат того не стоил; приходилось едва ли не каждую неделю повторять процедуру. В итоге я заупрямился и краситься перестал. Дениз выражала недовольство в течение нескольких лет; но когда меня повысили, зарплата ее примирила с моей сединой. Она унаследовала практичное отношение к деньгам, свойственное французам.

Вскоре после того, как я занял новую должность, Дрексель вызвал меня в офис президента компании.

— Вилли, — сказал он, — у нас есть проблема. Один парень в Атланте хочет занять пятьсот штук. Утверждает, что у него достаточно активов, чтобы обеспечить ссуду; но я не могу найти его ни в «Дане», ни в «Брэдшите» — нигде. Кроме того, почему он решил обратиться к нам? В Джорджии много банков.

— Может, они все ему отказали, — ответил я. — Чем он занимается?

Дрексель бросил на стол письмо. На фирменном бланке было написано «Юнайтед Имп», там же стоял номер почтового ящика в Атланте. К письму была подшита пачка копий заказов на продукцию компании.

В письме говорилось, что компания производила железные решетки. Их буквально завалили заказами; и теперь им нужна ссуда для расширения производства. Далее шел такой текст:

Вам, несомненно, известно о возникшей моде на ностальгическую реставрацию. На Юге почти все ветхие особняки реставрируются как достопримечательности. Во многих из этих зданий оригинальные решетки насквозь проржавели и нуждаются в замене. Поскольку мы располагаем большим количеством работников, с одной стороны высококвалифицированных и с другой, не входящих в профсоюзы, мы надеемся занять своей продукцией существенную часть рынка.

— Конечно, — сказал Дрексель, — нам не следует ввязываться в борьбу с проклятыми союзами. Если этот человек в Белом доме... но не бери в голову; что сделано — то сделано. Как ты думаешь, Вилли?

Я нахмурившись, перечитал письмо.

— Я заметил кое-что занятное. Что значит «Юнайтед Имп»? Что такое «Имп»? Империя? Импорт? А может, импульс?

— Может, и ничего не значит. После «п» нет точки.

— Хочешь сказать, что это «имп» — вроде как гном или эльф?

— Или кобольд, или призрак. Впрочем, смотри, здесь подписался человек: «Колин Оуэнс, магиарх».

— Наверное, лидер какой-нибудь секты. — Дрексель позвонил секретарше. — Мисс Карнеро, пожалуйста, принесите сюда словарь.

В словаре никаких «магиархов» не обнаружилось, но смысл был ясен. Дрексель сказал:

— Если он — один из тех обманщиков, которые убеждают идиотов, что они — перевоплощения Джорджа Вашингтона, или обещают сотворить из верующих суперменов за один урок... Тогда нет ничего удивительного, что банки в Джорджии ему отказали. Думаю, нам стоит тоже ответить отказом.

— Ну, я не знаю, — проговорил я. — Человек может быть сумасшедшим в одном и проницательным бизнесменом — в другом. Мы должны, по крайней мере, рассмотреть его предложение. Кроме того, дела сейчас идут медленно, и у нас образовался большой запас неиспользуемых наличных. Мы можем увеличить предложенную ставку на полпроцента.

— Лучше бы на два. Но при таком уровне риска нам придется отправить кого-то в Атланту, чтобы понаблюдать за этим парнем.

— Ну, скажем, начальная ставка плюс один или полтора.

— Во всяком случае, ничего не выйдет, если мы не разузнаем побольше об этих ребятах. Вот что, Вилли: ты полетишь в Атланту и осмотришь завод. Как скоро ты сможешь отправиться в путь?

— Думаю, в начале следующей недели.

— Прекрасно. Я напишу этому Колину Оуэнсу и предупрежу, что ты приедешь. Как думаешь, сможешь справиться с этим делом?

— О, конечно. Не волнуйтесь на этот счет, босс. — Да, где-то я это уже слышал.

В аэропорту Хартсфилд меня встретили двое мужчин. Колин Оуэнс оказался худощавым, невысоким, пожилым человеком, обладателем седых волос и английского акцента. Он доброжелательно оглядел меня из-под очков в стальной оправе, а потом представил своего помощ-

ника, Форреста Беллами. Это был высокий, поджарый, загорелый человек лет тридцати, растягивавший слова и гнусавивший на южный манер. Беллами говорил вежливо, но какую-то неловкость и напряжение я в нем почувствовал.

— Очень рад вашему приезду, мистер Ньюбери, — сказал Оуэнс. — Вы бывали прежде в Атланте?

— Нет; это мой первый визит.

— Тогда мы с радостью покажем вам достопримечательности новой королевы Юга.

— Где вы меня поселите?

— Мы забронировали хороший номер в мотеле в Делкейтере. Это в стороне от города, возле нашего завода.

— Прекрасно. Когда я смогу увидеть ваш завод?

— Не стоит торопиться. Во-первых, мы проведем для вас обзорную экскурсию. Возьмите сумку мистера Ньюбери, Форрест.

Я был не настолько наивен, чтобы надеяться увидеть в Атланте южных красавиц в кринолинах и с зонтиками от солнца. Меня, однако, удивила городская суета, современный облик улиц, обилие небоскребов и новых автострад. Пока мне показывали Мемориальный Центр искусств, Циклораму и прочие достопримечательности, я пытался выжать из хозяев информацию об их деятельности.

— Почему, — спросил я, — вы обратились к нам, а не в местный банк? — Мы с Оуэнсом разместились на заднем сидении, а Беллами вел машину.

— Я предполагал, что вы зададите этот вопрос, — сказал Оуэнс. После недолгой паузы он ответил: — Я мог бы признаться, что мы попробовали связаться с местными, но нам отказали, однако это никак не связано с нашим финансовым состоянием.

— Что вы имеете в виду?

— Ну...эээ...

— Он имеет в виду, — вмешался Беллами, — что мы столкнулись с определенным предубеждением, не зависящим от состояния наших активов.

— Как это?

— Ну, с одной стороны, мистер Оуэнс не из Джорджии. Он даже не коренной американец, он натурализованный англичанин.

— Извините, Форрест, — сказал Оуэнс. — Я — британец, но не англичанин. Я валлиец. — Он обернулся ко мне. — Никак не могу объяснить разницу американцам. Продолжайте, Форрест.

— С другой стороны, «Юнайтед Имп» — это для нас нечто вроде побочного занятия. Некоторые люди не понимают смысла нашего главного дела, вот они и рассказывают всякие нелепости.

— А в чем состоит ваше «главное дело», позвольте узнать?

Оуэнс устремил взгляд куда-то вдаль.

— Мы просто пытаемся убедить наших собратьев отказать от бесполезных «ссор и печалей», мы несем им древнюю мудрость.

— Вы хотите сказать, что возглавляете религиозную секту или культ?

— Что в имени? Антропофилы — благотворительное общество, цель которого — поиск истины, мира и красоты...

Оуэнс ухватил меня за предплечье, а его чистые голубые глаза смотрели прямо на меня; владелец компании начал возвышенную проповедь, серьезную и туманную. Она не слишком отличалась от того, что можно услышать каждую неделю в церкви — или на встрече адептов веданты. Речь Оуэнса была усыпана блестками мудрости Эсхила, Шекспира и Мильтона.

Моя реакция на проповедь Оуэнса была смешанной. С одной стороны, мне скорее понравился этот ученый

старый оккультист. С другой — я испытывал ужас при мысли, что можно доверить ему деньги наших вкладчиков. Однако я решил рассмотреть его проект объективно.

Когда мы оказались милях в пятнадцати к востоку от Атланты, Беллами повернулся ко мне и произнес: «Вот и Стоун-Маунтин». Впереди, на равнине внезапно появился огромный гранитный купол высотой примерно в тысячу футов — будто присыпанный землей череп какого-то мифического чудовища.

— У нас есть время, чтобы до обеда подняться наверх, Владыка?

Оуэнс посмотрел на часы.

— Боюсь, что нет, Форрест. Крыло ночного дракона распростерлось над землей. Езжай к Экусу; Мэгги может рассердиться, если мы опоздаем к обеду.

Дорога петляла; потом Беллами остановил машину на небольшой, посыпанной гравием стоянке, возле дома, стоявшего среди высоких сосен.

Экус оказался хаотичным сооружением; как будто строительством занимался целый комитет, каждый член которого проектировал одну часть здания, руководствуясь своими представлениями и не интересуясь проектами коллег. Казалось, в доме не было двух комнат, расположенных на одном уровне. Лестницы находились в самых неподходящих местах; я увидел несколько декоративных мозаик из цветного стекла, залитых цементом, и несколько дилетантски исполненных фресок с изображениями крылатых существ, парящих среди облаков. Откуда-то послышался стук, и я заметил небольшую группу юношей и девушек в рабочей одежде, которые что-то прибивали и замазывали.

— А кто построил этот дом? — спросил я.

Оуэнс объяснил:

— Его возвел до начала Первой мировой один эксцентричный архитектор. Потом дом был заброшен и пришел в упадок, однако антропофилы приобрели этот участок и восстановили здание. Как видите, ремонт еще не окончен. Не хотите перед обедом что-нибудь выпить?

— Да, с удовольствием, — сказал я.

Оуэн исчез и возвратился с тремя маленькими бокалами и бутылкой хереса.

— Обычно мы, антропофилы, не употребляем алкоголя, но делаем исключения для важных гостей. «Умеренность — высший дар небес».

Он плеснул по капле хереса Беллами, мне и себе. Это было хорошее вино — по крайней мере, мне так показалось. Пока мы потягивали напиток, Оуэнс распространялся об идеалах своей организации. Потом прозвенел обеденный гонг, и Оуэнс убрал бутылку.

За длинным столом собралось около тридцати членов культа. Почти все они, включая тех, которые работали в доме, были молоды и небрежно одеты. Некоторые оказались чернокожими. События происходили в первые годы после установления равенства гражданских прав на Юге, и я подумал: может, расовые предрассудки и привели к тому, что культу Оуэнса отказали в финансировании местные банкиры. Однако этой темы никто не касался.

Пища была простой, но превосходно приготовленной. Разговоры в основном велись о местной политике и общих знакомых; на меня не обращали внимания. Когда обед подошел к концу, Оуэнс сказал:

— Мистер Ньюбери, я хотел бы показать вам нашу продукцию.

Он отвел меня в дальнюю часть дома; мы спустились по лестнице в чулан. Здесь лежали сваренные из железа решетки, столбы, ворота, внешние украшения и другие образцы новейшего кузнечного искусства. Хотя я и не

особенно разбираюсь в подобных вещах, но эти предметы были сделаны очень хорошо.

— Все дело в цене, — сказал Оуэнс. — Поскольку у меня такие необычные работники, я могу продавать вещи по ценам ниже, чем у других производителей таких продуктов. Если я смогу расширить производство, то безо всяких проблем верну ссуду и получу значительную прибыль. Эта прибыль будет потрачена на нужды нашего движения.

— На вас работают члены вашего общества?

— О, разумеется, нет! Они — ищущие правды, они заняты нашим крестовым походом, который ведет к миру и процветанию. Мои рабочие — совершенно другие люди.

Он медленно, почти незаметно подвел меня к дверям, после чего Беллами отвез меня в мотель.

— Мы заедем за вами рано утром, — сказал шофер. — В какое время вы обычно встаете?

Утром мы поехали к Стоун-Маунтин. Мы припарковали машину и по новой канатной дороге поднялись на вершину. Наша кабина летела над колоссальными статуями Дэвиса, Ли и Джексона, которые были вырезаны в западной части скалы. Я понял, что скульпторы, начиная сооружение мемориала, собирались добавить позднее еще целую милю силуэтов солдат-федералов. Но деньги кончились раньше, чем проект достиг этой стадии.

Ухватившись за стойку в переполненной кабине канатной дороги, Беллами рассказывал:

— Каждый год какой-нибудь молодой недотепа пытается покрасоваться перед девушкой, взобравшись по одному из крутых склонов. Потом он добирается до того места, где держаться не за что — и все. Ему конец.

На вершине мы прогуливались и наслаждались видами. Беллами рассказал мне о дальнейших планах, при-

думанных для моего увеселения — поездка на речном катере, осмотр восстановленной довоенной плантации, — но я ответил:

— Джентльмены, разумеется, я высоко ценю ваше гостеприимство. Но сначала нам нужно заняться делами, мне необходимо увидеть ваш завод и этих необычайных рабочих.

Оуэнс произнес:

— Ну...эээ... вы оценили качество наших железных изделий вчера вечером. Я могу показать вам, какие цены на подобную продукцию установлены в настоящее время на рынке и по каким ценам мы продаем наш товар. Я могу объяснить, как действует наша система рекламы и распространения...

— Простите. Я всего лишь попечитель, который следит за размещением средств наших вкладчиков; мне нужно знать, что с ними происходит. Поэтому я должен сам осмотреть ваше производство.

Оуэнс закашлялся.

— Ну... эээ... здесь есть некоторые практические трудности. Видите ли, сэр, есть некоторые проблемы с правами на территорию нашей фабрики. Если точное месторасположение производство станет общеизвестно, это может причинить нам немалые неудобства. Нам, возможно, придется перевести производство в другое место. Кроме того, наши сотрудники не хотят, чтобы посторонние наблюдали за их действиями.

Я покачал головой.

— Очень жаль, господа. Не будет осмотра фабрики — не будет и денег.

Оуэнс и Беллами переглянулись. Беллами нахмурился, глаза его сверкнули и он сделал шаг в мою сторону, как будто собирался прибегнуть к насилию. Но Оуэнс сделал лишь одно движение — и Беллами тут же отступил, избрав полное спокойствие. Оуэнс сказал:

— Приложите ухо к граниту, мистер Ньюбери, и скажите мне, что вы слышите.

Это действие явно могло повредить моим брюкам; но я решил, что смогу выставить банку счет за новую одежду. Я наклонился и приложил ухо к серому, как слоновья шкура, камню. Несколько туристов, стоявших футах в пятидесяти, уставились на меня.

— Я слышу слабый рокот, — сообщил я. — Вибрация почти на самом пределе слышимости. Наверное, это двигатель, который управляет канатной дорогой.

Оуэнс покачал головой.

— Мы слишком далеко от этой машины; вы сможете убедиться, если повторите опыт в других частях скалы.

— В таком случае что это?— спросил я, встав и отряхнувшись.

— Вам известны строки Спенсера:

...ужасный шум цепей железных

И грохот медного котла,

В который сотни эльфов бедных

Бросают то, что им земля дала?

— Боюсь, что нет, — сказал я. — «Королева фей» — одна из тех книг, которые я все собираюсь прочитать, но никак не могу найти времени. А при чем тут это?

— История изложена Спенсером так: Мерлин однажды вызвал духов и заставил их готовить материал для сооружения медной стены вокруг его родного города Кармартена. Потом он удалился и сгинул в пещере у Ви-вианы — или как там ее звали. Но никто не приказал беднягам остановиться, и они до сих пор трудятся. Или по крайней мере, они трудились до тех пор, пока я не отыскал их.

— Вот как? — проговорил я. — Вы хотите сказать, что Спенсеровы духи работают на вас, изготавливая железные решетки в пещере под Стоун-Маунтин?

— Именно. Некоторые могли бы подвергнуть сомнению уместность термина «духи»; мои рабочие — вполне материальные, настоящие живые существа.

— Вы говорите о гномах?

— Их называют по-разному. Я не стану даже пытаться объяснить, как я заставил их работать, потому что это приведет нас к сложной теории волшебства.

— Но как вы доставили их сюда, в эту страну? Вы их провезли контрабандой на корабле или соорудили туннель под Атлантикой?

Оуэнс улыбнулся.

— У таких существ есть свои собственные средства, есть особые...тайные пути.

— Если демоны Кармартена были специалистами по медному делу, то как они научились работать с железом?

— Уверяю вас, они могут справиться с любым металлом. Теперь, раз уж вы так настаиваете, мы спустимся под гору и посетим наше предприятие — по крайней мере, мы попытаемся вам его показать с безопасного расстояния.

Мы вернулись в Экус. Оуэнс и Беллами проводили меня на задворки дома. Здесь я обнаружил нечто любопытное: большое углубление, окруженное каменными стенами, которые возвышались над землей, наверное, мне до пояса, но с внутренней стороны уходили в глубину на пятнадцать-двадцать футов. Казалось, кто-то начинал здесь строительство большого дома, но не продвинулся дальше подвала. Вокруг росли деревья, листва которых шелестела над этим сооружением.

Там, где сходились две каменные стены, обнаружился спуск, и мы смогли перейти на нижний уровень. Я увидел и несколько других проходов, ведущих вниз, но они заканчивались тупиками. Казалось, все это задумано неким странным и необычным существом.

Посреди нижнего уровня был другой, более узкий проход, около шести футов глубиной, десяти — шириной, и тридцати — длиной; его обложили кирпичом. Оуэнс и Беллами предложили мне шагнуть вниз, в этот подвал. В дальнем конце прохода я увидел тяжелую железную дверь, которую Оуэнс открыл; петли яростно закрипели.

— Берегите голову, — сказал он.

Я пригнулся и последовал за маленьким волшебником, а Беллами пошел последним. Уводящий вниз туннель был выстелен досками и слабо освещен редкими электрическими лампами. Мы шли в течение нескольких минут в полной тишине. Потом доски сменились камнями, и пол стал ровным. Оуэнс остановился и показал мне боковые помещения.

— Склад для нашей продукции, — пояснил он.

В свете ламп я увидел груды железных изделий, похожие на те, которые мне показывали в Экусе. Мы зашагали дальше.

В самом начале спуска я услышал тот самый грохот, который меня удивил на Стоун-Маунтин. Чем дальше мы шли, тем громче становился звук.

Мы вошли в слабо освещенный коридор, где находились горы железа и несколько стульев. Шум теперь стал таким громким, что нам приходилось кричать. Я почувствовал, что подошвы начинают вибрировать.

Я слышал громкий стук и лязг металла, смешанный с гортанными криками. Речь так смешалась с шумом, что я не мог ничего разобрать, не мог даже предположить, на каком языке говорили.

— Дальше мы не пойдем, — сказал Оуэнс. — Как я объяснил, наши рабочие чрезвычайно застенчивы. Они не допускают в свою мастерскую никого, кроме Форреста и меня. В любом случае, теперь вы можете сооб-

щить, что у нас действительно есть производство и рабочая сила, не так ли?

— Наверное, — сказал я. — Если вы не возражаете, я предпочел бы убраться отсюда. — Шум и теснота меня пугали.

— Конечно, — согласился Оуэнс.

Мы так же молча прошли обратно по коридору. Когда, к моему облегчению, мы достигли поверхности, как раз настало время обеда. Я еще раз отведал простой, но прекрасной еды в Экусе и провел остаток дня с Оуэнсом. Мы осмотрели его книги и изучили экономические аспекты металлургии.

Меня пригласили и на ужин, но я отказался. Мне нужно было вернуться в мотель, чтобы привести в порядок мысли, сделать заметки и позвонить Дрекселю.

Когда я связался с Эзо Дрекселем в тот вечер, то рассказал всю историю, заключив:

— Я до сих пор не знаю, что у него в пещере, но что-то там есть. Я не могу поверить, что все изделия и документы, которые он мне показал, были лишь частями тщательно продуманного обмана. Его бизнес, похоже, процветает.

— Тогда почему он так стремиться расширить дело? Почему бы ему не удовлетвориться нынешней прибылью?

— Он — идеалист, который хочет спасти мир от гибели. Возможно, у него есть какой-то план. Он рассчитывает заработать достаточно, пока не прошла мода на железные изделия — а потом его антропофилы станут могучей силой, с которой станет считаться общественное мнение во всем мире.

— Как будто диктаторов когда-то интересовало мировое общественное мнение! Ты не видел этих гномов или как их там зовут?

— Нет, но я их слышал. Едва барабанные перепонки не лопнули. Я предлагаю дать им ссуду.

— Вилли, — прорычал мой босс, — ты же прекрасно знаешь, на какие вещи готовы люди, чтобы раздобыть деньги. Откуда тебе известно, что весь этот шум — не запись, которую передавали через мощные динамики?

— Эхмм... — смешался я. — Даже не подумал об этом. Может, ты чрезмерно подозрителен?

— Поневоле будешь подозрителен, когда кто-то хочет взять займы полмиллиона долларов, уверяя, что на него работают призраки или феи... Черт побери, ты прав — я очень подозрителен. Повтори, как называется культ Оуэнса?

— Антропофилы.

— Это что такое — «людоеды» или «каннибалы»?

— Нет; ты говоришь об антропофагах. Я думаю, что это название означает «любящие людей».

— Может, они людей любят так, как я люблю хорошие стейки. Вот что, возвращаясь и скажи им: если тебе не покажут так называемых гномов, никакого соглашения не будет.

— Они говорят, что их рабочие — кем бы они ни были — не хотят показываться людям.

— Это уже их проблема. Сделай так, как я сказал.

На следующее утро, когда Оуэнс и Беллами приехали в мотель, я изложил им условия Дрекслея. Беллами снова едва не взорвался от гнева. Оуэнс успокаивал его:

— Не тревожься, Форрест. «Сами боги не могут противиться неизбежному». — Мне он ответил: — Вы понимаете, мистер Ньюбери, что могут возникнуть некоторые... трудности, если вы столкнетесь с этими существами? Вам может угрожать опасность.

— Все в порядке, я готов, — сказал я.

На следующее утро я почти поверил в то, что Дрексель был прав и что звук доносился из каких-то дина-

миков. В любом случае, я был на девяносто девять процентов убежден, что рабочие, если таковые вообще существуют, окажутся самыми обычными смертными.

Мы снова приехали в Экус, Оуэнс отворил железную дверь, и мы вошли в подземный ход.

Когда мы спустились под землю, я обнаружил нечто новое. Металлический звон, который раньше звучал слабым эхом, когда мы входили в туннель, и медленно сменялся оглушительным грохотом, теперь вообще прекратился. Я слышал лишь слабый шепот, который потом перешел в хор множества низких голосов; невидимые существа говорили одновременно. Но на сей раз не было никакого гула наковальни.

Мои спутники тоже заметили это. Оуэнс и Беллами остановились и шепотом посоветовались.

— У них бывают перерывы на кофе? — спросил я.

— Ничего подобного, — сказал Беллами. — Но они и впрямь не делают того, что должны делать.

— Похоже, возникла какая-то чрезвычайная ситуация, — сказал Оуэнс.

— Возможно, несчастный случай. Мы узнаем, когда придем туда.

Мы вошли в холл. Шум казался громким, но по сравнению с прошлым разом был просто незаметен. Оуэнс произнес:

— Мы с вами подождем здесь, мистер Ньюбери, а Форрест пойдет вперед и сделает необходимые приготовления.

— Вам нужно, чтобы эти тролли дали мне разрешение войти туда?

— Именно так. Присядьте и отдохните; это может занять некоторое время.

Мы с Оуэнсом сели. Беллами исчез в двери в дальнем конце помещения. Коридор поворачивал так, что чело-

век, сидевший в этом длинном холле, не мог заглянуть в цех.

Гул голосов затих. Я услышал голос Форреста Беллами, но он звучал слишком тихо и я не мог разобрать слов. Потом снова послышались громкие голоса. Я по-прежнему не мог опознать язык.

Мы все ждали и ждали. Оуэнс рассказывал о своих идеалах и своих грандиозных планах, связанных с антропофилами. Наконец он вытащил свои часы.

— Видимо, трудности более значительны, чем я ожидал, — сказал он. — Я дам Форресту еще четверть часа.

Прошло еще пятнадцать минут. Потом, бросив взгляд на часы, Оуэнс встал.

— Мне придется заняться этим, — сказал он. — Пожалуйста, оставайтесь на месте, мистер Ньюбери. Не пытайтесь следовать за мной без приглашения. Вы понимаете?

— Да, — сказал я.

Оуэнс исчез в том же коридоре, по которому раньше прошел Беллами. Голоса ненадолго затихли, а потом послышались снова.

Я подождал еще четверть часа. Искушение заглянуть в пещеру было велико, но я сопротивлялся ему. Я от природы любопытен, как и прочие люди — может, даже чуть больше. Но меня дома ждали жена и трое детей, и я не хотел, чтобы любопытство убило вот эту конкретную кошку.

Потом шум стал еще громче. Мне показалось, что я слышу крики разъяренной толпы.

В зал вбежал Колин Оуэнс. Его волосы были взъерошены, он потерял очки, лоб его был расцарапан, по лицу текла кровь, а у пиджака недоставало одного рукава.

— Бегите что есть мочи! — завопил он, проносясь мимо меня.

Я вскочил со стула и в несколько прыжков догнал хозяина фирмы. Будучи намного крупнее и на двадцать лет моложе его и находясь в хорошей физической форме для человека моих лет, я мог бы оставить его далеко позади. Вместо этого я схватил Оуэнса за руку и потащил вперед. И все-таки ему приходилось время от времени останавливаться, чтобы отдышаться.

Позади нас звуки голосов смешивались с ударами и топотом множества ног по полу туннеля.

— Скорее! — стонал Оуэнс. — Они догоняют нас... отбойники...

Я удвоил свои усилия, пытаюсь волочь вперед маленького старика. В следующий раз, остановившись перевести дух, он прошептал:

— Этот идиот... мне нужно было поспешить... им чертовски помогло...

Потом свет погас. Оуэнс пронзительно закричал:

— О, Боже!

— Вытяните руку и коснитесь стены, — приказал я. — Шевелитесь!

Шаги и крики усилились. Я ничего не видел. Когда мы достигли места, где уровень пола начинал повышаться, я споткнулся и едва не упал. Я подумал: вот и все. Из последних сил я поднялся на ноги и двинулся дальше.

Держась за стену, мы пробирались наверх, а шум погони звучал все громче и громче. Что-то пронеслось по коридору, ударилось о каменную стену и с грохотом рухнуло на пол. Я не мог разглядеть, что это был за снаряд, но подобные звуки мог издавать брошенный отбойный молоток.

— Я... я не могу... — прохрипел Оуэнс. — Идите, мистер Ньюбери. Спасайтесь.

— Ерунда! — ответил я. Я подхватил Оуэнса и понес его, как ребенка. К счастью, он весил не больше сотни фунтов.

Мне казалось, что я уже чувствую дыхание наших преследователей. Я ждал, что в любую минуту мне на голову могут обрушить молоток.

Когда мои глаза немного привыкли к темноте, впереди показалась маленькая серая точка. Я понял, что это поворот туннеля, у самого выхода. Короткий проход между дверью и этим поворотом был освещен солнечным светом снаружи.

Серое пятно увеличилось и приобрело форму прямоугольника. Тут мы добрались до поворота и выскочили через дверь, ослепленные ярким светом. Я выронил Оуэнса и без чувств рухнул на кирпичный настил. Оуэнс закрыл дверь, запер ее и остановился возле меня.

— Все в порядке, — сказал он. — Они не выносят солнечного света и ни за что не станут выходить. Вы спасли мне жизнь.

Когда я перевел дух и немного пришел в себя, то спросил:

— Что же произошло?

— Форрест пришел в разгар профсоюзного собрания. Он поспорил с потенциальным лидером, а у него...был... сильный характер. Он оказался достаточно глуп — и ударил... главаря. Мои рабочие тоже не отличаются сдержанностью; в общем, в следующее мгновение они набросились на него с молотками и прочими инструментами. Увидев, как его мозги разлетелись по залу, я обратился в бегство.

— Что теперь? Вы с кем-то свяжетесь?

— Я обо всем позабочусь, не тревожьтесь. Ваши дела здесь закончены, мистер Ньюбери. Очевидно, мою великую мечту придется воплотить потом, в более благо-

приятных обстоятельствах. Позвольте мне отвезти вас в мотель.

Оуэнс, обычно разговорчивый, на обратном пути молчал. Меня очень интересовали его планы, но он отвечал на вопросы уклончиво, и я в конце концов прекратил беседу.

Вечером я позвонил Дрекселю. На следующий день из Экуса никаких вестей не поступало. Телефон не отвечал. Я заказал билет на самолет и вызвал такси. Но, поддавшись минутной прихоти, я попросил водителя по дороге в аэропорт заехать в Экус.

За ночь дом опустел. Не осталось никаких следов Колина Оуэнса и его последователей. Все выглядело так, будто здесь поработала толпа вандалов с ломami и молотками.

Все окна были разбиты. Мебель — разбросана и поломана. Обивка со стен сорвана, половицы выдраны. Штукатурку со стен сбили. Коврики разорвали или испачкали. Здание находилось в ужасном состоянии — я даже побоялся туда войти; мог проломиться пол или обрушиться потолок.

Я обошел дом и осмотрел яму. Железная дверь была распахнута и сорвана с петель. Она лежала на кирпичах, смятая как фольга.

Я вспомнил, как Оуэнс говорил, что его работники избегали солнечного света; ночью им ничто не мешало совершить набег на Экус. Схватили ли они кого-то из антропофилов — я сказать не мог. Среди развалин я пятен крови не видел, а на вопросы мои ответить было некому. Может, члены общества сами устроили весь этот погром, прежде чем покинуть свой штаб?

Я даже подумал, не привиделось ли мне все это. Но никакой фантастики не было в заявлении на ссуду с приложениями, которые представил Оуэнс, или в моем визите в Атланту. Единственный способ все выяснить —

снова войти в туннель, но мне не хватало ни храбрости, ни решительности для такого приключения. Кроме того, мне следовало торопиться на самолет.

Наверное, мне следовало обо всем сообщить в полицию штата. Но я не мог представить, как объясню офицерам, что за мной по туннелю под Стоун-Маунтин гналась толпа разъяренных гномов.

Кроме того, следовало принять во внимание и репутацию банка. Никто не пожелает доверить свои деньги учреждению, которым управляют *hallucinés*. Хотя мое тогдашнее бездействие и осталось на моей совести — что ж, с такими вещами нужно учиться жить, они остаются вместе с воспоминаниями о других глупостях и грубых ошибках, которые нередко совершают люди, ведущие деятельную жизнь.

Когда я представил отчет Эзо Дрекселю, он сказал:

— Ну, Вилли, ты знаешь, что я не какой-нибудь чертов розовый либерал. Но я готов признать, что профсоюзы — это надолго. Теперь они есть даже у эльфов, гномов и прочей нечисти!

Тики

Гигантский морской паук, который водится в северной части Тихого океана — это самое крупное из существующих ракообразных, медлительное, безвредное существо.

Я впервые услышал о гигантских пауках Эзо Дрекслея на вечеринке в Музее Естествознания. Будучи постоянным участником этих встреч, я затащил туда и Дениз. Мы выпивали, стоя среди слонов, динозавров и предметов быта эскимосов. Когда шум становился так силен, что приходилось кричать, пытаясь поговорить с соседом — зажигались огни, которые приглашали членов клуба к столу. Потом мы слушали кого-то вроде покойного доктора Луиса Лики или покойного сэра Джулиана Хаксли, а может, смотрели фильмы о жизни племени бахтиаров или обыкновенной блохи. Поскольку в детстве я мечтал стать натуралистом, то с большим интересом относился к этим встречам.

Прежде чем начался кинопоказ, доктор Эстер Фарсэс, хранительница отдела беспозвоночных, объявила о пожертвовании на открытие зала в новом крыле. Когда все узнали, что это будет зал ракообразных Дрекслея, то начали аплодировать. В черном костюме-тройке, солидный, седоусый — Эзо Дрексель был воплощением успеха; он встал и поклонился.

Все считают, что банкиры очень богаты. Увы, ко мне это не относится, но Эзо Дрексель был богат. Когда Эзо не руководил «Трастовой компанией Харрисона» и действиями младшего банкира по имени В. Уилсон Ньюбери, он катался на яхте, записывая песни китов или пересчитывая тюленей в Антарктиде. Свой корабль он превратил в настоящую морскую лабораторию. На борт

этого судна поднимался сам японский император, который тоже увлекался морской биологией.

После лекции мы поздравили Дрекслея с таким замечательным событием. Дениз спросила:

— А как тебе в голову пришла эта идея, Эзо?

— Когда я прошлым летом был в Беринговом море, — сказал он, — землечерпалка подняла одного морского паука. И я подумал, что у этого бедного старого музея нет подходящего помещения для подобных экспонатов. У нас есть прекрасные коллекции членистоногих, но их слишком много для одного зала. И вот, будучи директором Музея, но никогда не уделяя ему достаточно времени, я решил: настал мой черед поучаствовать в работе. Ведь я тружусь здесь и могу проследить, на что будут расходоваться средства.

— Вот что я скажу, — продолжал он, — когда новое крыло достроят, я проведу экскурсию для вас и ваших детей!

Дениз наморщила нос.

— Вилли приведет детей. А я все-таки предпочитаю животных с мехом и перьями, а не этих жуков-переростков.

— Обычное предубеждение в пользу млекопитающих, — сказал Дрексель. — Где найти существо более совершенное, чем *Odontodactylus scyllarus*?

— *Zut!* — воскликнула моя жена. — А я предпочитаю крабов в виде консервов, полностью готовых к употреблению.

Дрексель обернулся ко мне.

— Вилли, ты играешь в гольф в субботу? Тебя ведь не испугает снег на траве, не так ли? — Несмотря на то, что он был на двадцать лет меня старше, здоровьем он отличался поистине медвежьим.

Все следующее лето Дрексель провел в морских странствиях, он собирал редких изоподов и других мор-

ских созданий с большим количеством сочлененных конечностей. После возвращения мы встретились (если говорить о нерабочем времени) на первом осеннем заседании нашего клуба. Мы пили коктейли в зале антропологии Океании, а Дениз читала табличку, висевшую рядом со статуей из потемневшего красного дерева.

— Тики Атеи, — прочитала она. — Хива Оа, Маркизские острова. *Que veut dire* «Тики Атеи», любимый?

— Тики — это полинезийская статуя или идол, — пояснил я. — *Indubitablement*, Атея — богиня, которую изображает статуя. — Поскольку Дениз — француженка, мы постоянно говорим на двух языках.

Эта статуя оказалась одним из самых старых экспонатов Музея. Она находилась здесь с девятнадцатого века. Когда христианские миссионеры в Южных морях призывали своих новообращенных уничтожать все остатки «идолопоклонства», некий предприимчивый ученый спас эту богиню.

Должно быть, ему пришлось немало потрудиться: статуя была в семь футов высотой и весила очень много. Она казалась такой же уродливой, как каменные идолы с Острова Пасхи; в общем-то, она от них отличалась разве что пропорциональным сложением. Это был исключительно традиционный образец народного искусства: приземистая, массивная фигура с выпученными губами и круглыми огромными глазами. Осмелюсь предположить, что в свое время эти глаза видели немало человеческих жертв.

Эзо Дрексель неуклюже проталкивался к нам — в одной руке он держал бокал, в другой — руку жены.

— Вилли! — взревел он. — Помнишь, я говорил, что проведу для тебя экскурсию по своему новому залу? И как насчет следующего уик-энда?

— Я днем его вообще никогда не вижу, — пожаловалась Дениз миссис Дрексель. — Он проводит здесь все

выходные, следя за монтажом экспозиции. Я удивляюсь, почему сотрудники музея до сих пор не взбунтовались и не вытолкали его взащей.

Я сказал, с радостью приведу в музей детишек — тех, которых смогу поймать. Я мог как угодно относиться к ракообразным, но приглашение от начальника — выше всего.

Девочки отказались. Стивен сказал, что пойдет, если он сможет взять с собой друга, Хэнка. Я заколебался.

Стивен был милым, послушным двенадцатилетним мальчиком, которого никогда не приходилось наказывать. Но он от природы был несамостоятелен, а заводилой всегда был его друг Генри Шнелл. Этот Хэнк был юный озорник; но отцу следует призадуматься, прежде чем вмешиваться в отношения мальчика с его лучшим другом. В общем, я сказал, что Хэнк может пойти с нами.

Зная склонность Хэнка во весь опор мчаться к тем вещам, которые привлекали его внимание, я попросил мальчиков держаться поближе ко мне. Мы встретили Эзо Дрекслея возле справочного бюро и направились в новое крыло. Потом мы задержались, чтобы побеседовать с Дэвидом Гольдманом. Профессор Гольдман интересовался тем, как развивались рептилии-терапсиды: то ли у них выросли перья потому, что они хотели летать, то ли перья появились для того, чтобы сохранить тепло, а летные качества развились уже позднее. Гольдман взволнованно рассуждал о новых данных, подтверждающих его точку зрения.

Пока мы слушали профессора, мальчики исчезли. Я предположил, что Хэнк, как обычно, помчался вперед, через зал Океании в новое крыло, а Стивен пошел за ним. Я не беспокоился о мальчиках. Но, зная Генри Шнелла, я по-настоящему беспокоился о состоянии музея.

Когда мы вошли в зал антропологии Океании, первое, что бросилось мне в глаза — это тики Атеи. Статую кто-то пририсовал большие усы одним из таких толстых фломастеров, которыми пользуются дети, делающие граффити в вагонах метро.

Я, запинаясь, пытался извиниться за своих юных дикарей, но Дрексель произнес:

— Неважно, Вилли. Уверен, что это можно отмыть, даже если краска несмываемая. Статуя лакирована. Какой-то идиот покрыл ее слоем лака во время Первой мировой, и с тех пор ее не реставрировали. Оказалось, что это и к лучшему.

И тут я услышал еще одну фразу. Кто-то произнес:

— Ты расквасишься в своей дерзости, смертный!

Я подскочил и уставился на Дрекслея. Мой босс смотрел на статую, засунув руки в карманы и сжав губы. В любом случае, я мог не мог себе представить Эзо Дрекслея, говорящего кому-нибудь, что он расквасится в своей дерзости. Это было не в его стиле. В каком-нибудь особом настроении он мог произнести: «Мой дорогой, вы об этом пожалеете!»

И пока я осматривался по сторонам, тот же голос добавил:

— Ты и твоё отродье, оба!

Дрексель не раскрывал рта; казалось, мой босс никакого голоса не слышал. Никого больше поблизости не было. Я предположил, что страдаю от слуховых галлюцинаций. Естественно, я не хотел ничего рассказывать Дрекслею, чтобы он не счел меня больным. Я подумал: может, мне следует проконсультироваться с невропатологом или психиатром. Я знал парочку хороших, внимательных специалистов...

— Хорошо, — заявил Дрексель, — давай-ка поймем твоих мелких хулиганов, пока они больше ничего не натворили.

Мы отправились на поиски. В конце зала Океании находилась небольшая, квадратная ниша, в которой расположили выставку минералов. С логической точки зрения ей там было не место, но в те времена музейные кураторы не всегда выстраивали экспозиции логически. Только один директор начинал расставлять экспонаты в надлежащем, как ему казалось, порядке — его место занимал другой директор и снова начинал перестановки.

Все это напоминало одну из тех головоломок, в которых нужно перемещать маленькие деревянные кубики в коробке, чтобы добиться какого-то определенного порядка. В музее люди не задерживаются надолго и потому обычно не успевают довести до конца тот или иной замысел. Минералы перенесли сюда, выполняя какой-то давний план.

Зал минералов примыкал к новому крылу. На самом деле это было не совсем крыло — скорее четвертая сторона полого квадрата. «Новое крыло» смыкалось с другой стороной квадрата, где располагались служебные помещения и фондохранилища музея. Посетители редко понимают, что для подобных целей отводится больше места, чем для выставочных залов. У любого солидного музея экспонатов гораздо, чем можно выставить в экспозиции. В огромном лабиринте подвалов также располагались залы для хранения и подготовки экспонатов.

В зале минералов мы догнали мальчиков. Они изображали полнойшую невинность, но не могли удержаться от улыбок и смешков.

Они решительно отрицали, что пририсовали Атее усы. Когда я обыскал вещи ребят, то не нашел ничего похожего на большой фломастер. Я предположил, что они его выбросили. Внутренне я был убежден, что именно они устроили это безобразие, но доказать ничего не мог. Один из них, должно быть, влез на плечи другому, чтобы дотянуться до уродливого лица статуи.

— Вперед, — сказал Дрексель, открывая ключом запертую дверь. За ней находилась вторая секция нового крыла, незавершенный зал ракообразных.

Здесь были обычные настенные витрины и круглые и овальные витрины посреди зала, с большинства из них еще не сняли покрывала. Центральные витрины были выстроены в ряд через весь зал.

Здесь находились ракообразные всех форм и размеров, но заполнена была только половина витрин. Я увидел омара, который весил, должно быть, фунтов тридцать. Был тихоокеанский кокосовый краб, размером не меньше омара. Были слишком яркие цветные стоматоподы и другие обитатели морского дна.

Я понял, что работы еще продолжались: посреди зала стояла стремянка, я увидел ведра, огнетушитель, кучу стекол, инструменты, коробки с крепежом для стекол. Пробормотав что-то насчет «лентяев», Дрексель начал убирать все эти вещи в угол, чтобы придать залу более опрятный вид. Я помог ему.

Дрексель показал нам пустой участок стены.

— Туда, полагаю, можно поставить морского паука.

Мальчики заволновались. Ребята вообще не могли долго осматривать такие большие выставки. А Дрексель источал энтузиазм. Я вежливо предложил ему:

— А как насчет зала, где готовятся все эти экспонаты, Эзо? Думаю, им это будет интересно.

— Несомненно! — сказал Дрексель.

Он отворил другую дверь, в дальнем конце зала ракообразных, и привел нас в один из подготовительных залов, где все пропахло формальдегидом. Здесь находились столы, на которых препараты тщательно вычищали мясо крабов, креветок и других морских обитателей, прежде чем перенести их в экспозицию. Мы осмотрели стойки с засушенными экспонатами, и банки и резервуары с другими, которые еще плавали в консерви-

рующей жидкости. В тот день никто из ученых и техников не работал.

Самым большим объектом в зале оказался металлический резервуар, заполненный жидкостью почти до краев. Внутри было то, что с первого взгляда напоминало путаницу конечностей какого-то фантастического паука — положим, толкиновской Шелоб.

— Мы только что их получили, — сказал Дрексель. — Я этих красавцев не ловил. «Лемурия» доставила их с Алеутских островов.

— А кто это? — спросил Стивен. — Выглядят они ужасно.

— Это, — сказал Дрексель, — так называемые японские морские пауки, *Macrocheira kampferi*. Не понимаю, почему японцы называют их своими; на севере Тихого океана, на сороковой широте они водятся. И они не ужасны. Они красивы — по крайней мере, по сравнению с другими морскими пауками.

— Сколько их там? Они все перепутались, и я разобрать не могу.

— Четыре, — сказал Дрексель. — Мы собираемся выставить самого крупного, а остальных уберем в хранилище.

— Они — людоеды? — спросил Генри.

— Они безвредны, хотя, наверное, если бы вы, плавая под водой, потревожили такое существо, оно стало бы защищаться... Да, Анджела?

В дверях в дальнем конце зала появилась молодая женщина.

— Мистер Дрексель, миссис Дрексель просит вас к телефону. Вы можете поговорить с ней из моего кабинета.

— Извини меня, Вилли, — сказал Дрексель. — Я скоро вернусь. Вы с ребятами здесь все посмотрите. Но пусть они ничего не трогают.

Каблуки Анджелы застучали по полу, когда она вместе с Дрекселем шла к двери в дальнем конце помещения. Потом дверь захлопнулась.

Я склонился над резервуаром с гигантскими крабами. Это и в самом деле были огромные существа, у самых больших лапы достигали четырех, а то и шести футов в длину, а клешни были восьми или десяти футов. Такими клешнями, подумал я, можно перекусить человеку руку или ногу.

— А что там? Вода? — спросил Стивен.

— Формальдегид, я полагаю, — ответил я. — Если опустишь туда палец — не стоит потом его совать в рот.

— Ух ты! — воскликнул Хэнк. — Попробовать ту жидкость, в которой лежали мертвые твари!

— Ну, ты же ешь крабов из банок, правда? — спросил Стивен. — И они мертвые, верно?

— Нет, — сказал Хэнк. — Я не ем мертвых чудовищ. Да ну!

— В чем дело? — спросил я.

— Этот мистер... ну, знаете... старик... ваш друг...

— Мистер Дрексель, — подсказал Стивен.

— Мистер Дрексель... он говорил, что они мертвые?

— Конечно, говорил, — сказал я. Он не говорил ничего подобного, но я не собирался заострять на этом внимание.

— Ну, они не мертвые. Они шевелятся.

— Ты с ума сошел, Хэнк, — сказал Стивен.

— Вот, посмотрите туда! — показал Хэнк. — Его ноги зашевелились, как будто он проснулся.

— Это все твоя фанта... Эй, папа, погляди!

Я поглядел. И тут все четыре краба зашевелились, расправили конечности и встали. Они вылезли из резервуара, как Венера из морской пены; правда, сходство с Венерой мог обнаружить разве что самый одержимый любитель даров моря. Крабы оказались бледно-серыми;

к их панцирям прилипли оливково-зеленые водоросли и еще какая-то морская растительность.

Мы с мальчиками отскочили от резервуара. Ребята закричали.

Двигаясь довольно быстро, четыре краба перебрались через край резервуара. Следом за самым крупным, к нам начали приближаться и остальные, вытянув клешни и щелкая ими.

— Бежим! — крикнул я. — Сюда! Не позволяйте им дотронуться до вас! Они вам головы откусят!

Я помчался прочь из зала ракообразных. Мальчики следовали за мной. А за нами единой колонной шагали четыре морских паука, их когтистые лапы стучали по плиткам пола.

Крабы двигались проворно, но не слишком быстро. Я был поражен и напуган, но, оставаясь в хорошей спортивной форме для человека, которому давно исполнилось сорок лет, с легкостью мог опередить преследователей.

Мальчики, бежавшие впереди меня, достигли выхода из зала ракообразных и дернули за ручку двери. Дверь не открылась.

Я догнал ребят и нажал на дверную ручку. Замок зашелкнулся; такие замки установили в музее, чтобы в залы не входили посторонние. Чтобы открыть дверь, нужен был ключ, а ключ остался в кармане Эзо Дрексея.

Четыре краба, пройдя через весь зал ракообразных, выстроились вдоль одной из центральных витрин. Я кричал и стучал в дверь — но безрезультатно.

— Ребята! — сказал я. — Они стоят с одной стороны от витрины. Попробуем побежать по другой стороне и отворить вторую дверь.

Крабы теперь находились всего лишь в девяти футах от нас. Мы помчались обратно, обогнув центральную витрину с другой стороны. Крабы не останавливались.

Они дошли до конца центральной овальной витрины, обогнули ее, как римские колесницы на полном ходу огибали край арены, и продолжили преследование.

Мы промчались через зал ракообразных, через зал минералов, через вводный зал. Крабы следовали за нами.

Дверь в дальнем конце вводного зала также была заперта. Я тщетно вопил и колотил по ней.

Пока крабы щелкали клешнями с одной стороны огромной витрины, мы с мальчиками промчались обратно с другой стороны. Мы снова преодолели зал ракообразных. Но оглянувшись назад, я пал духом. Крабы, или дух Атеи, или что там управляло чудовищами — в общем, они нашли простейшее решение. Крабы разделились на две пары. Теперь они шагали по обе стороны от центральной витрины. Их нельзя было обогнуть — мы не могли продолжать игру в догонялки. Они победили.

Я пнул по двери и заорал так, что у меня чуть легкие не разорвались. Я осмотрелся по сторонам, отыскивая, что можно использовать для защиты. Крабы были медлительными и неуклюжими, и я полагал, что смогу расколотить пару панцирей прежде, чем эти твари разорвут меня. По крайней мере, подумал я, мальчики спасутся.

Когда крабы преодолели больше половины пути, я увидел в углу какой-то предмет. Это оказался огнетушитель, который Дрексель убрал с дороги: большой, цилиндрической формы, из тех, которые надо переворачивать вверх дном, чтобы потушить пламя.

Я схватил огнетушитель, перевернул его и направил разбрызгиватель на ближайшего краба. Времени читать инструкцию у меня не было; оставалось только надеяться, что я все делаю верно.

Огнетушитель зашипел. Жидкость выплеснулась из воронки, заливая краба. Существо замерло, потом начало беспорядочно размахивать конечностями.

Я нажимал на рычаг, поливая второго, третьего, четвертого краба — а потом снова занялся первым. Не знаю, какие химикаты были в огнетушителе, но крабы начали пошатываться и терять равновесие. Они дико размахивали клешнями, натыкались на витрины и падали. Один свалился на спину, дергая усиками. Другой врезался в стену...

Когда через несколько минут вошел Эзо Дрексель — он увидел четырех неподвижных крабов и одного неподвижного банкира. Последний из вышеперечисленных, затаив дыхание, прижался к витрине, держа в руках пустой огнетушитель.

— Но... но это невозможно!— воскликнул Дрексель, выслушав эту историю.

Я пожал плечами. Со мной случалось слишком много занятных происшествий, и я не мог так легко рассуждать о «невозможном».

Когда дверь в зал ракообразных отворили, вошли и другие люди. Дрексель попросил охранников впустить только сотрудников Музея. Мы с мальчиками повторили нашу историю.

Заговорил доктор Эйнарсон, помощник хранителя отдела тихоокеанской антропологии. Он улыбался, как будто намекая, что к его словам не следует относиться особенно серьезно.

— Усы Атее? — воскликнул он. — Неудивительно. Она, знаете ли, богиня. Усы — это не для нее!

В следующий понедельник, когда Музей был закрыт, вы могли бы увидеть, что один банкир и его жена вооружились стремянкой, ведром, губкой, жесткой щеткой и мылом. Они тщательно стирали усы с тики Атеи.

Должно быть, это сработало, потому что с тех пор в музее со мной больше ничего не случилось.

Далекий Вавилон

В яркую лунную ночь человек в черной ковбойской шляпе сидел на корточках у воды, строя песчаный замок.

Я больше не пытался уснуть. Как я ни корчился и ни вертелся, но в спальный мешок всегда упиралась какая-то острая палка или камень. Наконец я выбрался из спальника, надел штаны и башмаки и отправился прогуляться. Где-то вдали завыл койот.

Я удивился, как это Дениз и детям удалось уснуть. Я думал: Уилсон Ньюбери, какую же глупость ты совершил, согласившись отправиться в поход. Ты уже вышел из того возраста, когда сон на свежем воздухе — просто развлечение; тебе следовало оставить все эти «тарзанские» игрища мастерам-скаутам и инструкторам. Но я всего лишь пытался стать хорошим отцом.

Ручей, возле которого я припарковал свой фургон, был каким-то маленьким притоком Пекана. Все-таки походная жизнь в этих открытых местах довольно трудна: нужно отыскать место, где туристы могут совершать естественные отправления в подобающем уединении. Мы наконец нашли такое место: маленькие пересохшие овраги и чахлая растительность у ручья обеспечивали необходимое прикрытие.

Погода была прекрасной, хотя в течение дня несколько далеких перистых облаков приблизились и превратились в грозовые тучи. Вообще погода в тех краях обманчива. Воздух прозрачен, местность ровная и открытая — путешественник очень часто видит мелкие грозы в двадцати или тридцати милях и решает, что вот-вот начнется дождь. Но на самом деле есть лишь ничтожный шанс, что дождь все-таки пойдет.

Я прогулялся по склону, освещенному ярким сиянием луны, пробрался через кустарник и остановился, увидев этого человека в широкополой шляпе. Я подошел к нему поближе, решив выяснить, чем он занят. Он не обернулся — казалось, он меня вообще не заметил.

Собирая и укладывая мокрый песок, мужчина строил квадратную стену, примерно в один дюйм высотой. Пальцами он прорыл по диагонали через весь квадрат траншею, она проходила через стену с двух сторон и вилась, как речное русло. У берегов этой впадины стены продолжались — от одного пролома к другому.

Внутри квадрата мужчина провел на песке множество линий, разделив пространство на отдельные участки. На одном из таких многоугольников он соорудил какие-то здания. Одно, завершенное, представляло собой цельный массив в форме буквы «L», каждая из стен была длиной в несколько дюймов. Поблизости человек возвел какую-то пирамиду в несколько дюймов высотой.

— Здорово, мистер, — сказал я, пытаясь подражать местному выговору.

В тех краях я всегда старался вести себя поосторожнее. Об этом меня много лет назад попросил отец. Еще в молодости, в самом начале столетия, он отправился в путешествие вместе с приятелем. Они остановились в каком-то селении, где устроили танцы. Спутник моего отца пригласил девушку на танец; она согласилась. Потом появился ее ухажер и убил отцовского приятеля. Труп унесли, и танцы продолжились. Это произвело сильное впечатление на моего старика.

— Добрый вечер, сэр, — ответил мужчина низким, ровным голосом — словно где-то вдалеке загрохотал гром. Он обернулся ко мне, но лунный свет падал на поля его сомбреро, и лицо незнакомца оставалось в тени. Я ничего не видел, кроме светлого пятна. Я купил такую

же шляпу, чтобы больше походить на местного жителя, но не надел ее, отправляясь на ночную прогулку.

— Хорошая погода, — сказал я.

— Да, сэр, если засуха не погубит урожай. Он добавил к пирамиде еще один ярус.

— Это, конечно, не мое дело, — заметил я, — но, может, вы мне расскажете, чем здесь занимаетесь?

Он снова посмотрел на меня — и снова я увидел лишь смутно различимое пятно.

— Это — макет Вавилона.

— Вы говорите о том Вавилоне, который в Ираке, а не о том, который в Нью-Йорке?

— Да, сэр. Я даже не слышал, что есть Вавилон в Нью-Йорке. Сейчас я строю большой зиккурат Мардука. Именно он назван в Библии Вавилонской башней.

Акцент у него был как у местных, но речь и словарный запас выдавали образованного человека. Это меня не удивило. Я не раз сталкивался с неожиданными познаниями в самых невероятных местах; я даже знал иракского шейха, который помнил почти все мелодии, сочиненные Моцартом. Я спросил:

— Мне кажется, интерес к древнему Вавилону немного... эээ... необычен для местного жителя?

Он пожал плечами.

— Эти сукины дети всегда думали, что я сумасшедший. Но именно это место я всегда хотел повидать. Я часто видел его во сне и писал об этом. Я могу представить его и сегодня. — Он нараспев прочел:

В далеком Вавилоне, где течет Евфрат,
Где золотым и алым окрашен дивный град,
Где шпили серебристые над стенами стоят.

В древнем Вавилоне у неспешных вод,
Широко, величаво течение несет
Плоты, лодчонки, баржи — мчатся круглый год.

В огромном Вавилоне, где люди всех цветов
По улицам проходят и встретить будь готов,
Арабов и евреев, и лордов, и рабов.

В мертвом Вавилоне, в далекой стороне
Пыль под пыльным небом застит очи мне,
В пыль обратился Вавилон во времени огне.

— Чьи это стихи? — спросил я.

— Мои. Я часто сочинял такие штуки. Но денег это не приносило, вот я и перестал. Но я все еще жалею, что не смогу увидеть Вавилон.

— Я там был несколько лет назад.

— Вы там были? Расскажите мне об этом, сэр.

— Это — всего лишь обширное, ровное пространство у берегов Евфрата, — ответил я, — кое-где растет чухлая трава. Напоминает «пыльное небо» из вашего стихотворения; правда, там еще выкопали остатки древних зданий. Кажется, все они были сделаны из простых кирпичей. Должно быть, это место выглядело очень уныло — когда там жили люди.

Я разглядел, что человек усмехнулся — белые зубы были видны даже из-под широких полей сомбреро.

— Считайте, что я предпочел бы свою мечту реальному Вавилону. Но такова жизнь. Однако я сожалею, что не смог всего этого увидеть. Когда совершилась перемена, я подумал, что наконец-то отправлюсь туда. Я ведь просил немного...

— Я не совсем вас понимаю. Что случилось?

— Вырвавшись на волю, я нарушил какое-то треклятое правило. Теперь мне не позволяют покидать пределы округа. И поэтому мне приходится делать все самому. Каждый раз в полнолуние я приезжаю сюда, чтобы построить свой маленький Вавилон. — Он обернулся, приподнял голову и посмотрел на луну. — Что ж, сэр, мне пора возвращаться. Надеюсь, вы неплохо проведете

время. Не бойтесь местных жителей. Некоторые из вас, северян, приезжают сюда, представляя нас какими-то дикарями.

— Это в самом деле заметно? Я думал, что неплохо освоил юго-западный диалект.

— Да, недурно. Но я видел ваши номерные знаки. Люди думают, что здесь повстречают ковбоев, которые стреляют друг в друга на улицах. Сейчас все преступления совершаются в больших городах; в маленьких городках и в сельской местности тихо и спокойно до отъезда. Что привело вас сюда, позвольте узнать?

— Я — банкир, и мы собираемся открыть отделение в Форт-Уэрте. Раз уж мне пришлось здесь задержаться на пару месяцев, то я решил привезти и семью, чтобы устроить нечто вроде каникул. Но вскоре нам придется возвращаться — детям пора в школу.

— Ну, всего вам хорошего. Доброй ночи, сэр; рад был с вами побеседовать.

— Доброй ночи, — ответил я.

Мужчина поднялся и зашагал вдоль берега, вверх по течению. Вода в сезон засухи отступила, по обе стороны от ручья образовались широкие полосы песка, разделявшие ручей и заросли деревьев и кустов. Мужчина прошел по этой полосе и почти сразу же скрылся из вида.

Солнце показалось над горизонтом, когда Стивен и Элоиза растолкали меня.

— Эй, папа! — позвал сын. — Когда ты приготовишь нам завтрак? Я мог бы съесть целого быка.

— Хочу посмотреть, как папа сделает тост без тостера, — добавила маленькая Присцилла.

Выкарабкавшись из спального мешка, я вспомнил разговор с человеком в черной ковбойской шляпе. Я вспомнил и еще кое-что. Как ни странно, это, казалось, вылетело у меня из головы во время той ночной беседы.

В небольшом городке, через который мы проезжали накануне, я побеседовал с механиком гаража, общительным пожилым человеком, менявшим в машине масло. Когда речь зашла о долине Пекан, он исправил мое произношение, заметив:

— Мистер, как мы говорим здесь, *Пе-кан* — это орех; а *Пи-кан* — то, что вы держите под кроватью.

Он затрясся от хохота; очевидно, это была его любимая шутка. Когда механик немного успокоился, он рассказал мне о некоторых местных обитателях, с которыми был хорошо знаком. В частности, он сообщил, что один местный житель хотел стать писателем. Говорили, что он продал множество своих работ в журналы, но мой собеседник ни одного из этих журналов не видел.

— Он, по-моему, был не очень похож на писателя, — заявил механик. — Писатели — эдакие тощие мелкие ребята, которые даже бумажный пакет пробить не смогут. А он был парень крупный, парень с кулаками. Я думаю, что он слегка тронулся умом; все время говорил о древних руинах и сочинял дурацкие истории вместо того, чтобы найти себе нормальную работу.

— Что с ним случилось? — спросил я.

— Умер. Застрелился.

Вспомнив об этом разговоре, я сказал своим, что отлучусь на минуту. Я поспешил обратно на берег ручья, где состоялся ночной разговор. Там, однако, не осталось и следа от модели Вавилона или зиккурата, не было и следов незнакомца. Я увидел только отпечатки собственных башмаков.

И я вспомнил кое-что из давным-давно позабытого. Много лет назад, еще во время учебы в Массачусетском технологическом, я не раз бывал у одного парня в Провиденсе, который сочинял рассказы для дешевых журналов. Однажды этот человек рассказал мне о своем друге по переписке, еще одном сочинителе, который

жил на Юго-западе и писал жестокие истории о героях со стальными мускулами и дубовыми черепами. Я не вспомнил, как звали этого человека, но описание совпало.

Когда я вернулся и начал готовить завтрак, Дениз сказала:

— Вилли, дорогой, в чем дело? Ты как будто увидел призрака.

— Может, так оно и было, — ответил я, пытаюсь раздуть огонь, размахивая своей ковбойской шляпой.

Желтый человек

Желтый человек спросил: «И что же вы, месье, делаете в моем доме?»

Я арендовал большой легковой автомобиль в Фор-де-Франсе и перевез вещи в арендованный дом. Я, жена и трое детей вносили внутрь чемоданы, сумки с одеждой, коробки и прочие вещи — и тут на дороге появился этот человек.

Я тотчас почувствовал: с ним возникнут проблемы. Он был примерно моего роста, но худой, с желтовато-коричневой кожей и скорее выщипанной, а не курчавыми волосами. Раньше, до того, как эти люди стали очень серьезно относиться к словам, мы их называли мулатами.

— В вашем доме? — переспросил я, поставив на землю два чемодана. — Извините меня, месье, но разве это не дом Марсея Арджентона?

— В некотором роде, — ответил он. Все мои домашние также сложили вещи и прислушались к нашей беседе. — Но месье Арджентон сдал мне дом в аренду на лето.

— Здесь, должно быть, какая-то ошибка, — произнес я. — Месье Арджентон сдал мне этот на ближайшие три недели. Могу показать вам арендный договор.

— Я тоже... Да, я мог бы вам показать арендный договор, если бы он находился у меня. Я арендовал дом на прошлой неделе, через агента Приваса, в Фор-де-Франсе.

— Ага, — сказал я, — теперь понятно, в чем дело. Я встретился с месье Арджентоном в Соединенных Штатах, три месяца назад. Я заключил договор с ним напрямую. Скорее всего, он просто позабыл отменить свои

договоренности с местным агентом. Очень сожалею, что у вас возникли проблемы из-за меня.

— Нет, никаких проблем из-за вас у меня не возникло, месье. Напротив, это мне надо извиняться, что я вас выселяю.

Дело принимало нехороший оборот. К счастью, я был на двадцать фунтов тяжелее этого человека и находился в хорошей форме для мужчины, который не занимается физическим трудом. Я сурово посмотрел на собеседника.

— Вы меня не выселите, месье, — сказал я. — Я здесь; мой арендный договор заключен раньше, чем ваш; поэтому я здесь останусь.

Мужчина начал было что-то говорить, но потом резко обернулся — появился еще один человек. Это был коренастый, мускулистый, чернокожий уроженец Мартиники, в потертой рубашке, штанах, сандалиях и большой соломенной шляпе с широкими полями. Он остановил велосипед, осмотрел нас и сказал:

— Кто из вас, джентльмены, месье Невюри?

— Думаю, что речь обо мне, Уилсоне Ньюбери, — ответил я. — А ты — Жак Лекувре, из Шольгера?

— Да, месье. Месье Арджентон попросил меня поработать у вас.

— Очень хорошо, Жак. Пожалуйста, помоги моей семье занести этот багаж в дом.

— Лекувре! — резко произнес желтый человек. — Тебе известно, кто я такой? — Обращение звучало почти грубо.

Жак Лекувре, казалось, был удивлен.

— Вы... вы тот джентльмен с Гаити, месье Дюшамп?

— *C'est moi, donc.* Теперь скажи месье Ньюбери: когда я требую, чтобы он удалился и оставил дом мне, человеку, у которого есть подлинный арендный договор, то ему лучше бы подчиниться.

Жак выпучил глаза.

— О, месье Ньюбери, дело плохо! Он может устроить вам неприятности.

— У меня и прежде бывали неприятности, — ответил я. — Неси багаж в дом, Жак. Вперед, Дениз; за работу, дети. Тащите вещи!

Губы Дюшампа сжались; он сделал шаг в мою сторону, глаза его злобно сверкнули. Я не сдвинулся с места. Помолчав минуту, Дюшамп произнес:

— Вы об этом пожалеете, месье. — Он развернулся и удалился.

Как только мы распаковали вещи, я отвел в сторону Жака Лекувре. Я встретил Марсея Арджентона, белого уроженца Мартиники, на съезде банкиров в Нью-Йорке. Узнав, что он — из Мартиники, я рассказал, что хочу провести там отпуск. Он сообщил, что собирался в июне поехать во Францию — по каким-то делам, связанным с экспортом сахара — и что я могу на этот месяц взять в аренду его дом, на побережье между Фор-де-Франсом и Шольгером.

Арджентон также договорился, что Жак Лекувре будет работать у меня. Жак был рыбаком из Шольгера, но ему срочно требовались деньги на установку мотора. Я спросил Жака:

— А что там насчет Дюшампа? Кто он вообще такой? Жак еле заметно вздрогнул.

— Я не знаю, месье. Я совсем ничего не знаю.

— Да, конечно же, знаешь! Давай, рассказывай.

После непродолжительного допроса мне удалось выудить вот что:

— Это Орест Дюшамп, великий *quimboiseur* с Гаити.

— Кто? — слово показалось мне очень странным.

— Понимаете, месье, *houngan*; *bocor*. Вы бы называли его *sorcier*.

— О, волшебник! Жрец вуду, верно?

— Ах, нет, месье. Уважаемые последователи *vodun* не имеют к нему никакого отношения. Сам я — добрый католик; но не все приверженцы *vodun* так злы, как убеждают нас священники. Но у месье Дюшампа есть собственные последователи. Он пытается управлять всеми *bourhoussets* острова. Дразнить его опасно.

Я покачал головой. Хотя я такой же экстрасенс, как свинка Пэдди, но, кажется, подобные люди слетаются ко мне, как мухи к мусорной куче.

Мы провели остаток дня, расставляя вещи и наводя порядок. Потом мы отвезли Жака в поселок Шольгер, названный в честь человека, боровшегося за освобождение рабов в 1848-м. Дениз занялась закупкой провизии.

Пока она ходила по рынку и лавкам, Жак показал мне свою лодку, которая называлась «Святой Тимофей»; она стояла на пляже среди многих других. Лодки были узкими, остроносыми, с особой конструкцией киля, распространенной на Карибах. Этот киль торчит впереди, как гидравлический таран на линкорах начала века. Почти у всех лодок были имена, достойные добрых католиков: «Св. Петр», «Св. Иоанн», «Святое Семейство»; но один рыбак, очевидно, мусульманин, вызываясь называл свою лодку «Иншалла».

Жак объяснил, как он хочет поставить мотор. Он говорил очень много, но с таким креольским акцентом, что я почти ничего не мог разобрать. Дениз утверждала, что понимала его речь, но она все-таки француженка и поэтому немного знала, по крайней мере, некоторые диалекты. Однако Жак немало размышлял о будущем моторе, он сравнивал модели и проводил замеры.

Пообещав нам кухарку, он удалился и вернулся с огромной, бесформенной, сердитой горой черного жира; все имущество этого создания умещалось в мешке изпод муки. На голове у кухарки был тюрбан — такие де-

лали, оборачивая цветные платки вокруг сложенной газеты; газетные листы торчали из-под ткани. Жак представил нам кухарку: «Мадам Клодин Буссак». Мы втиснули ее в автомобиль и вернулись в дом Арджентона.

Внешний вид Клодин не вызвал у меня особенного восторга. И все-таки, после нашей жизни без слуг в свободной стране, это казалось почти непристойной роскошью — нанимать людей за очень низкую плату. Я чувствовал себя слегка виноватым из-за этого экономического империализма. Подобное было еще возможно на островах: невзирая на некоторый прогресс, большая часть населения островов в Испанском море до сих пор жила в крайней нищете. И если бы я не нанял Жака и делал всю работу по дому сам, тогда бедный Жак не смог купить мотор, о котором он мечтал.

Когда настал вечер, Клодин начала возиться на кухне. Мы с Дениз наслаждались дайкири на веранде: любая выпивка, кроме рома, на Мартинике стоит заоблачных денег. Мы восхищались цветами гибискуса и бугенвилля, вдыхали миллионы новых запахов и смотрели, как разбегаются ящерицы, заслышавшие стук барабанов.

Это был сухой, металлический звук — словно кто-то стучал по пустой банке из-под керосина. Я не мог понять, с какой стороны он доносится. Я предположил, что какие-то местные жители организовали «стальной оркестр», как в Тринидаде, и теперь репетировали на своих бочках из-под бензина.

Жак вышел из дома и сказал, что ужин готов. И тотчас застыл на месте, выпучив глаза и разинув рот. Если бы он мог побледнеть — то побледнел бы наверняка.

— Эй, Жак! — окликнул я его.

— Эти барабаны... — произнес он почти шепотом. — Это — дело месье Дюшампа.

— *En bien?* Еще никто никогда не умирал от маленького соло на барабанах.

— Если этим все и... — сказал он; далее последовала какая-то креольская фраза, которой я не понял.

Мы кое-что уже посмотрели в Фор-де-Франсе; кроме того, в городе, со всех сторон окруженном холмами, летом до ужаса жарко. И поэтому на следующий день мы отправились в другую сторону, к Сен-Пьеру и Мон-Пеле. Вы не сможете понять, какова эта, огромная, в милю высотой «Лысая Гора», пока не увидите, как впереди вырисовывается ее силуэт, с вершиной, скрытой густыми облаками.

Мы остановились в Сен-Пьере, городе, вытянутом в форме полумесяца на склоне, уходящем к берегу моря. Рощи бледно-зеленых банановых деревьев покрывали прилегающие холмы. Когда-то Сен-Пьер был главным городом острова — теперь он стал простой деревней. Там еще сохранились руины после извержения 1902 года — чем-то они напоминают руины Помпеи. Мы осмотрели их и посетили музей, в котором обнаружили фрагменты стекла и металла, сплавленные вместе во время ужасной катастрофы.

— Но, — спросила моя дочь Элоиза, — если извержение вулкана началось за неделю до всего этого, почему люди не ушли?

— Все дело в губернаторе, Луи Мутте, — сказал я. — Хотя его назначили в Париже, здесь была местная законодательная власть, и приближались выборы. Либералов представляли в основном белые плантаторы, у которых были все деньги; радикалов — прежде всего негры, которые брали числом. Губернатор, который поддержал либералов, боялся, что любое общественное волнение может привести к поражению на выборах.

— Ты говоришь как коммунист, — заметила малышка Присцилла. — Банкиры ведь так не говорят.

— Не думай, как должны говорить банкиры. Я рассказываю, как все случилось. Да и вообще эти кастовые различия сейчас почти исчезли.

В общем, Мутте возражал против эвакуации. Он даже приказал солдатам на дороге, ведущей в Фор-де-Франс, останавливать беглецов. И вот, в восемь часов утра восьмого мая 1902 года, вулкан обрушился на город. Тридцать тысяч человек погибли за несколько минут. Единственный, кто остался в живых в центральной части города — это приговоренный к смерти убийца, сидевший в подземной камере. Люди не смогли побить этого рекорда, пока не изобрели атомную бомбу.

— А что случилось с губернатором? — спросил Стивен.

— Никто не знает. Он тогда был в Сен-Пьере, но тела его так и не обнаружили.

Мы возвратились во второй половине дня. Дороги с виду были довольно хороши, тяжелые грузовики по ним не ездили, зимних морозов здесь не случалось — так что они оставались ровными. Но это, однако, были едва ли не самые кошмарные дороги, по которым мне случалось ездить.

Дорога из Сен-Пьера шла по такому крутому склону, что можно было сжечь тормоза. Потом — резкий поворот налево. Если пропустите поворот — рухнете прямо в синее Карибское море, которое плещется внизу. Тяжелое стальное ограждение у поворота было пробито и искорежено; кто-то все-таки пропустил... Я понял, почему у них в Фор-де-Франсе нет американских горок. Кому они нужны — с местными-то дорогами?

Когда настало время пить коктейли — снова начались упражнения на барабанах. Жак вышел к нам в еще большем возбуждении.

— Месье Ньюбери! — воскликнул он. — Посмотрите, что я нашел под домом!

Он протянул мне разрезанные части тела маленькой птицы: голову, крылья и лапки.

— Не стоит показывать такое во время еды, — заметил я. — Бога ради, что же это значит?

— Это — *wanga*, месье.

— Ты говоришь о каких-то злых чарах? Что это означает?

— Оно лежало под домом. Я не знаю, как это сюда попало; я здесь работал весь день. Но вот оно...

— *En bien*, выбрось это в мусорный бак.

Жак осмотрелся по сторонам.

— Я желаю вам добра, месье, но я не знаю, надо ли...

— Дальше он снова перешел на креольское наречие.

В ту ночь мне снилось, что я иду по улицам Сень-Пьера, такого, каким он был до извержения. Солнце встало незадолго до того, но город затянуло таким густым черным дымом, что было темно почти как ночью.

Вокруг я замечал каких-то людей. Их шаги были беззвучными; ноги погружались в темно-серый, порошкообразный вулканический пепел, слоем которого покрылись все улицы. Я, впрочем, сомневался, что смог бы что-нибудь расслышать сквозь рев вулкана. Центр извержения находился в восьми километрах от города, но огромный силуэт был различим в темноте даже на таком расстоянии. Непрерывный рев подчеркивали редкие взрывы; куски лавы, как бомбы, падали на дома.

Потом люди на улице закричали и начали показывать на Пеле. Огромное облако, явно выделявшееся среди прочих клубов дыма, оторвалось от вершины горы. Оно было ярко-красным, а по краям — черным. Сквозь внешний темный покров виднелись движущие алые пятна.

Эта движущийся, изменчивый шар стремительно перемещался по склону горы к городу, он плыл над скалами, непрерывно увеличиваясь в размере. Я знал, что это

такое: смесь светящегося газа и вулканической пыли. Из-за жары эта смесь поднималась, и пыль не могла осесть. В то же время пыль придавала этому облаку удельный вес, превосходящий удельный вес воздуха. И поэтому облако мчалось вниз по склону со скоростью гоночного автомобиля.

Через несколько минут красное облако достигло верхних районов города. Жар стал невыносимым. Дома вспыхивали так, будто были сделаны из бумаги и пропитаны бензином.

Облако замедлило движение, когда оно достигло нижней части города, где склон был не столь крутым. Внезапно улицы заполнили люди; они бежали и кричали от боли, их одежда была охвачена огнем. Некоторые упали и, корчась, поползли по земле. Некоторые остались совсем голыми — их одежда сгорела полностью. Вы можете представить себе сотни бегущих и сгорающих заживо людей? Их вопли слились в непрерывное завывание, которое звучало громче рева вулкана. Моя собственная одежда начала тлеть, потом загорелась...

— Проснись, Вилли! — закричала Дениз, вцепившись в меня. — Что такое?

Я с трудом разлепил глаза и все ей рассказал.

— Неудивительно, что ты закричал! — заметила она. — Теперь спи, любимый. Ты здесь в безопасности.

После привидевшегося кошмара я не мог заснуть целый час. Когда я наконец задремал — то сразу перенесся в Сен-Пьер за несколько минут до извержения. И снова большое красное облако смерти стекало с горы. И хотя одна часть меня понимала, что это всего лишь сон, другая — переживала все страдания жертв катастрофы, пока мои вопли снова не вынудили Дениз вмешаться. В ту ночь я больше не сомкнул глаз.

Мы провели следующий день на маленьком частном пляже Арджентона, усыпанном черным вулканическим

песком. Я взял с собой карманный хронометр, чтобы удостовериться, что никто не пролежит слишком долго в одном положении на ярком карибском солнце. Но сам я задремал, заснул на животе, не вспомнив о хронометре, и проснулся час спустя с обожженной спиной.

В тот вечер барабаны снова загрохотали. Я спросил Жака:

— Сегодня нашел wargas?

— Нет, месье. Но что с вами? Я слышал, что вы ночью кричали.

— Всего лишь дурной сон. Я слишком много читал про Мон-Пеле.

Жак печально посмотрел на меня.

— Я говорил вам, месье, что нельзя связываться с Дюшампом, он дурной человек.

— Это его личная проблема.

— Как скажете, месье.

Ночью, во сне, я опять перенесся в Сен-Пьер, в то трагическое утро 1902 года.

— Вилли, — сказала Дениз, — нам нужно что-то предпринять. Человек средних лет не может обходиться без сна.

— Хорошо; я схожу к доктору. Мы ведь все равно собираемся в Фор-де-Франс.

У нас произошла небольшая размолвка со старшей дочерью, студенткой. Она хотела отправиться в город в своеобразной униформе «бунтующих» молодых людей: рваные синие джинсы и мужская рубашка, полы которой завязаны узлом, чтобы выставить напоказ живот. (Молодежные протесты в Штатах тогда только начинались.) Мы с Дениз решительно настаивали на том, что подобная неприглядная одежда неприлична иностранке, посещающей французский город.

— Пусть они и черные, — заявил я, — но эти люди — такие же французы, как белые обитатели Франции. У

них те же достоинства и те же недостатки. Им не нравится, когда чужаки приходят и шатаются по улицам полуголыми.

Элоиза сдалась, надела платье и несколько часов на нас дулась.

Фор-де-Франс — суетливое, деловое поселение, но в нем заметна какая-то тропическая апатия. Мы сфотографировались у статуи императрицы Жозефины; родившись на Мартинике, она стала самой известной местной героиней. Мы прогулялись в музей форта Сен-Луи, съели большой, восхитительно вкусный обед во французском ресторане и прошлись по магазинам. По крайней мере, наши девочки делали какие-то покупки. Стивен и я просто стояли или сидели; правда, Стивен купил одну из странных соломенных шляп, похожих на колеса от телеги; их многие носят на Гваделупе.

После того, как Дениз несколькими тщательно подобранными французскими фразами сокрушила грубую темнокожую продавщицу в парфюмерном магазине Альфреда Рейнара, мы отыскиали врача, адрес которого был указан в международном медицинском справочнике. Он выдал мне флакон со снотворным.

— Если это не поможет, — сказал он, — приходите, мы попробуем что-то другое.

Мы поужинали в «Гиппопотаме». Я заметил:

— Если я так часто буду здесь есть, то и сам стану похож на гиппопотаму.

Потом мы вернулись в дом Арджентона, а Жак сел на велосипед и поехал в Шольгер, к своему семейству. На следующий день, в воскресенье, у него был выходной.

Жак Лекувре казался хорошим и неглупым человеком, но Клодин оставляла желать лучшего. Она была угрюмой неряхой, много пила и ужасно готовила. Когда Дениз, с истинно французским уважением относившаяся к еде, давала ей инструкции, Клодин молча выслу-

шивала, а потом продолжала делать то же, что и раньше. Элоиза, набравшаяся так называемых передовых идей, объяснила поведение Клодин колониальным неврозом, вызванным капиталистической эксплуатацией. Я, однако, думал, что Клодин и в любой другой обстановке вела бы себя точно так же.

В тот вечер снова звучали барабаны, но, благодаря таблеткам месье *le médecin*, я больше не видел снов. Ничего не произошло и на следующую ночь.

В понедельник утром мы сели в автомобиль и отправились в церковь Сакре Кер де Монмартр де Балата и в Морн Руж — но тут на дороге снова появился Орест Дюшамп. Он принужденно улыбнулся и вежливо поздоровался.

— У вас все в порядке, месье? — спросил он.

— Все хорошо, спасибо.

— Вы решили уехать?

— Когда истекут мои три недели, месье; ни днем раньше.

— Вас не беспокоили никакие...гмм... особые явления?

— Нет, месье, ничего подобного. А почему вы об этом спрашиваете? Вам что-то известно?

Он пожал плечами.

— Ходят слухи... Например, о явлении призрака Луи Мутте. Но мы, цивилизованные люди, считаем эти слухи нелепыми суевериями. Все-таки я решил поинтересоваться.

— Ну, можете больше не интересоваться, месье. Все хорошо.

Он проворчал что-то насчет «*bâtards blancs*» и ушел.

Тем вечером Клодин вышла на крыльцо с другой wanga, сделанной из останков крысы.

— Дурное место, — сказала она. — Полагаю, вам стоит уехать.

По крайней мере, мне показалось, что она сказала именно это. Жак мог говорить на *français ordinaire*, когда очень старался, но Клодин владела только креольским диалектом.

В ту ночь, как только мы с Дениз переступили порог спальни, она спросила меня:

— Что там на полу? Обрывок старой веревки...

Но договорить она не успела — я ее схватил и оттащил назад. В полумраке, с которым не справлялась слабая электрическая лампочка, я разглядел, что веревка зашевелилась. Она свернулась в клубок и приподняла голову, чтобы ужалить.

— Змея! — воскликнул я. — Дай мне метлу, скорее!

Потом я просто колотил рептилию ручкой метлы, пока не убил — ужалить змея никого не смогла, хотя и пыталась.

Это оказалась фер-де-ланс метровой длины, коричневая с черными ромбами, как у гремучей змеи. У нее была широкая, по форме напоминавшая сердце голова; такие признаки отличают гремучих змей и прочих гадюк.

— Месье Дюшамп так легко не сдается, — сказал я. — Попробую вызвать полицейских.

На следующее утро я поехал в Фор-де-Франс и остановился у ближайшего отделения полиции. Я принес тело фер-де-ланс в бумажном пакете. Человек, сидевший у входа, направил меня к *бригадиру* или сержанту полиции, Ипполиту Фроту.

Сержант Фрот оказался крупным темнокожим мужчиной, таким же высоким, как я, но моложе и толще, с заметным животом. Я рассказал ему свою историю, и он, не переставая приветливо улыбаться, осмотрел змею.

— Они почти исчезли, когда сюда завезли мангустов, — сказал он. — Мы их видим очень редко — когда ка-

кой-нибудь крестьянин приносит змею с гор, чтобы устроить поединок змей и мангуста. Некоторым это кажется интереснее, чем петушиные бои.

Мои друзья-биологи в Музее Естествознания рассказывали совсем другое. Они утверждали, что мангусты вообще избегают гадюк, которые передвигаются намного быстрее, чем кобры. Вместо этого мангусты истребили столько вест-индских птиц, ящериц и другой мелкой живности, не говоря уже о фермерских цыплятах, что на некоторых островах награду стали предлагать уже не за убийство змей, а за убийство мангустов. Однако я не собирался обсуждать эту тему с Фротом.

— Насчет Дюшампа, — продолжал он, — понимаете ли, месье Ньюбери, у нас здесь свобода вероисповедания. Если Дюшампу хочется проповедовать свое примитивное многобожие — это его дело, пока он не нарушает закон. Подобные суеверия, во всяком случае, на этом острове практически исчезли.

Жителям Вест-Индии нравится отрицать, что никаких следов вуду у них не осталось — по крайней мере, на том острове, на котором живет говорящий. Он сообщает, что на других островах все еще могли сохраниться какие-то пережитки древнего колдовства, но не на *его* острове, слишком продвинутом и культурном.

— С другой стороны, — продолжал Фрот, — нам не следует забывать о *misson civilisatrice* Франции. Нужно, чтобы все делалось осторожно и цивилизованно. Если последователи культа Дюшампа провоцируют беспорядки или приносят людям в комнаты змей — нам придется принять строгие меры. Но, пожалуйста, имейте в виду, что ваши слова ничего не доказывают; змея могла заползти в ваш дом по своей воле. Мы не сможем арестовать Дюшампа по такому обвинению. Вот что я предложу: вы оставите у меня останки этой змеи. Я прикажу своим людям время от времени заглядывать в

дом месье Арджентона. Если произойдет что-то еще — непременно сообщите мне. Какой у вас номер телефона?

— Телефона нет. Я приехал сюда, чтобы скрыться от цивилизации.

Фрот захихикал.

— Но теперь это уже не кажется такой чудесной идеей, *hein?* Я такое видел прежде. Нам кажется, что от весел цивилизации на руках появляются волдыри, а мускулы ноют. И мы выбрасываем весла. А потом мы выясняем, что течение несет нашу маленькую лодку к водопаду. И мы пытаемся снова подхватить весла, если их не отнесло слишком далеко. Во всяком случае, автомобиль у вас есть — в общем, держите меня в курсе дела.

В течение нескольких дней никаких таинственных явлений не происходило, за исключением ночных серенад барабанщиков. Дети обо всем догадались, как могут только дети — а ведь мы с Дениз старались не разговаривать с ними об этом происшествии. Стивен как раз сочинял для школьной газеты статью о Мартинике — он собирался осенью ее опубликовать. Он сказал:

— Если Дюшамп будет и дальше тебя беспокоить, папа, почему бы тебе его не пристрелить в целях самообороны?

— Во-первых, — ответил я, — потому что у меня нет оружия; а во-вторых, потому, что закон не признал бы угрозу колдовства законным основанием для убийства человека.

Элоиза заметила:

— Они осудили бы его за убийство, дурачок, а потом отрезали бы ему голову гильотиной.

— Ну и дела! — воскликнула Присцилла. — Вот это было бы зрелище! Конечно, мы бы по тебе скучали, папа.

— Спасибо, — сказал я. — На самом деле они здесь не пользуются гильотиной. Они просто вешают преступников.

— Почему? — спросил Стивен.

— Они испытали гильотину во время Французской революции, но она не сработала. От сырости деревянные части разбухали, поэтому нож не мог свободно опускаться. Иногда головы несчастных удавалось отрезать только наполовину.

— Но теперь можно ведь использовать стальные или алюминиевые рамы... — начал Стивен.

— Какой чудесный разговор за завтраком! — воскликнула Дениз.

— Ну, — заметила Присцилла, — мне нравится еда с кровью.

За коктейлем Дениз сказала мне:

— Вилли, мы должны избавиться от этой Клодин. Она ничего не делает как следует, а я не могу ее ничему научить. Я лучше буду готовить сама, а не тратить часы на то, чтобы вбить в ее тупую башку хоть немного ума.

Это услышал Жак Лекувре. Он произнес:

— Извините меня, месье и мадам. Пожалуйста, не делайте этого.

— А почему бы и нет — ведь это наше дело? — решительно ответила Дениз.

— Она проклянет дом. Она хорошо знает *bourhousses*.

— Вот как? — удивился я. — Тогда зачем же ты ее для нас нанял, Жак?

— Простите, месье, тогда я не знал. Я очень сожалею. Я потом узнал, что у нее есть власть. Если она проклянет дом, то даже настоящий католический экзорцизм не сможет помочь. Вам придется нанимать танцоров *chango*, чтобы изгнать злых духов, а все окрестные танцоры находятся под контролем месье Дюшампа.

— Да, она совсем не та кухарка, которая нам нужна, — сказал я. — Она может отравить нас. По правде говоря, я иногда подозревал, что она уже пыталась это сделать.

— Я знаю, месье, я знаю. Но если вы ее уволите, мне тоже придется уйти.

— Почему? Мы не хотим тебя терять, Жак.

— Вы не понимаете, месье. Если бы она наложил проклятие на этот дом, то несчастья тех, кто здесь живет, коснутся также и меня. А мне нельзя забывать о своей семье.

— Мы это обдумаем, — ответил я.

Как зачастую случается, мы думали слишком долго и наконец пришли к молчаливому решению, что остается всего лишь неделя и поэтому не стоит ввязываться в неприятности. Кроме того, мы обычно ездили днем в Форде-Франс и обедали в «Гиппопотаме», «Шез Этьенн» и других заведениях.

Барабанная дробь не прекращалась, она звучала все громче и настойчивей. Однажды утром Жак сказал:

— Месье, я получил послание от месье Дюшампа. Его передала Клодин.

— И что?

— Он говорит, что это — ваш последний шанс. Если не уедете до наступления ночи, то он не ручается за вашу безопасность.

— Очень мило с его стороны, — сказал я. — Передайте, что я очень сожалею об отсутствии защиты, но постараюсь управиться самостоятельно.

— Он еще напомнил креольскую поговорку: «*Fer couper fer*». Вы понимаете, месье?

— Думаю, он имел в виду: «Подобное излечивается подобным» или «В чрезвычайных случаях нужны чрезвычайные средства». Верно?

— *Oui*. И — вот еще что... — Жак заволновался, а потом вытянул вперед руку, которую раньше держал за спиной. В руке он держал человеческий череп без нижней челюсти и большей части зубов. — Я нашел его на пороге сегодня утром.

Я осмотрел череп.

— Снова *wanga*?

Жак нахмурился.

— Не совсем, месье. Истинные *wanga* делаются из останков птиц или животных, согласно обычаю. Используются особые заклинания, чтобы принудить к повиновению духов. А это — скорее простое предупреждение. И я думаю, что знаю, откуда это взялось.

— Откуда?

— На Гваделупе есть пляж, где, как говорят, давным-давно хоронили английских и французских солдат, убитых в сражениях на Карибах. Теперь море размывает песок, и каждый может отыскать там сколько угодно костей и черепов.

— Положи эту штуку на каминную доску, — сказал я. — Может, заберу с собой, когда буду уезжать.

Жак удалился, качая головой и дивясь капризам сумасшедших американцев.

Я отправился в Фор-де-Франс, чтобы повидать сержанта-философа. Фрот заметил:

— У нас по-прежнему нет никаких доказательств. Этот человек, *обеа*, был осторожен — с юридической точки зрения он вам не угрожал...

— *Обеа*? — переспросил я. — Мне казалось, что *обеа* — это ямайский вариант *vodun*.

Фрот улыбнулся.

— Вы не знаете, что афро-карибские колдуны создали экуменическое движение. Люди *обеа*, *houngans* и *quim-boiseurs*, собираются и обсуждают, кого именно, Оббони или Дамбаллу, нужно считать богом номер один, и не

идет ли речь о едином божестве, являющемся под разными именами. В поисках взаимопонимания они сталкиваются с теми же затруднениями, с которыми в подобных обстоятельствах сталкивались христиане. Но, несмотря на некоторые суровые теологические расхождения, они, кажется, выработали нечто вроде единого учения. Так что старинные различия теперь уже не важны. Однако мы постараемся держать ваш район под пристальным наблюдением. Немедленно сообщите мне, если появится какой-то мотив для формальной жалобы.

— Спасибо, сержант, — сказал я. — Вы очень добры.

— Пустяки. Я просто в восторге, что повстречал американца, хорошо говорящего по-французски. Знаете, ваши соотечественники приезжают сюда, уверенные, что все знают их язык; а когда выясняется, что люди по-английски не говорят, туристы начинают грубить. *Bonne chance*, месье.

Мы провели весь день на пляже, плавая и играя в разные игры. Когда настал вечер, мы съели кошмарный ужин, приготовленный Клодин. Дети устали и решили пораньше лечь спать, а я чувствовал себя полным жизни. Барабанная дробь прекратилась, и до меня доносился лишь один звук — стрекот миллионов кузнечиков. Я сказал Дениз:

— Давай-ка прогуляемся по пляжу. Сегодня полнолуние.

И мы отправились на прогулку. Она закончилась купанием, а потом мы занялись любовью на песке.

Мы оделись и, взявшись за руки, направились домой. Мы преодолели половину пути от пляжа к дому — и тут из тени бананового дерева вышел человек. В серебристом свете луны я не мог разглядеть, как он выглядит. Но у меня сложилось впечатление, что он был белым, коренастым, с выющимися волосами и короткой бородой.

Без единого слова человек двинулся вниз по склону, по направлению к нам.

— Кто вы? — спросил я.

Человек продолжал молча идти вперед. Лунный свет сверкнул на лезвии мачете.

— Беги, Дениз! — сказал я по-английски. — Я задержу этого парня. Вызови полицейских!

Когда я обернулся, Дениз исчезла. Я услышал слабые, удаляющиеся шаги. Хотя она, как и я, была не так молода, как раньше, но бегать могла по-прежнему.

Человек с ножом приближался. Я подумал, что следует обойти его и пробраться в дом, к телефону. Но тут я вспомнил, что никакого телефона у нас не было. Вероятно, если бы я добрался до фургона, то мог бы закрыться в машине. Я смог бы даже использовать автомобиль как оружие — если бы этот человек оказался на дороге... Но бросить спящих детей я не мог.

Пока эти мысли проносились в моей голове, мужчина приближался. Еще один шаг — и он оказался бы на расстоянии удара. А если бы я побежал обратно на пляж, то привел бы убийцу к Дениз.

Вместо этого я бросился в сторону, прочь от тропы, в густые заросли. Я натыкался на кусты и деревья, как целое стадо обратившихся в бегство слонов. Я чувствовал себя как один из героев Фенимора Купера, который всякий раз, когда необходима была полная тишина, ухитрялся наступить на сухую ветку.

Обернувшись, я увидел, что мужчина преследует меня. Когда у него на пути оказался куст — он взмахнул мачете и ветки полетели в стороны. Этот человек не был ни призраком, ни иллюзией. И хотя на открытом месте я двигался быстрее его, но через кусты мы продирались примерно с одинаковой скоростью.

Я попытался обойти его и добраться до дома, но он все время поворачивал, чтобы помешать мне совершить

этот маневр. Я беспокоился, что могу заблудиться. Днем это не имело значения: ведь всегда можно было ориентироваться по морю и солнцу. А ночью дела обстояли по-другому.

Мужчина подобрался ближе, отрезая меня от дома Арджентона. Я решил, что такой упитанный парень быстро запыхается, и помчался прямо вверх по склону. Но он упрямо тащился за мной, то отставая, то догоняя.

Расстояние до дороги на Фор-де-Франс показалось намного большим, чем я полагал это. Но раньше я не поднимался по склону пешком, ночью, через тропические заросли. А за мной шел человек с мачете.

Я выбрался на дорогу, окруженную особенно густыми зарослями. Стук сердца и шипение в легких напоминали, что мне уже почти пятьдесят. Мой преследователь также появился на дороге. Он, казалось, не запыхался или вообще не чувствовал усталости.

Когда он вышел на открытое место, я увидел, что лицо убийцы напоминало застывшую маску с немигающими глазами. Мне сразу вспомнились рассказы о зомби. Не говоря ни слова, он бросился ко мне, размахивая мачете.

Я подумал, что хотя ноги у меня и длиннее, но я не смогу скрыться от него на дороге; он вроде бы не устал, как обычные смертные. С другой стороны дороги росли банановые деревья, когда-то их здесь высадили, но за ними давно никто не ухаживал. Их огромные, рваные листья казались идеальным укрытием; в роще я сумел бы укрыться от погони.

Я бросился к банановым деревьям. Сначала я решил, что добился цели. Я попытался сбить противника с толку, меняя направление, но не знал здешних лесов и не мог перемешаться бесшумно. Каждый раз, оглядываясь назад, я видел человека с мачете. Если бы мне удалось отыскать дубинку, я сумел бы отбить его удар, а потом

стукнуть преследователя по голове или ткнуть палкой в живот...

Но никаких дубинок не было. Я увидел заросли бамбука. Длина у побегов была подходящей, но мне требовалось время и еще мачете, чтобы срезать стебель. Я замедлил шаг.

Дальше пути не было. Я понятия не имел, где нахожусь, а человек с мачете все приближался. Я подумал, что могу ударить его головой, как в футболе. Если бы мне удалось пригнуться и увернуться от мачете...

Задыхаясь, я присел и вытянул руки вперед. Он приближался, вытянув мачете. Потом он поднял свое оружие.

Кто-то закричал: «*Haltelà!*»

Мой преследователь не остановился — и тут раздался оглушительный грохот, что-то вспыхнуло, ослепив меня. Человек завертелся на месте. Он упал, и я увидел, что его ранили в ногу. Штанина была разорвана и потемнела, а нога согнулась так, как сгибаться не должна.

Однако этот парень поднялся и нелепыми прыжками продолжал двигаться на меня, волоча раненую ногу. Второй выстрел снова сбил его с ног. И все-таки он пополз, действуя одними лишь руками; обе ноги были раздроблены. Он все еще сжимал в руке мачете.

Третий выстрел разнес ему голову. Он наконец замер.

Человек в форме появился в лучах лунного света, перезаряжая свой револьвер. Хотя большой козырек и закрывал его сверкающее черное лицо, я узнал Ипполита Фрота.

— Ну и дела, месье! — сказал он. — Если бы вы не побежали так быстро и не повели за собой этого упрямого верблюда, то все давно уже кончилось бы. Надо же, ни разу не видел, чтобы седой уже человек с такой скоростью носился по лесу! Может, вы — бывший олимпийский чемпион?

Переведя дыхание, я проговорил:

— Это похоже на сказку о кролике, который сбежал от лисы: кролик бежал от смерти быстрее, чем лиса бежала за своим обедом. Кстати, откуда вы взялись?

— Я же говорил вам, что мы собираемся внимательно следить за этим районом.

Фрот убрал пистолет в кобуру. Я увидел, что это магнум 44 калибра; эти штуки мощные, как ружья для охоты на слонов, и отдача у них соответствующая. Я вообще-то неплохо стрелял из пистолета, но если бы мне пришлось стрелять из одной из таких штук, то я держал бы ее обеими руками, чтобы не вылетела.

Сержант Фрот направил на тело луч фонарика. Он проговорил: «*O mon Dieu!*»

— Что такое?

Он повернулся ко мне; даже в темноте я разглядел на его лице выражение замешательства. Это меня встревожило — все-таки Ипполит Фрот был очень уравновешенным и хладнокровным человеком. Он спросил:

— Вы знаете, кто это?

— Нет. А кто?

— Это — Луи Мутте, злодей-губернатор, который погиб во время великого извержения — или кто-то, загримированный под него. Я видел фотографии настоящего Мутте; никакой ошибки быть не может. Поразительно!

— Это было больше шестидесяти лет назад!

— Точно. Но, как вам известно, тело Мутте так и не обнаружили, хотя правительство прилагало немалые усилия, чтобы опознать всех жертв.

— Вы хотите сказать, что какая-то банда *bourhousses* все это время держала Мутте в виде зомби? И Дюшамп позаимствовал тело, чтобы послать против меня?

— Месье, — сурово сказал Фрот, — вы можете развлекаться такими предположениями, если вам это нравится. У нас есть свобода убеждений. Но у нас также

есть французская *mission civilisatrice*. По этой причине я не могу позволить, чтобы подобное объяснение появилось в официальных документах. Несомненно, перед нами человек, разум которого был помрачен проповедями Дюшампа и ему подобных; его загримировали, чтобы он был похож на настоящего Мутте. Отойдите, пожалуйста!

Фрот вытащил большой револьвер и еще раз выстрел в голову трупа, чтобы пуля попала прямо в лицо. Теперь на месте лица осталась лишь кровавая дыра, и опознать убитого уже никто не смог бы.

— Теперь, — заметил полицейский, — не будет больше никаких оснований распространять эти слухи, подерживающие примитивные суеверия. Как вам известно, месье Ньюбери, цивилизация — всего лишь тонкая пленка, прикрывающая наши дикие инстинкты. И неважно, белая у нас кожа или черная. Нам нужно попытаться сохранить эту тонкую пленку.

Из банановой рощи послышался шум, потом кто-то закричал.

— *Oui, nous y sommes*, — крикнул Фрот. — *Tout va bien*.

Это были Дениз и два полисмена из участка Фрота; они примчались на звук выстрелов. Дениз добежала до дома. Когда я и зомби скрылись в роще, она села в машину и на безумной скорости помчалась в Фор-де-Франс. В участке ей сказали, что Фрот лично отправился патрулировать наш участок; но ввиду серьезности ситуации двое полицейских приехали с ней.

Жак Лекувре получил желанный двигатель. Вспомнив инженерные навыки своей юности, я помог рыбаку установить мотор. Мы со Стивеном помогали обитателям Шольгера вытаскивать сети. Мы, между прочим, узнали, что барракуда — очень вкусная еда, хотя некоторые относятся к этой пище с предубеждением.

В следующий раз, увидев Фрота, я спросил об Оресте Дюшампе.

— Выслан на родину, на Гаити, — сказал сержант. — Мы не позволим всяким нелепым шутам вмешиваться в нашу цивилизованную жизнь. А как у вас дела, месье?

— Все спокойно, спасибо, вот только кухарка наша исчезла. Наверное, она была в сговоре с Дюшампом. Впрочем, готовила она ужасно; к тому же мы через несколько дней уезжаем.

— В таком случае, месье, я полагаю, что вам больше не следует опасаться никаких неприятностей. Может, пожелаете подольше задержаться у нас? В самом деле, вам нужно дать Мартинике шанс — вы увидите, какой чудесной она может быть, если не вмешиваются разные злобные варвары.

— Это настоящее искушение; но мне надо возвращаться на работу.

— Тогда отложим до следующего раза.

— *A coup sûr*, месье Фрот. Но можете быть уверены: если когда-нибудь еще возьму в аренду дом за границей, то сначала проверю, что мой договор — единственный!

Послание змей

Я не думал о змеях. Я думал о ссуде, которую мы — то есть «Трастовая компания Харрисона» — выдали сомнительной «Строительной компании Глиоцци»; в этот момент вошел Малкольм Макгилл, наш казначей.

— Вилли, — спросил он, — ты знаешь старую миссис Далтон?

— Да, конечно. Что с ней такое?

— Она хочет закрыть свой счет и забрать все деньги.

— Полагаю, это ее личное дело. Но почему?

— Наверное, тебе стоит с ней поговорить.

— О, Господи! У меня уши завянут... — вздохнул я. — Но, видимо, так будет лучше.

Макгилл проводил миссис Далтон в мой кабинет. В нашем банке открывали счета многие богатые пожилые люди, и миссис Далтон была из их числа. Мы вкладывали средства в солидные, доходные акции и муниципальные облигации, стригли купоны, пару раз в год устраивали ревизии и ежемесячно отправляли владельцам чеки.

Я придвинул посетительнице стул.

— Что ж, миссис Далтон, — сказал я. — Слышал, вы хотите нас покинуть.

Она мило улыбнулась.

— О, не совсем *покинуть*, мистер Ньюбери. Не в том смысле. Просто я нашла лучшее применение тем вещам, которые вы называете деньгами — куда лучшее, чем просто хранение в банке.

— Да? — произнес я, приподняв бровь. — Пожалуйста, расскажите мне. Мы пытаемся защитить ваши интересы.

— Деньги будут переданы Мастеру, чтобы он мог продолжать свое великое дело.

— Мастеру?

— Вы же знаете. Конечно, вы слышали о чудесных делах, которые творит мистер Бергиус?

— О... Я что-то слышал, но расскажите мне поподробнее.

— Общество, которым руководит Мастер, называется «Агнофилия», то есть «любовь к чистоте». Понимаете, он — земной представитель Межзвездного Правящего Совета. Они избрали его за *чистоту* и *прозрение* и увезли его на летающей тарелке на планету Зиккарф, где собирается Совет. После проверки они решили, что он *достойн* принять участие в работе Совета. Помогая его великому делу, мы сможем добиться того, что он станет *полноправным* членом организации. А это значит, что у земли будет голос в межзвездных делах.

— Вот как. А вы что получите, миссис Далтон?

— О, его наставления помогут нам сохранить здоровье и жизненные силы до тех пор, пока не придет время уходить. А когда настанет это время, мы перенесемся в наши новые тела без всяких ужасов смерти. И, как говорит Мастер, мы сохраним *все* воспоминания из наших прошлых жизней, так что мы сможем воспользоваться теми уроками, которые усваиваем сейчас. Ведь до сих пор все было иначе: мы забывали наши прошлые жизни, и уроки, которые мы выучили в этих минувших воплощениях, приходилось повторять снова и снова.

— Очень интересно. И как работает план мистера Бергиуса?

— Он начал действовать не очень давно, поэтому точно рассказать еще ничего нельзя. Но когда старый мистер Уайт покинул нас, то на лице его появилась такая *мирная* улыбка, что всем стало ясно — он перешел прямо в следующее воплощение, как обещал Мастер.

— Ну, миссис Далтон, у вашего Мастера, кажется, очень большие планы. Не лучше ли вам подождать не-

много, чтобы посмотреть, реализуются ли они? Уже не в первый раз люди подают большие надежды и не могут оправдать их.

Она поджала губы.

— Нет, мистер Ньюбери, я приняла решение — и я его выполняю. Вы сможете подготовить документы?

Позже миссис Далтон вышла из банка, держа в руке большой картонный конверт, в котором лежали все ее ценные бумаги и чек на кассовую наличность. Шофер помог ей сесть в автомобиль, и они удалились. Макгилл, хмуро наблюдавший за этим, спросил меня:

— Что все это значит, Вилли?

Я ему рассказал. Он ответил:

— Агнофилия — звучит как заболевание крови. Что это значит, «любовь к ягнятам»?

— Нет; «любовь к чистоте». Это по-гречески.

В следующем месяце точно так же были закрыты еще два счета. Мой босс Эзо Дрексель вызвал меня в офис президента компании, чтобы побеседовать об этом.

— Конечно, хотя мы и небольшой банк, но чтобы нас испугать, нужно что-то пострашнее потери нескольких счетов, — сказал он, — но это плохой прецедент. Когда эти люди разорятся, нас станут обвинять в том, что мы позволили отнести деньги какому-то шарлатану.

— Верно, — сказал я, — но в мире полно дураков. И так было всегда. Я не знаю, что мы можем придумать — разве что основать другой культ.

— Да, можно было бы поклоняться Плутусу, богу богатства, — сказал Дрексель. — Черт побери, в наше время единственный способ чего-нибудь добиться — основать какой-нибудь треклятый культ. Я говорил тебе, что мой внук бросил колледж, чтобы присоединиться к одному из них?

— Нет. Как это получилось? Мне очень жаль.

— Какой-то парень по имени Преподобный Сунг — наверное, китаец — проповедовал нечто под названием «Научное колдовство» и заморочил голову бедному Джорджу своей ерундой. Он убедил малыша, что вся его семья одержима злыми духами, так что Джорджу нельзя иметь с нами ничего общего. Если половина того, что говорит Джордж — правда, то просто волосы дыбом встают.

— Разве ты не можешь законным путем справиться с этим Преподобным Сунгом?

— Нет. Мы пытались, но его защищает Первая поправка. Мой адвокат говорит, что если мы попытаемся силой удержать Джорджа, то попадем в тюрьму за похищение.

А потом старый Джон Стердевэнт решил закрыть свой счет и передать средства Мастеру. У него, однако, был безотзывный трастовый счет — мы не могли его закрыть, даже если бы захотели.

Стердевэнт был противным стариком. Очень часто говорят, что люди огрызаются — Стэрдевэнт постоянно так разговаривал.

— Молодой человек, — твердил он (мне недавно минуло пятьдесят), — я немало прожил на свете и могу понять, что хорошо и что дурно. Вы стоите на пути прогресса и просвещения, черт побери. Вы приговариваете меня к мучительной, медленной смерти от той или иной причины. У меня шестнадцать болезней, а с помощью Мастера я могу вырастить новые зубы, вернуть простату в нормальное состояние и все прочее. И тогда я смогу перейти, даже перенестись без помех в свое следующее тело. Кроме того, с этими деньгами Мастер сможет положить конец войне, справиться с демографическим взрывом и справедливо распределить все богатства в мире. Вы — мясник, садист, Гитлер. Прощайте, сэр!

Он удалился, неистово стуча тростью по полу.

Следующий конфликт произошел, когда Бэском Гец захотел забрать все деньги из доверительного фонда своего двенадцатилетнего племянника и зачислить мальчика в один из образовательных институтов Бергиуса. Эти далекие школы обещали превратить своих учеников в сверхчеловеков, способных на все — может, за исключением хождения по воде. В договоре оговаривались расходы доверителя на образование и обеспечение потребностей мальчика, но школы Мастера явно не соответствовали этому условию. И поскольку Гецу требовалось наше согласие на перевод средств — мы с Гецем серьезно поспорили. Он отправился к своему адвокату.

Моя следующая встреча с «Агнофилией» была такой: наш сын Стивен, первокурсник, пригласил в гости на уик-энд приятеля. Этот приятель, Чет Карпентер, носил синие джинсы, а волосы у него свисали чуть не до середины спины — когда я видел мужчин с такой прической, то содрогался.

Во время обеда Карпентер сказал, что собирается бросить колледж и посвятить всю жизнь «Агнофилии». После нескольких наводящих вопросов он рассказал о секте:

— Понимаете, мистер Ньюбери, все дело в том, что ваша *пуруша* должна достичь полной акроматики. Ваша пуруша — нематериальная энергетическая связь между семью планами существования. Она сохраняется в течение миллиардов лет, пока не будут достигнуты психионические цели. Межзвездный Совет работает над проектом, суть которого — восстановить истощенные пуруши, так что наше существование не прервется и через триллион лет.

Ну, вы же понимаете, когда обретает покой одна оболочка, пуруша парит в пространстве, пока не обретает иные цели. Но в это время парения вне семимерного по-

тока времени память о предыдущих воплощениях утрачивается.

Понимаете, народонаселение неуклонно увеличивалось, и оболочек становилось больше, чем пуруш. И тогда пуруши примитивных организмов — обезьян, тигров, даже насекомых — заняли пустые места. Именно поэтому очень многие люди ведут себя как животные. Их пуруши не развивались в соответствии с планом акаши, но заняли какое-то промежуточное положение. Итак, понимаете, они еще не пригодны для человеческого соматизма.

Индуисты и друиды начали задумываться об этом, знаете ли, но Межзвездный Совет решил, что пора создать религию на научной основе. И поэтому они вернули Мастера обратно на Замарэт — люди называют эту планету Землей — с истинным учением. Видите ли, до сих пор человеческая сома, со всеми ее ограничениями, была самой тонкой эфирной оболочкой, способной вместить пурушу. Но с помощью нашей науки мы сумеем перейти на следующую ступень, когда сумеем сами создавать оболочки, как будто вылепляя их из глины. Вы меня понимаете?

— Боюсь, что нет, — сказал я. — Говоря откровенно, мне все это кажется тарабарщиной.

— Все потому, что я изложил вам отрывки учения без простейшего введения. В конце концов, учебник по ядерной физике тоже покажется настоящей тарабарщиной, если читатель не знает физики. Я могу предложить вам пройти наш элементарный курс...

— К сожалению, у меня нет на это времени. Я должен выступить на заседании Ассоциации банкиров с лекцией о недостатках кейнсианских теорий, а для этого мне нужно очень многое прочесть. Но скажите мне: как ваш культ...

— Пожалуйста, мистер Ньюбери! Нам не нравится слово «культ». Это — научно-религиозное сообщество, зарегистрированное как церковь только ради уплаты налогов. Так о чем вы хотели спросить?

— Я хотел узнать, как ваша... научно-религиозная ассоциация сотрудничает с другими... культами. Например, с культом Преподобного Сунга.

Карпендер вздрогнул и чуть ли не подпрыгнул.

— Он ужасен! Большая часть культов, как вы их называете, это всего лишь безвредные заблуждения. Некоторые даже узрели частицы истины. Но сунгиты — злая, опасная банда, готовая уничтожить наш мир.

Поймите, существует множество неправильных пуруш, витающих вокруг нас — за минувшие десять миллиардов лет их формы настолько исказились, что они не могут войти ни в одну оболочку. И вот они пытаются захватить человеческую сому, когда собственная пуруша человека занята чем-то иным.

— Это как украсть чей-то автомобиль? — В глубине души я предполагал, что все, кого так ненавидят агнософисты, не могут быть совсем уж дурными.

— Именно. Поймите, эти бездомные пуруши — то, что раньше называли «демонами» или «дьяволами». Сунг уверяет, что может управлять ими, но на самом деле это они управляют им и всеми его последователями. Они надеются рано или поздно овладеть Замарэтом. Мастер собирается разоблачить этот заговор в следующий раз, когда он отправится на Зиккарф. А пока мы должны следить за сунгитами и пытаться помешать их ужасным планам.

— Зиккарф, — повторил я. — И как вы это произносите?

Карпендер повторил слово по буквам. Я сказал:

— Когда я впервые это услышал, то подумал, что просто кто-то позвонил в колокольчик. А теперь я вспомнил.

Был в тридцатых годах такой литератор, который писал рассказы о жизни на этой воображаемой планете. Правда, название он писал по-другому.

— Должно быть, он догадывался обо всем, — сказал Карпентер.

— И что ваш Мастер собирается сделать со всеми этими бедными пропащими душами?

Карпентер рассказал мне о планах культа по захвату этих неправедных призраков и возвращению их в нормальную форму с помощью своеобразного призрачного психоанализа. По крайней мере, именно так я истолковал его слова, хотя все объяснения звучали напыщенно и жаргон был таким сложным и нелепым, что я мог и ошибиться, Я сказал:

— А у вас бывают службы... то есть, я хотел сказать, общие собрания, открытые для общественности?

— О, да. Мы ведь не тайное общество. — Карпентер просто излучал энтузиазм. — Кстати, у нас здесь состоится собрание через пару недель. Приедет сам Мастер. Не желаете посетить?

— Да, — сказал я. Если я собирался как-то помешать жулику, который воровал сбережения моих легковых старых вкладчиков, то мне следовало узнать, как действует враг.

Встреча проходила в зрительном зале, в нескольких милях от моего дома, и была прекрасно срежиссирована. Там были и свечи, и ладан. Мне стало несколько неловко, когда я увидел приверженцев Мастера — крупных парней в белых рубашках; брюки их были заправлены в блестящие черные ботинки. Некоторые помогали рассаживать людей, а некоторые просто стояли по стойке «смирно», на лицах их застыло выражение, которое можно было передать словом «поберегись!». Помощники, стоявшие у входа, собирали в корзины «добровольные пожертвования».

Потом были песни, объявления и чтение какого-то символа веры или манифеста. А потом, после торжественной церемонии, в сиянии прожекторов появился и сам Мастер, облаченный в белое.

Людвиг Бергиус был высоким, худощавым, белокурым, голубоглазым человеком, волосы у него ниспадали на плечи. Волосы показались мне настолько вызывающими, что я сразу подумал — это или краска, или парик. Он поразительно напоминал те автопортреты, которые Альбрехт Дюрер рисовал под видом изображений Иисуса Христа и которые с тех пор стали основой западного религиозного искусства. У Бергиуса был роскошный голос, глубокий и сильный. Мастер без всяких микрофонов мог выступать в большом помещении.

Бергиус говорил в течение часа, давал многозначительные и несколько туманные обещания и порицал бесчисленных врагов. Он особенно ополчился на культ Преподобного Сунга, на «мафию демонов в человеческом облике». Его голос производил гипнотическое впечатление, и слушатели пребывали в каком-то оцепенении. У людей складывалось впечатление, что им дано высочайшее откровение, но они не могли вспомнить большую часть того, что на самом деле говорил Мастер. Некоторые из его утверждений, казалось, противоречили рассказам о доктринах культа; но как я понял, он создавал новое учение каждые два месяца, смущая умы своих последователей, не способных остановиться и задуматься.

Когда Бергиус закончил, одетые в белое штурмовики прошли по проходам с корзинами на длинных рукоятках, чтобы еще раз собрать пожертвования. Последовали новые песни, речи и другие религиозные обряды; на этом шоу завершилось. Штурмовики стояли у выходов и вновь собирали пожертвования. Они действовали вежливо, но настойчиво. Я заплатил, не готовый бороться с

целым отрядом здоровых головорезов, каждый из которых был вдвое моложе меня.

В числе наших клиентов — Храм Бет-Эль. В следующий раз, когда нас посетил раввин Харрис, я заговорила с ним об агнофилистах. Он заметил со вздохом:

— Да, мы лишились нескольких членов нашей конгрегации из-за этих ганифов. Разумеется, мы решительнее всех отстаиваем религиозную свободу, но все-таки... мистер Ньюбери, вы в прошлом году делали доклад о финансовых мошенничествах, не так ли?

— Да, в ИМКА.

— Ну, почему же вы не прочтете другой доклад, об этих культах, в ИМХА? Напомните о честной игре.

— Хорошо, — сказал я.

Именно это и привело в конце концов к моему знаменитому выступлению в ИМХА. Я представил немало примеров, рассказал о старых простаках, которые пожертвовали все свое имущество на «Агнофилию», довели себя до нервных срывов, а потом «были брошены во тьму внешнюю». Я закончил свою речь так:

— ...конечно, любой из вас может избрать какую угодно форму высшей ерунды — гомософию, «Агнофилию», космонетику или что-то другое — как вам угодно. Это — по-прежнему свободная страна. Лично я мог бы взять в руку гремучую змею и уверовать, что она меня не укусит. Спасибо.

Мне пришлось уехать из города на несколько дней по делу. Вернувшись, я обнаружил в гостиной новую деталь обстановки. Это был маленький террариум, с галькой, мхом и небольшим бассейном. В углу лежала, свернувшись в клубок, подвязочная змея.

— Дениз! — воскликнул я. — Что это такое?

— Пришел мальчик со змеей, — объяснила она. — Он сказал, что ты поместил в газете объявление о змеях, по доллару за змею. Зачем ты это сделал, *mon cher*?

— Что? Я ничего подобного не делал. Кто-то ошибся. И что же? — Я сунул руку в террариум и коснулся пальцем змеиной чешуи; змея отползла в сторону. Она еще явно не привыкла к неволе. — И все-таки они мне нравятся.

— Присцилла всегда хотела домашнее животное, с тех пор как издох наш старый пес. Вот она и раздобыла этот ящик у одного из своих друзей и поставила здесь.

— И чем ты кормишь змею?

— Присцилла покупает маленьких золотых рыбок и выпускает их в водоем. Когда Дамбалла чувствует голод, то ловит рыбок и ест.

— Гм... И сколько же стоят эти рыбки?

— По сорок центов каждая, в зоомагазине.

— Так не пойдет, особенно сейчас, когда у нас такой чудесный сад, а в нем полно червей.

Тем вечером я вместе с младшей дочерью отправился охотиться на земляных червей, вооружившись фонарем. Весь фокус, рассказал я, заключается в том, чтобы схватить их, когда они наполовину высовываются из-под земли, чтобы осмотреться на поверхности. Нельзя выдергивать их, иначе просто разорвешь пополам. Вместо этого нужно подождать, когда они расслабятся и прекратят попытки спрятаться — тогда их будет легко вытащить.

Присцилле не очень-то по нраву пришелся этот способ: хватать скользких червей голыми руками. Вместо этого она использовала бумажные носовые платки. Мы поймали нескольких червей, и тут на дорожке возле дома появился мальчик, державший в руках коробку.

— Мистер Ньюбери? — спросил он. — Я принес змею. Как сказано в вашем объявлении...

— Кто сказал, что я давал объявление о змее? — заинтересовался я.

— Ну как же, вот та табличка. На железнодорожной станции...

Я узнал, что на информационном табло пригородной станции появилось объявление такого содержания: «ТРЕБУЮТСЯ ЗМЕИ В НАУЧНЫХ ЦЕЛЯХ. ЗАПЛАЧУ ОДИН ДОЛЛАР ЗА КАЖДУЮ, ЛЮБОГО ВИДА». Дальше было мое имя и адрес.

— Это — мошенничество, — сказал я мальчику. — Я никогда не давал такого объявления, и мне и одной змеи, которая у нас живет, вполне достаточно.

На протяжении следующей недели нам принесли шесть подвязочных змей, двух сосновых змей, одну коричневую змею с полоской вокруг шеи и одну черную змею. Мы от всех предложений отказывались.

Я также узнал, что наш неведомый недоброжелатель расклеил двадцать или тридцать таких же объявлений в окнах окрестных магазинов. Я посетил некоторых владельцев магазинов и они с удовольствием убрали эти бумажки. Я попытался выяснить, как выглядел шутник, но получил противоречивые описания. В итоге я пришел к выводу, что в деле участвовали несколько человек. Я попросил, чтобы президент местной торговой палаты рассказал всем о случившемся и предотвращал в дальнейшем подобные мистификации.

Потом я стал получать письма примерно такого содержания: «Уважаемый мистер Ньюбери! Я прочитал Ваше объявление в “Журнале Естествознания” за июль; там сказано, что Вы заплатите за змей. Вам они нужны живыми или мертвыми и какую сумму Вы предлагаете? С уважением ...»

Я позвонил в журнал. Да, кто-то поместил объявление в «частном» разделе. В редакции не знали, кто это сделал, но чек был подписан моим именем и его не опротестовали. Так в течение некоторого времени я был занят

сочинением открыток, в которых сообщал: не надо змей, спасибо.

До тех пор преследование причиняло лишь мелкие неприятности. Мы скорее сочувствовали людям, которые тратили время на эту ерунду, чем самим себе.

— Наверное, — сказал я Дениз, — это все-таки агно-филисты. Кто-то им сообщил о моей речи в ИМХА, о том, что я голыми руками возьму гремучую змею. Они пришли к выводу, что я испытываю болезненный страх перед змеями или у меня какая-то фобия — вот теперь и пытаются подействовать мне на нервы.

— Мой бедный Вилли! Если б они только знали, что ты всегда в глубине души был любителем змей!

Тогда кампания приняла совсем другой оборот. Сосед рассказал мне, что месяцем раньше получил оскорбительное анонимное письмо, в котором речь шла обо мне. Он передал письмо в местную полицию. Другие соседи также получили подобные письма.

— Ради Бога! — воскликнул я. — Почему же вы тогда мне об этом не сказали?

Он замялся.

— Я был слишком смущен. Мы знаем, что вы и Дениз в полном порядке — вы лучшие соседи, какие у нас есть — и мы не захотели вас расстраивать. Так или иначе, мы не могли предположить, что в письме шла речь о таком спокойном, уравновешенном человеке, как вы.

Я узнал, кто еще получил анонимные письма, но ни один человек их не сохранил. Некоторые передали письма в полицию, а некоторые — просто выбросили.

Я отправился в отделение полиции, и сержант Дэй выудил письма из своих папок. Все они оказались одинаковыми:

«Дорогой сосед!

Недавно мой младший сын, стоя перед домом, поливал газон, и тут из проезжавшего автомобиля выпрыг-

нул человек и набросился на мальчика. Он схватил шланг и начал рубить его топором, крича: “Змея! Змея! Проклятая змея! Я отучу вас посылать змей, чтобы мучить меня!” Он напугал моего сына так, что тот вернулся домой в истерике.

По очевидной причине я хочу сохранить анонимность. Ни один отец не захочет, чтобы его детей пугали безумцы вроде того, который, вероятно, до сих пор живет по соседству.

Я отправляю это письмо в надежде, что любой, кому известно о человеке, у которого есть психологические проблемы, связанные со змеями, сообщит об этом соответствующим органам, чтобы жертву галлюцинаций можно было вылечить, пока этот человек никому не причинил вреда. Это мужчина пятидесяти лет, высокий и сильный, с коротко стриженными седыми волосами, короткими усами; он водит зеленый спортивный автомобиль иностранного производства. Если вы знаете этого человека, попытайтесь убедить его обратиться к врачу, чтобы он мог излечиться от своего безумия.

Сержант Дэй сказал:

— Наши ребята разыскивали этого парня в течение многих недель — и без всяких результатов. Полагаю, если кто-то из них увидел вас, то он просто сказал: «О, это же мистер Ньюбери, банкир. Он не может быть нашим человеком. Наверное, это написал какой-то псих».

— Во всяком случае, — сказал я, — псих дал мне весьма лестное описание. Вы можете отыскать автора этого письма?

Дэй покачал головой.

— На всех конвертах штамп почтового отделения в центре города. Если вы получали какие-то странные письма, то могли бы сравнить их с этими. Текст отпечатан на ручной пишущей машинке, дорогой, но стандартного типа. Заметьте, что верхушка буквы «N» стер-

та, у строчной «а» нет хвостика на конце, а буква «р» печатается неровно. Но мы ведь не можем осмотреть все пишущие машинки в округе.

Дэй выдал мне фотокопию письма. Вернувшись домой, я изучил свою корреспонденцию для сравнения, но ни одно из писем, полученных за прошедший год, не было отпечатано на машинке, принадлежавшей неведомому возмутителю спокойствия.

Меня все это до некоторой степени обеспокоило, а Дениз просто пришла в бешенство. Она сказала:

— Когда мы поженились, дорогой Вилли, тебе следовало переехать во Францию, а не привозить меня в Америку. Мы, французы, ведем себя более логично; мы не посылаем таких *bêtises*.

На следующей неделе из службы доставки принесли коробку, тщательно скрепленную мощными скобами и клейкой лентой, но с несколькими маленькими отверстиями в крышке и стенках. Предвидя, что потребуются значительные усилия для открытия посылки, Дениз решила предоставить это дело мне. Вернувшись с работы, я взял отвертку, нож и плоскогубцы из ящика для инструментов, поставил коробку на кухонный стол и принялся за работу. Через несколько минут я снял с коробки крышку.

Наружу высунулась змеиная голова какого-то мышинного цвета, и раздвоенный язык метнулся в мою сторону. Пока я тупо стоял и смотрел на змею, ее капюшон раздулся, и я наконец понял, что передо мной кобра.

Я отскочил назад, завопив:

— Дениз! Убирайся отсюда!

— Почему, Вилли? — донесся голос Дениз из соседней комнаты. — Что-то случилось?

Кобра выбралась из коробки и поползла по полу. Казалось, она была просто бесконечной. Я предположил, что она по крайней мере десяти футов длиной. (Оказа-

лось — двенадцати.) Это была даже не обычная индийская кобра, но гамадриада или королевская кобра, самая крупная и самая опасная из всех.

— Ничего! — закричал я. — Просто беги отсюда! Здесь кобра!

Кобра приподнялась почти на ярд и сделала выпад в мою сторону. К счастью, кобры движутся медленнее, чем американские гадюки, такие как гремучая змея. Я отпрыгнул назад, и атака завершилась неудачей.

Змея попыталась подобраться ко мне поближе, но на гладком полу у нее не было шансов. Она вертелась из стороны в сторону, содрагаясь, как флаг на ветру, но почти не продвигаясь вперед.

Сделав еще шаг назад, я добрался до дверцы чулана и распахнул ее, надеясь отыскать оружие. Там были метла и швабра, но их ручки оказались слишком длинными для столь ограниченного пространства. Тогда я ухватился за «друга водопроводчика», за вантуз с крепкой деревянной ручкой.

Пока кобра, все еще скользя по линолеуму, медленно продвигалась ко мне, я бросился ей навстречу, держа вантуз за резиновый поршень. Когда змея снова начала поднимать голову, я сделал еще один шаг и, вцепившись в вантуз обеими руками, нанес удар так, будто играл в гольф. Раздался щелчок, змея отлетела в сторону.

Тварь забилась в конвульсиях, она дергалась и корчилась, то свивалась узлом, то вытягивалась прямо. Я бил ее по голове снова и снова, но в этом уже не было необходимости. Первым ударом я сломал змее шею. Ее кожа теперь висит у меня в кабинете.

Эзо Дрексель сказал:

— Вилли, мы должны что-то предпринять. Когда-нибудь мне придется уйти на покой, и «Трастовой компании Харрисона» понадобится как минимум один человек, способный по-настоящему думать

Я ответил:

— Все верно, Эзо, но что же делать? Обратный адрес на коробке был ложным. Кобру украли из зоопарка — вор, замечу, был очень отважен. Полицейские говорят, что они зашли в тупик. А частный детектив просто ничего не сделал — только выписывал огромные счета.

— Может, если ты продашь свою историю газетчикам, то это напугает агнофилистов.

— Все, чего я добьюсь — судебный процесс. У меня нет никаких доказательств, указывающих на их связь с этой посылкой — одни умозаключения. Адвокат предупредил меня, что эти люди и безумны, и опасны. Если человек напишет что-то такое, что им не понравится, они предъявят ему иск на десять миллионов долларов. Дело никогда не доходит до суда, но угрозы и преследования заставляют критиков умолкнуть.

— Что ж, — сказал Дрексель, — если все обычные средства исчерпаны, нам придется испробовать необычные. Я рассказывал тебе о моем внуке Джордже и о его «Научных волшебниках», не так ли?

— Да. Пусть вор, так сказать, ловит вора?

— А что нам терять?

— А не будет ли все это слишком дорого стоить?

— Банк оплатит счет. Мы проведем его по статье «безопасность». В общем-то, чистейшая правда.

— «Связи с общественностью», наверное, подходят лучше. В любом случае, об этом не следует сообщать акционерам и ребятам из Федеральной резервной системы.

— Я им сообщать не стану. Но с культом Преподобного Сунга я свяжусь.

Преподобный Сунг Ли-пей, прибывший с Тайваня, оказался маленьким, круглолицым человеком; он выглядел абсолютно искренним. Я не предполагал, что это выражение в точности соответствовало истинному об-

лику Сунга. Я сталкивался в жизни с множеством мошенников, и все они излучали безграничную честность и совершенное благородство. Иначе как бы они смогли зарабатывать мошенничеством себе на жизнь?

Сунг заговорил:

— Мистел Ньюбели, вы хотите, чтобы последователи мистела Белгиуса перестали вас преследовать, не так ли?

— Именно так... Верно.

— Да, все понятно. Чалы Класного Длакона тепель стоят очень долго, поскольку лезультаты очень часто бывают фатальными...

— Я не хочу убивать этого парня, — сказал я, — просто пусть он станет безвредным для меня, пусть оставит меня в покое. А еще лучше — пусть он перестанет принуждать моих вкладчиков к тому, чтобы они передавали его церкви все свои сбережения.

Сунг скрестил руки и задумался. Потом он произнес:

— В таком случае заклинание Зеленого Длаа... Зеленого Длакона окажется более подходящим. Некоторые из сущностей, которыми я управляю, могут, я уверен, сделать так, что наш мистер Белгиус станет безвредным, как только что выдупившийся цыпленок, ха-ха...— Он принужденно улыбнулся.

— Вы не станете вредить ему физически?

— Нет, ничего подобного. Вам нужно будет посетить Шаббат. Он состоится в моем доме сегодня поздно вечером, мы начнем в одиннадцать. А тепель могу ли я получить от вас чек на одну тысячу доллалов, будьте добры?

— Предпочитаю платить наличными, — ответил я, вручив ему конверт с десятью сотнями.

Он пересчитал деньги, осмотрел их на просвет и наконец удовлетворенно проворчал.

— Тогда всего вам доброго, мистел Ньюбели. Мы увидимся сегодня вечером, не так ли?

Сунг обитал не в каком-то полуразрушенном особняке с привидениями, а в опрятном, вполне обычном пригородном домике неподалеку от моего собственного коттеджа. На террасе горели фонари, номер дома был ясно виден. Внутри расхаживали одетые в белое парни в тюрбанах — очевидно, слуги Сунга.

— Ах, как лаз вовлемя, мистел Ньюбели, — произнес Преподобный Сунг, пожимая мне руку. — Вот сюда, пожалуйста... Поймите, вас не познакомят с другими участниками шабата. К ним могут отнести с пледубеждением, если все узнают об их научной деятельности. Вот гаделоб. Пожалуйста, положите все ценные вещи в эту колобку, закройте ее и повесьте ключ себе на шею.

— Зачем?

— Потому что потом вам придется снять всю вашу одежду и оставить ее здесь. Колобка нужна, чтобы ничего не плопало, ха ха...

— Вы хотите сказать, что мне придется раздеться догола?

— Да. Это нужно для заклинания.

Я вздохнул.

— Ну, мы с женой были на нудистском пляже во Франции, но в этой стране со мной такое впервые.

Я начал расстегивать и снимать одежду, мечтая о том, чтобы у меня не было этой небольшой выпуклости повыше пояса. Конечно, это не настоящий живот, как у Дрексея; но, несмотря на упражнения и подсчет калорий, живот у меня теперь уже не такой плоский, как в юности.

Сунг оделся в черное. Мы спустились по лестнице в подвал; несмотря на летнюю жару, по коже у меня побежали мурашки.

Помещение освещали черные свечи, испускавшие зеленоватый свет. На бетонном полу была начерчена или

выложена магическая фигура или пентакль. Вокруг нее сидели двенадцать голых мужчин и женщин.

— Вы займете вот то свободное место, мистел Ньюбели, — сказал Сунг, показав мне дорогу.

Я уселся между двумя женщинами. Бетон был очень холодным. Я оглядел своих соседей.

Та, что сидела слева, была немолода и сохранилась не слишком хорошо; выпуклости и впадины образовались как раз там, где не надо. Соседка слева, напротив, была молода и хорошо сложена. Ее лицо не показалось мне симпатичным, по крайней мере в слабоосвещенном подвале; но все остальное было в полном порядке. Она прошептала:

— Привет... эээ?

— Зовите меня Билл, — прошептал я в ответ. Никто не называет меня «Биллом», только «Вилли», сокращенное от «Уилсона». Однако мне это показалось наилучшим выходом из ситуации. — Добрый вечер... эээ?

— Марселла.

— Добрый вечер, Марселла.

Кто-то шепотом попросил нас замолчать, и Преподобный Сунг шагнул в центр пентакля. Он поднял руки и произнес что-то на китайском, а потом обратился к остальным:

— Сегодня ночью, длузья, мы возгласим заклинание Зеленого Длакона для нашего длуга, чтобы защитить его от несправедливого преследования, устроеного этой бандой псевдоученых, псевдо-магических обманщиков, о мелзости которых нам столь многое известно. Мы начнем с пения «Ли Пиэо Эрх». Все ли готовы?

Вся компания завела какую-то китайскую песню. Мне говорили, что китайской музыкой, а равно и звуками волинок, можно наслаждаться так же, как музыкой Бетховена и Чайковского, если человек привыкнет к этим звукам. Мне, увы, подобной возможности никогда

не предоставлялось, посему китайская музыка напоминает, по-моему, кошачий концерт.

Песня подошла к концу, Сунг вышел из круга и сказал:

— Тепель соедините пальцы, пожалуйста. Вы тоже, мистел Ньюбели.

Я коснулся пальцев обеих женщин. Последовали бесконечные восклицания, молитвы и ответы; что-то говорил Сунг, а что-то — сидевшие вокруг. Это продолжалось до бесконечности. Поскольку говорили почти все по-китайски, то я никакого смысла во всем этом не обнаруживал.

Мне поток бессмысленной болтовни стал казаться утомительным. Мои мысли обратились к соседке справа. Я, конечно, не какой-нибудь свингер; но тем не менее при виде прекрасного женского тела у меня возникают вполне нормальные для мужчины реакции.

По правде говоря, реакции эти выразились весьма явственно. Боже, подумал я, что же мне делать? Уверен, в программу вечера такие развлечения не входят. А что эти люди сделают со мной, когда увидят тотемный столб, торчащий у меня между ног?

Скрестив ноги, я попытался прикрыть свой непокорный орган. Потом начал мысленно повторять таблицу умножения. Но это не подействовало.

Потом что-то изгнало из моей головы похотливые мысли. В центре пентакля тусклое свечение обрело некую неясную форму. Казалось, там появились клубы тумана, от которых исходил слабый зеленоватый свет. Свет усиливался, но угадать точных очертаний я никак не мог.

Сунг что-то пронзительно закричал по-китайски. Все хором повторили его слова. Сунг перешел на крик. Зеленый свет погас. Сунг замер, а потом упал на пол.

Два участника церемонии вскочили и подхватили падающего Сунга. Еще кто-то щелкнул выключателем; зажглись лампы. В их свете моим глазам предстали тринадцать человек, включая меня самого, все голые, некоторые сидящие, некоторые — стоящие, а некоторые — неизящно пытающиеся подняться. Все люди были разного возраста, да и волосы в интимных местах у всех тоже выглядели по-разному.

Я подумал, не следует ли вызвать скорую, но тут послышался тихий голос Сунга:

— Я в поладке, пожалуйста. Дайте мне одну минуту.

Потом он встал; выглядел Преподобный не хуже, чем раньше. Он заявил:

— Этот случай показывает, что у служителей злобного культа есть сильная магическая защита. Будем надеяться, что заклинания, которые мы обрушили на них, чтобы остановить злые замыслы, не облушатся на нас или на мистела Ньюбели. Вот и все, что мы сейчас можем сделать, так что давайте поднимемся навелх.

Я взобрался по лестнице вместе с остальными и присоединился к ним в раздевалке. В этом переполненном помещении я попытался надеть свою одежду, не ткнув никого в глаз.

Я достал из ящика свой бумажник и вышел вслед за остальными в гостиную. Слуги Сунга подали мороженое, пироги и кофе. Теперь шабаш стал напоминать обычное собрание обитателей среднего американского пригорода.

Гости болтали между собой. Большая часть их бесед была посвящена людям, которых я не знал. Существовало несколько таких групп, и здесь, очевидно, все так же занимались интригами и борьбой за власть, как в любой корпорации или правительственном учреждении.

Ко мне подошла Марселла, с кофейной чашкой в одной руке и пирогом в другой.

— Билл, — сказала она, — не правда ли, очень острые ощущения? Это — мой первый Зеленый Дракон. Мы должны снова встретиться, ведь вы такой прекрасный, решительный и твердый мужчина. — Она захихикала.

Признаюсь, что, впервые за долгие годы счастливой семейной жизни, я едва не поддался соблазну, но только на мгновение. Помимо семейных чувств, есть еще и имидж банкира, трезвого и уравновешенного до отвращения, и этот имидж надо поддерживать. Я на самом деле не такой уж зануда (я даже голосовал как-то за демократов), но это хорошо для бизнеса. Я сказал:

— Да, наверное, стоит как-нибудь увидеться, но сейчас мне нужно бежать. Доброй ночи, Марселла.

На следующий день я попытался сосредоточиться на своей работе, но в голове у меня снова и снова звучали зловещие слова Преподобного Сунга: его заклинание может обратиться против меня. Конечно, на самом деле я не верил, что такое может случиться; но все-таки...

На следующий день я вышел из здания «Трастовой компании Харрисона», чтобы во время обеда съездить домой. Я увидел на улице толпу и подошел поближе, решив узнать, что здесь происходит.

Там был Мастер, по-прежнему облаченный в белое. Он шагал по улице и непрерывно говорил, он доставал купюры из огромной пачки и вручал их оказавшимся поблизости слушателям. Мастер нараспев произносил:

— ...кто верует в меня, не погибнет, но обретет жизнь вечную. Ибо я больше не Людвиг Бергиус, но истинный сын Бога, дух которого овладел телом этого заблудшего смертного Бергиуса. И я, говорящий с вами ныне, есть он. Трудитесь не ради той пищи, которая утоляет голод, а ради пищи, которая дарует вечную жизнь. Я — свет мира; тот, кто последует за мной, не будет идти в темноте...

Полицейские боролись с толпой, но вид раздаваемых денег приводил людей в неистовство. Толпа все разрасталась. Люди начали кричать и толкать друг друга, чтобы добраться до Мастера.

Тут послышалось гудение сирены, и толпа расступилась, давая дорогу машине скорой помощи. Оттуда вышли трое мужчин в белых халатах и, с помощью полицейских, пробрались к Бергиусу. Они взяли его за руки, сказали что-то успокоительное и осторожно отвели его к машине. «Скорая» развернулась и умчалась прочь.

Кто-то дернул меня за рукав. Это был Макгилл, казначей.

— Вилли! Я тебя искал. Знаешь, что произошло? Миссис Далтон и все остальные явились, чтобы восстановить свои счета. Они говорят, что Мастер вернул им все средства. Что ты на это скажешь?

— Мне надо подумать, — сказал я. — Прямо сейчас мой разум ушел на обеденный перерыв.

Позже Эзо Дрексель сказал:

— Ну, Вилли, я полагаю, что твой тайваньский шаман отработал свое жалованье. Больше змей не посылали?

— Нет.

— К счастью, у нас в округе есть хорошая психиатрическая клиника. Может, они даже вылечат этого так называемого Мастера.

— Ты этого хочешь? — спросил я.

— О, понимаю. Т уверен, что он снова мог бы заняться своим культом. — Эзо вздохнул. — Не знаю. Мы можем предположить, что Сунг — такой же обманщик, как остальные. В этом случае, разум Бергиуса был разрушен тем напряжением, которое создавали мессианские претензии; он поддался иллюзии божественности независимо от заклинаний Сунга.

— А еще мы можем предположить, что действия Сунга действительно вызывали изменения в человеке. В та-

ком случае, был ли Бергиус настоящим представителем какого-то Межзвездного Совета прежде, чем сошел с ума от заклинаний? Или он прежде был обманщиком и...

— А потом — истинным перевоплощением Иисуса, хочешь сказать?

— Вот это да! Я до подобного не додумался. Ну, говорили ведь, что если бы Иисус снова пришел в наш мир, его бы заперли в сумасшедшем доме. — Дрексель вздрогнул. — Мне что-то не хочется об этом задумываться. Давай займемся чем-то попроще — может, соотношением учетных ставок и темпов инфляции.

«Гуанны»

Во время одного из наших летних визитов на озеро Алгонкин тетушка Фрэнсис сказала:

— Вилли, Филлис хочет, чтобы ты съездил в Пантер-фоллз и помог ей продать Уайлдерфарм.

— Вот как? — удивился я. — А я и не знал, что тетя Филлис собирается продавать ферму.

— Да, собирается. Ты поедешь?

— Пойми, тетушка Фрэнсис, я — банкир, а не брокер, занимающийся недвижимостью; к тому же я не практикую в штате Нью-Йорк...

— Ты все равно знаешь об ипотеках и всем прочем гораздо больше бедной Филлис.

— А почему она продает...

— Она говорит, что дом слишком велик для нее, потому что дети разъехались и она осталась одна. Говорит, что она слишком стара и не справляется с хозяйством. По правде говоря, она просто слишком толста. Если б она справлялась со своим аппетитом... Кроме того, она что-то рассказывала о необычных вещах, которые там происходили в последнее время.

— А? Что? Если у нее есть призраки, пусть вызовет экзорциста. С меня хватит этих штук...

— Я не говорила о призраках, Вилли.

— Тогда что же там такое?

— Нечто вроде банды террористов, как я поняла.

— Тогда за дело должны взяться полицейские.

Фрэнсис Колтон вздохнула.

— Вилли, ты никак не хочешь помочь. Я не прошу тебя изгонять демонов или сражаться с шайкой малолетних преступников. Я всего лишь прошу тебя дать бедной Филлис какой-нибудь совет насчет продажи фермы.

Какой-то посредник желает ее приобрести. Ты ведь съездишь туда?

Теперь вздохнул я.

— Вообще-то завтра я собирался взять Стиви на рыбалку.

— Если погода наладится, непременно порыбачьте; но в первый же дождливый день ты можешь съездить в Фоллз. Дорога займет не больше часа.

Два дня спустя, оставив Дениз управляться с нашими тремя сорванцами, я отправился в Гэхато. Я остановился у гаража Багби, чтобы заправиться и сменить масло. Пока механик занимался делом, я стоял под дождем, закутавшись в дождевик, и наблюдал за проходившими мимо местными жителями. Я здоровался с теми, которых узнавал.

И тут я увидел Верджилу Хэтэуэя, волосы которого были заплетены в две длинные черные косы. Верджил хорошо ко мне относился с тех пор, как я устроил ему небольшой кредит — у него возникли кое-какие неприятности в пятидесятых. Когда все заговорили о бедных индейцах, Верджил добился немалых успехов; но о старом долге он все еще помнил.

— Привет, Верджил, — сказал я. — Как поживает сейчас Вождь Летящая Черепаха?

На медно-красном лице Хэтэуэя появилась усмешка.

— Не может пожаловаться, по крайности когда речь заходит обо мне и о старухе.

— А еще что?

Он пожал плечами.

— Ну, не знаю. Дети подрастают, и их уже не занимают дела индейцев.

— Хочешь сказать, они ассимилируются?

— Навроде того. Дочка работает в телефонной компании, а Кэлвина получил должность инженера. Зарабатывает за неделю больше, чем я зарабатывал за месяц,

продавая игрушечные каноэ, мокасины и прочие вещи. И еще хуже — он собирается жениться на какой-то белой девчонке.

— Вот как, Верджил; только не говори мне, что у тебя есть расовые предрассудки!

— О да, надо думать, есть. При таких делах индейцев вообще скоро не останется. Все перемешается.

— Ну, вы, пенобскоты, немало белой крови получили за долгие века.

Хэтэуэй усмехнулся.

— Верно. В былые времена, когда мы развлекали белых путешественников, мы по-настоящему *развлекали* их. Если после них оставались какие-то полукровки — что ж, в племени становилось больше воинов. Но все это давно уже кончилось. А ты сам-то как?

Я рассказал Хэтэуэю о том, как поживает семейство Ньюбери, и добавил:

— Сейчас я направляюсь в Пантер-Фоллз, хочу помочь тетушке продать недвижимость. Кажется, у нее проблема с какой-то местной группой.

— Надо же! И какая проблема?

— Не знаю. Какие-то угрозы, кажется... В общем, запугивание.

— Вот это да! На самом деле, Вилли, вам нужен какой-то хороший старый индейский знахарь, способный их околдовать. Вроде того парня из резервации Тонаванда, который побывал здесь девятнадцать лет назад. Он справился бы с вашими злодеями.

— Спасибо, — сказал я. — Я об этом подумаю.

Уайлдер-фарм, которую собиралась продать Филлис Уайлдер, граничила с другим участком земли, принадлежавшим некогда моему прадеду. На этом участке стоял Флореандо, викторианский особняк, который построил в восьмидесятых годах Абрахам Ньюбери. Дорога к ферме вела мимо этого дома. После того, как умерли моя

двоюродная бабушка и двоюродный дед, ни один из наследников не пожелал жить в доме, для содержания которого следовало нанять целый взвод слуг. Да и кто теперь, кроме нефтяных миллиардеров, содержит такую многочисленную прислугу?

Сначала произошло великое распределение движимого имущества. Бесчисленные потомки Абрахама Ньюбери увозили мебель, картины, фарфор и все прочее в автомобилях, грузовиках и фургонах. Затем, как раз перед войной, имение было продано. Здесь сменилось несколько владельцев, но я за этим уже не следил.

Испытав внезапный приступ ностальгии, я свернул с шоссе и проехал между двумя большими каменными столбами, за которыми начиналась посыпанная гравием дорожка. Я хотел еще раз взглянуть на эти места, чтобы оживить детские воспоминания о замечательных приемах гостей, о множестве кузенов, которые катались на лошадях и велосипедах, плавали и устраивали в усадьбе пикники. Мой кузен Хьюард — который стал потом драматургом — устраивал представления, безбожно сокращая пьесы Шекспира; я сам когда-то играл тень отца Гамлета.

Большой старый трехэтажный каменный дом стоял на своем месте; на лужайке по-прежнему торчал железный олень. Крытая галерея окружала здание с трех сторон, заканчиваясь крытыми въездными воротами для карет. Верхняя веранда была увенчана конической крышей, как на замковых башнях. Если во Флореандо и не было призрака, то он непременно должен был появиться.

Я свернул на дорогу, ведущую обратно к шоссе, а не на ту, которая вела вокруг дома к крытым воротам. Я остановил машину и сидел, вспоминая о старых временах.

Фонтан на просторной лужайке теперь не работал. Трава была такой высокой, что газонокосилка с ней явно не справилась бы — нужна была коса или жатвенная машина. Но изменилось и что-то еще.

На лужайке, между крытыми воротами и деревьями, стояло с полдюжины блестящих мотоциклов. Это были не маленькие экономичные устройства, но большие, тяжелые, двух— и четырехцилиндровые байки.

— Кого-то ищете, мистер? — послышался голос.

Ко мне подошел здоровый парень лет двадцати с небольшим. Он положил одну руку на крышу машины и наклонился вперед, так что его лицо оказалось в футе от моего. Копна светлых волос нависала над его плечами, грудью и спиной; еще у него была густая светлая борода. Он носил синий джинсовый костюм, штаны были заправлены в тяжелые ботинки. Ботинки скорее напоминали ножные латы древнего воина: полдюжины ремней и пряжек, обитые металлом носки и металлические полосы наверху.

— Нет, — сказал я. — Просто заехал посмотреть. Я часто играл здесь, когда был ребенком.

— Ого... — протянул он.

Поскольку молодой человек по-прежнему стоял возле автомобиля, загораживая мне обзор справа, я решил посмотреть в противоположную сторону. Я увидел холм, расположенный по ту сторону Блэк-ривер; моросил дождь, видно было не очень хорошо.

— Увидели все, что хотели, мистер? — спросил наконец молодой человек.

— Полагаю, да, — ответил я.

Не собираясь ввязываться в драку, я решил воздержаться от критических замечаний. Этот парень был вдвое моложе меня и примерно моих габаритов — то есть выше среднего роста. Судя по всему, он мог просто измочалить немолодого банкира.

— А кому теперь принадлежит это поместье? — спросил я.

— Ассоциации мотоциклистов округа Льюис.

— О-о... — Молодой человек все так же стоял, вперив в меня свои голубые глазки-бусинки и наморщив косматые светлые брови; я завел мотор и вернулся на шоссе.

На ферме, на крыльце старого белого дощатого дома, меня поджидала тетушка. Она приветствовала племянника с обычным энтузиазмом. Она прижала меня к тому, что следовало бы назвать вполне внушительной грудью. Я сказал:

— Тетушка Филлис, ты ведь не хотела ставить на ферме громоотводы, не так ли?

— Нет, но в последнее время пострадали многие дома. Так что, думаю, я поступила разумно.

— Это забавно. Я не слышал об изменении здешнего климата.

— Я тоже, — засмеялась она. — Точных цифр не назову, но подобных ударов было подозрительно много. Вот, к примеру, сгорел дом преподобного Грира. Некоторые суеверные люди полагают, что все было спланировано.

— О чем ты говоришь? За исключением экспериментов по управлению климатом — никто еще не мог направлять молнии, я, по крайней мере, об этом не слышал.

Она пожала плечами, жировые складки на ее теле затряслись.

— Я, конечно, ничего не могу утверждать...

Она прервалась и прислушалась. Шум, напоминавший звук работающей лесопилки, донесся с запада. Мы посмотрели в ту сторону, где сквозь облака дождя начал пробиваться солнечный свет. Процессия мотоциклистов промчалась мимо по шоссе. Лучи солнца сверкали на начищенных рулях.

Тетя Филлис вытянула указательный палец.

— Особенно о них.

— Об Ассоциации мотоциклистов округа Льюис?

— Или о «гуннах», как они себя называют.

— Что это значит? Они тут всех запугали и устроили царство террора?

Тетя Филлис взмахнула руками.

— Мне не следует говорить о них... Но так много странных вещей... Ты знаешь, говорят, что они заставляют членов банды для доказательства храбрости совершать такие вещи, от которых нормальных людей в дрожь бросает. И еще, когда кто-то с ними повздорит, то его дом тут же поражает молния или что-то еще. Я позвонила в полицию, пожаловалась на одну из их оргий — они приводят к себе девиц и шумят так, что слышно до самого Бунвилля — вот я и пострадала. Местами повредило кровлю, слава Богу, все обошлось, но потом мне поставили громоотводы. Теперь они просто носятся взад-вперед по дороге, бросают пивные банки и кричат мне что-то вульгарное.

— Почему никто не принимает мер?

— Сложно что-либо доказать, потому что все они так похожи друг на друга в этих шлемах. Кроме того, их главарь, молодой Ник — сын Джека Николсона, самого богатого человека в графстве. Джек стал теперь совсем стар; но он по-прежнему сохранил влияние на местных политиков, и никто не посмеет тронуть его сына. На деньги Джека купили Флореандо.

— Вот в чем проблема, — сказал я, — у вас здесь однопартийная система. Между прочим, я съездил во Флореандо и осмотрел усадьбу.

— Пришла в упадок, верно? Но этого следовало ожидать. После Абрахама у нашей семьи дела пошли хуже. Только ты, Вилли, сумел заработать настоящие деньги, слава Богу.

— Это скорее случайность, а не план. Остается надеяться, что я стал неплохим банкиром — хотя мог стать неплохим инженером. — Я рассказал ей о вагнеровском герое, одетом в синие джинсы.

— Это, должно быть, Трумэн Фогель, помощник их командира Николсона. Опасайся его. Он своими железными башмаками пнул Боба Хоули так сильно, что тот попал в больницу. Они сожгли крест на лужайке доктора Розена. Они говорят, что устроят тут страну белых людей.

Я вздохнул.

— Чем безумнее идея, тем больше находится сумасшедших, готовых ее поддержать. Что насчет продажи фермы?

Я рассказал Филлис Уайлдер о путанице ипотек, договоров, прав собственности, агентов и адвокатов. В итоге я пообещал вернуться через три-четыре дня, когда застройщик сделает окончательное предложение. Потом я направился к озеру Алгонкин, надеясь добраться до дома Колтонов к обеду.

Проезжая через Пантер-Фоллз, я заметил на лужайке табличку, на которой было написано: «Исайя Розен. Доктор медицины». Я посмотрел на часы и остановил машину.

Я познакомился с Розеном до войны; тогда я был студентом, а он — молодым врачом, который унаследовал практику старого доктора Прескотта. Я вспомнил, как зашла речь о Розене на одной из встреч моих кузенов. Уинтроп Колтон — он потом погиб на войне — презрительно посмотрел на собеседника, засопел и произнес: «О... Ты про этого еврея».

В те времена в провинции подобное отношение было широко распространено. К счастью, потом все переменялось, хотя старожилы придерживаются все тех же взглядов.

Теперь меня приветствовал изрядно облысевший Розен.

— Я вас помню, мистер Ньюбери. Чем могу вам помочь?

— Никаких медицинских проблем, — ответил я. — Я навещал свою тетю, миссис Уайлдер.

Розен покачал головой.

— Я постоянно ей говорю, что она должна ограничить себя по части углеводов.

Я заговорил с Розеном о «Гуннах».

— Слышал, что у вас тоже было с ними столкновение?

Розен посмотрел на меня.

— Можно и так сказать. Все это до отвращения знакомо. Нет, я не был в Европе в годы Холокоста — я жил здесь и занимался устройством практики, — но, естественно, я кое-что знаю об этих вещах. Их кампания уже повлияла на мою практику.

— И как вы с ними повздорили?

Он пожал плечами.

— Учитывая мое происхождение, делать мне ничего не пришлось. Когда я услышал, что Маршал Николсон превратил клуб мотоциклистов в какой-то неоязыческий культ, совершающий кровавые жертвоприношения, я сказал Джеку Николсону, что его сыну требуется помощь психиатра. Старый Джек посмеялся, сказав, что у Ник такие же права на свободу вероисповедания, как у всех остальных. По-видимому, история повторяется, и сходство легко заметить.

— Первая поправка не позволяет никому приносить неверующих в жертву Мумбо-Юмбо — по крайней мере, если Верховный Суд не поглупел окончательно. А что насчет этих предполагаемых сверхъестественных ужасов? Разные там молнии...

Розен фыркнул:

— Обычные фантазии. Когда молния ударяет дважды в радиусе полумили, некоторые люди начинают подозревать, что Бог или местная колдунья на кого-то эту молнию нацелили. Как человек науки, я подобным вещам внимания не уделяю.

— Надеюсь, что вы правы, — сказал я, — но я тоже получил научно-техническое образование, и все-таки повидал достаточно странных вещей, чтобы скептически относиться даже к своему собственному скептицизму.

В следующий раз, отправившись посетить тетю Филлис, я побывал в Гэхато. Я остановился у сувенирной лавочки Верджила Хэтзуэя, на которой висело объявление: «ВОЖДЬ ЛЕТЯЩАЯ ЧЕРЕПАХА. ИНДЕЙСКИЕ УКРАШЕНИЯ РУЧНОЙ РАБОТЫ».

Хэтзуэй продавал клиенту одеяло навахо, сделанное в Коннектикуте. Когда он закончил, я сказал:

— Верджил, эти очки совсем не сочетаются с индейской обстановкой.

— Мне же нужно читать свои ценники, — ответил вождь. — В любом случае, теперь это неважно. Когда я начинал бизнес, то рассчитывал на детей; я с акцентом говорил по-английски, повторяя «ух» и «хау». А теперь дети сильно поумнели.

— Но косы-то у тебя остались по-прежнему.

— Ух, это, как у вас говорят... функционально. Экономлю на стрижке три или четыре доллара в месяц. Что я могу для тебя сделать?

— Ты мне рассказывал о каком-то знахаре из Тонаванды. Как я могу с ним связаться?

— А, ты о Чарли Кэтфише. Я не видел Чарли пару-тройку лет, но мы посылаем друг другу рождественские открытки. — Хэтзуэй сверился с адресной книгой и дал мне телефонный номер.

На ферме Филлис Уайлдер бросилась ко мне, едва не сбив с ног.

— О, Вилли! Знаешь, что сделали эти проклятые молодые головорезы?

— Что такое, тетя Филлис? — спросил я, вырываясь из ее объятий.

— Они сорвали сделку с мистером Файфом, по крайней мере пока. — Файф был застройщиком. — Он приехал с инспектором, чтобы осмотреть владение. Когда он был здесь, «Гунны» проехали по дороге на своих мотоциклах и окружили дома, вопя, как племя индейцев, скачущих на водопой. Это напугало мистера Файфа, и он уехал, сообщив, что не может обсуждать приобретение такого участка, поскольку имеются весьма опасные соседи.

— Вы вызывали полицейских?

— Да, но к тому времени, когда они добрались сюда, «Гунны» исчезли. Полицейский Тэлбот сказал мне позднее, что он ездил во Флореандо и поговорил с «гуннами», но они просто все отрицали. Мне следовало бы подать формальную жалобу, но я боюсь того, что они могут сделать. Их отпустят под залог, а дело затянется на месяцы или годы... Ты останешься на ночь, не так ли, Вилли? Мне очень страшно.

— Конечно, я останусь. Да, и кстати об индейцах. Я хочу пригласить сюда одного. Может, он сумеет помочь.

— Индеец? О чем ты говоришь? Чтобы встать на тропу войны, как двести лет назад — нет, Вилли, нет, ты не сделаешь такой глупости. Ты всегда был разумным мальчиком, слава Богу. А что еще он может?

— Вот увидишь, когда он сюда приедет — если он приедет. Я думал... нет, подожди. Я встречу его в деревне. Если мне понравится его внешний вид, ты сможешь пригласить его в гости?

— Наверное.... Вряд ли кто-то заподозрит, что я завела себе краснокожего любовника, в моем-то возрасте. — Она захихикала, как девица.

Я позвонил по номеру, который мне дал Хэтэуэй и попросил Чарльза Х. Кэтфиша. Когда мужчина подошел к телефону, я сказал про Хэтэуэя и кратко описал проблемы моей тети. Потом я добавил:

— Хэтэуэй предположил, что вы сумеете нас выручить, воспользовавшись вашими...эээ...вашими особыми силами.

— Может, и так, — сказал Кэтфиш. — Если мне возместят потерю времени. Мне ведь нужно будет взять отгулы на работе.

— Чем вы занимаетесь, мистер Кэтфиш?

— Я продаю «Шевроле» в Кенморе. Сколько вы сможете заплатить?

Обсудив этот вопрос с Филлис Уайлдер, я вернулся к телефону и сговорился с Кэтфишем о размерах ежедневного гонорара. Он пообещал встретиться со мной в Пантер-Фоллз на следующий день.

— Во сколько? — спросил я.

— Как насчет обеда?

— Вам придется очень рано подняться. Ведь ехать нужно четыре или пять часов, даже по хайвэю.

Кэтфиш засмеялся.

— Я знаю. Вставать рано — это для меня не в новинку. Старая индейская привычка.

Той ночью к Уайлдер-фарм никто не приближался. Однако со стороны Флореандо доносились зловещие звуки: барабанная дробь и пение. Я полагаю, что проявил трусость — не прокрался туда и не узнал, что затевают «Гунны».

Я больше часа ждал Чарльза Х. Кэтфиша в Пантер-Фоллз. Не хочу делать никаких обобщений, но боюсь, что точность не относится к числу «старых индейских при-

вычек». Наконец подъехал новенький, блестящий седан «Шевроле».

Знахарь оказался пухлым субъектом, примерно моего возраста, в дорогой спортивной куртке, в галстук с индейским орнаментом и больших черных очках в роговой оправе. У него были жесткие темные волосы, подстриженные «ежиком». Следовало внимательно осмотреть его медную кожу и несколько сплюснутое лицо, чтобы понять: это настоящий индеец, а не просто загорелый полный человек средних лет.

— Привет, мистер Ньюбери, — сказал он. — Какие проблемы? Когда бледнолицые попадают в беду, они всегда обращаются за помощью к сукиным детям вроде меня.

За обедом в закусочной «Пантер-Фоллз» я подробно рассказал Кэтфишу о нашем деле.

— Надо подумать, — сказал он. — Возможно, старая Этсиноха выручит нас. Она конечно, уже не та, что прежде, поскольку у нее мало последователей; но все-таки великий дух — это великий дух.

Кэтфиш оказался разговорчивым весельчаком, хотя моим тетушкам многие из его шуток вряд ли понравились бы.

— Несколько лет назад, — сказал он, — со мной заключилась чертовски забавная вещь. В Итаке было собрание профессоров со всего мира — какое-то ученое общество. Ну, парни из Комелла решили показать этим лягушатникам, немчуре и всем прочим «даго» что-нибудь индейское. А у меня есть друзья, которые пытаются возрождать старинные танцы и обряды, и иногда мы устраиваем платные представления. Вот тут я и сказал — какого черта, почему бы и нет?

Я взяла Брэнта Джонсона и Джо Гэноджи, и двух мальчиков Джо, и мы отправились в Итаку с нашими перьями и барахлом. Конечно, я знаю, что никто из на-

стоящих ирокезов никогда не надевал военный убор индейцев, живших на равнинах. Старший мальчик Джо был единственным из нас, по-настоящему напоминавшим индейца племени сенека — правильный гребень волос и узкие брюки. Но эти иностранцы ни за что не заметили бы разницы.

И вот мы станцевали танец зерна, и военный танец, и все прочие, у озера Каюга, где эти мудрые старцы устроили пикник. Они нам аплодировали — все, кроме одного лягушатника, католического священника в длинном платье и большой шляпе. Он стоял спиной к нам.

Когда кто-то спросил, почему он не смотрел представление, французишка сказал: «*Je démontre contre les injustices infligés sur les peauxrouges!*» Понимаете по-французски? А этот парень не знал, что я выучил язык, я ведь работал в Квебеке. Тогда один из русских зарычал на него: «*Oui, u maintenant paritet les francais dans l'Algérie!*» Именно тогда алжирцы устроили французам такую заваруху, что те долго не могли оклематься.

Было неплохо увидеть, что кто-то сочувствовал несправедливости, жертвой которой стали краснокожие; но я был бы не против, если бы он посмотрел на наши танцы и поддержал бы наши попытки заработать на жизнь.

Мы вышли из забегаловки и остановились на тротуаре; Кэтфиш досказывал одну из своих историй. Пока он говорил, я заметил приближающихся к нам двоих мужчин. Одним из них был крупный, высокий, светловолосый парень, с которым я говорил во время визита во Флореандо.

Другой, также молодой, был ниже среднего роста и веса; он был чисто выбрит. Он носил не джинсовый костюм, а бриджи и сапоги для верховой езды. Я такие брюки и ботинки одеваю, когда отправляюсь кататься

верхом; но я все-таки человек старшего поколения. А молодые наездники сегодня не часто так одеваются, разве что на какие-то формальные мероприятия, вроде конноспортивных праздников. В остальных случаях — синие джинсы, часто с ковбойскими сапогами на высоких каблуках.

Когда эти двое подошли поближе, я заметил, что они слегка замедлили шаг. В этот момент «Зигфрид» в синих джинсах что-то сказал своему спутнику. Тогда они зашагали прямо к нам. Маленький, тот, что в бриджах, посмотрел мне прямо в глаза и сказал:

— Извините меня, но вы случайно не племянник миссис Уайлдер, Уилсон Ньюбери?

— Да.

— А я — Маршал Николсон. Рад познакомиться с представителем старинного семейства. — Он протянул руку, которую я без энтузиазма пожал. — И... ммм... — Он вопросительно посмотрел на Кэтфиша, который представился:

— Чарли Кэтфиш.

— Рад с вами познакомиться, мистер Кэтфиш. Это — Трумэн Фогель. — Николсон внимательно посмотрел на Кэтфиша. — Индеец?

— Да, сэр. Сенека.

— Мистер Ньюбери, — сказал Николсон, — Трумэн сообщил мне, что вы навещали нас на прошлой неделе. Сожалею, что не смог тогда встретить вас. Я понимаю также, что вы слышали разные истории о нашем маленьком клубе.

— И что же?

— Люди, знаете, неправильно истолковывают наши действия. Они рассказывают разные глупые сказки, просто потому, что нам нравится ездить на таких машинах. Я думал, что вы сможете заехать во Флореандо и поговорить обо всем. Это ведь нечто вроде вашего се-

мейного поместья, не так ли? Вы тоже, мистер Кэтфиш, можете приехать, если пожелаете.

Молодой человек был не лишен обаяния, хотя по опыту я знал, что таких милых дружелюбных людей следует опасаться. Мы с Кэтфишем обменялись взглядами.

— Будем рады! — повторил Николсон. — Мы в самом деле безвредны.

— Хорошо, — сказал я. — Когда?

— Прямо сейчас, если у вас нет никаких других планов.

Я и Кэтфиш на двух машинах последовали за двумя мотоциклами. Мы проехали по дороге между столбами и добрались до крытых ворот. На сей раз никаких других мотоциклов у здания припарковано не было.

Огромная гостиная переменилась со времен моего детства. Старые доски пола были сильно исцарапаны. Исчезли все фамильные портреты, изображавшие бородатых мужчин в одеяниях с высокими воротниками и женщин в шляпках с полями. Книжные полки опустели, осталось лишь несколько томов проповедей, которые не пожелал забрать ни один из потомков Абрахама Ньюберри. Единственные печатные издания, попавшиеся мне на глаза — груды комиксов и журналов о мотоциклах.

Одно окно было разбито и кое-как заделано листом пластмассы. Немногочисленные предметы мебелировки выглядели потрепанными; возможно, это объяснялось тем, что лучшие вещи забрали себе наследники.

Но появилась и одна новая деталь. В гостиной находился огромный камин, над ним была длинная каменная каминная доска. На этой полке обнаружилась коллекция шлемов — вроде тех, которые носят герои вагнеровских опер. У шлема, стоявшего в центре, была пара металлических крыльев, а у всех прочих — рога. Полагая, эти украшения были изготовлены из *папье-маше* и

покрыты металлической фольгой, но изучить шлемы поближе я не смог.

— Садитесь, джентльмены, — сказал Николсон. — Мы можем предложить вам пива.

— Спасибо, — ответил я. Когда Фогель вышел, Николсон объяснил:

— Понимаете, Вилли — ничего, что я называю вас «Вилли»? — это не просто еще одна банда волосатых молодых хулиганов, вот. Они были такими, когда я их повстречал, но теперь я дал им цель, дал им смысл жизни.

— Какую цель?

— Не что иное, как национальное возрождение — восстановление истинного американского духа, создание страны, подходящей для героев. Но нельзя построить прочный дом из *гнилого леса*, поймите. Это означает, что мы должны уничтожить некачественный материал.

Фогель вернулся с тремя банками пива. Он выдал по одной Кэтфишу и мне и взял третью себе. Я спросил Николсона:

— А вы ничего не будете?

— Нет. Я не пью. — Молодой человек взволнованно рассмеялся. — Вы можете назвать меня помешанным на здоровье. Но вернемся к разговору: нам нужен крепкий материал, чтобы создать крепкое здание. Это относится и к обществу — не только к домам и мостам. Следует отсечь все больное, все нездоровое.

— А как решить, где здоровое, а где — нет?

— О, бросьте, Вилли! Как представитель старинного англосаксонского семейства, вы должны знать. Здоровое — это старые, настоящие арийские скандинавы, который прибыл с Британских островов и из других частей Северной Европы и сделали эту страну тем, что она есть — или по крайней мере тем, чем она была прежде,

пока мы не впустили сюда орды биологически низших черномазых, евреев и итальяшек.

Я сидел молча, а Николсон продолжал:

— Научные доказательства неопровержимы, только марксисты их извратили, скрыли, оболгали. Но я не стану сейчас говорить обо всем подробно. Большинству людей так замутила мозги либеральная пропаганда, что они называют меня сумасшедшим, если я сообщаю им самые простые вещи, понимаете. Если мы сможем продолжить эту дискуссию позднее, я сумею доказать все свои утверждения. — Он обернулся к Кэтфишу. — Чарли, я слышал, что вы владеете особыми силами, которыми наделены некоторые индейцы. Это правда?

Очевидно, кто-то уже разнес слух о том, что я нанял шамана-индейца. Как распространились эти новости, мне не известно. Может, моя общительная тетушка все сообщила одной своих подруг по телефону, когда я вышел из дома. Я неплохо знал эти маленькие городки и потому не слишком удивился.

Круглое красное лицо Кэтфиша осталось непроницаемым. Он сказал:

— Я изучил несколько древних молитв и обрядов еще в молодости, и что?

— Такой человек, как вы, будет полезен для нашего движения. У ваших людей есть ценные качества.

— Я в общем-то не совсем нордический ариец, мистер Николсон, — сказал Кэтфиш.

— Не беспокойтесь об этом. Когда мы одержим победу, то сделаем индейцев почетными арийцами.

Я спросил:

— Ник, а как вы собираетесь отыскать друзей и повлиять на людей, позволяя своим бандитам запугивать мою старую тетушку?

— Да ведь мы никогда никого не запугиваем! Мы верим в то, что нужно быть вежливыми со старыми леди,

особенно старыми леди из нормальных англосаксонских семейств. Но... — Он заколебался. — ...знаете, когда я возглавил клуб, они ничем не отличались от всех прочих банд мотоциклистов. Приходится работать с тем материалом, который есть под рукой. Не следует ожидать, что все будут... ну... безупречными пуританами и прекрасными джентльменами, точно так же, как нельзя срубить дерево одним бритвенным лезвием. Они сильно изменились, но время от времени еще немного хулиганят. Это пройдет. Если бы мальчики узнали, что вы принадлежите к нашим сторонникам, я уверен, что у миссис Уайлдер больше не возникло бы никаких затруднений. А теперь мы ведь можем рассчитывать на вашу помощь, на вас обоих?

— Мне нужно это обдумать, — заметил я, и Кэтфиш пробормотал что-то подобное.

Я поднялся, не дожидаясь дальнейших уговоров, и сказал:

— Было очень интересно, Ник. Возможно, мы еще сможем к вам заглянуть. — Когда Николсон открыл рот, будто собираясь произнести речь, я указал на каминную доску и заметил: — Эти шлемы викингов заставили меня призадуматься. Если вы так защищаете скандинавский тип, то почему вы назвались «гуннами»? Согласно истории, гунны — это монголы, приземистые люди с раскосыми глазами, люди в меховых шапках, которые приехали из пустыни Гоби на косматых пони. Ничего общего с арийцами.

— О, это... — ответил Николсон. — Они назвались «гуннами» до того, как я стал лидером. «Готы» — куда лучше подходит, но я еще не сумел убедить ребят. В конце концов я своего добьюсь. Я также заставляю их пересест с японских машин на «Харлеи» и «Хускварны». Если они собираются покупать импортные мотоциклы,

по крайней мере могут их привозить из скандинавской страны, например, из Швеции.

— Спасибо за пиво, — сказал я и вышел.

Когда мы уезжали, Николсон и Фогель стояли на террасе и смотрели нам вслед. Мы выехали на шоссе, а потом двинулись на ферму. Когда мы припарковались и вышли из автомобилей, Кэтфиш произнес:

— Вот это да! Чувствую себя так, будто я сунул руку в нору, а там полно гремучек. Вы их, конечно, не обманули, сказав, что все обдумаете. Они знают, что у вас для них есть особый томагавк. И не думайте, что для них имеет значение это дерьмо насчет благородного краснокожего. Если я окажусь каким-то шаманом, то они сразу попытаются все выведать.

— Наверное, так, — согласился я. — А вот и моя тетушка. Тетя Филлис, это Чарльз Х. Кэтфиш; Чарли, это — миссис Уайлдер.

Кэтфиш, который выглядел слишком важным даже для индейца, усмехнулся.

— Восхищен, мэм. Я только что говорил вашему племяннику, что именно так и должна быть сложена настоящая женщина. Если бы у меня не было жены и пяти ребятишек, которых нужно содержать — непременно бы поддался вашему очарованию.

Хихикая, Филлис Уайлдер проводила нас в дом. Здесь все вещи были в беспорядке. Груды старой одежды и детских игрушек валялись во всех комнатах. Я спросил:

— Ты уже собираете вещи, тетушка Филлис, не дожидаясь продажи имения?

— Нет, Вилли. Просто хочу прибрать хотя бы часть барахла, скопленного четырьмя поколениями. Вот один образец. — Из кучи вещей она вытащила коричневый охотничий жакет с большими карманами. — Это принадлежало Питеру. (Питер Уайлдер — ее покойный муж.) Тебе не нужно?

Я снял свой пиджак и примерил жакет.

— Прекрасно сидит, — сказал я. — Спасибо; пригодится. — Я сообщил тете о нашем визите во Флореандо.

— Надо же! — воскликнула она. — Они дойдут до какой-нибудь дьявольщины. Вы сумеете нам помочь, мистер Кэтфиш?

— Могу попытаться, — сказал Чарли. — У вас найдется комната, где бы я мог в одиночестве провести остаток дня?

— Конечно. Прямо вверх по лестнице.

Я помог Кэтфишу отнести наверх три больших чемодана. Он заперся в комнате. Скоро оттуда донесся стук маленького барабана и странные песнопения, полагаю, на языке племени сенека.

Мы с тетей Филлис сидели внизу, обменивались семейными сплетнями и рассуждали о предполагаемой продаже фермы. Солнце уже садилось, когда Чарльз Кэтфиш появился на верхней лестничной площадке. Он медленно спустился к нам, а его голос казался слабым и хриплым. Теперь индеец не напоминал прежнего веселого болтуна.

— Я побывал в мире духов, — сказал он. — Этсиноха сделает, что она сможет. Она говорит, что «гунны» получили помощь от какого-то духа из-за моря. Зовут его вроде как «Даунер». Это имя что-то для вас значит?

Я задумался.

— Конечно! Она, должно быть, назвала Доннера или Донара, древнегерманского бога грома. Скандинавы называли его Тор, но Вагнер использовал немецкую форму в «Золоте Рейна». И что может для нас сделать эта... как ее там?

— Не ждите слишком многого. Силы духов ограничены, даже силы самых могущественных духов. Они могут указать путь в видениях и снах; они могут повлиять на погоду; они могут принести успех в играх в карты и

кости. Но бесполезно просить, чтобы Этсиноха схватила юного Николсона и окунула его в Черную Реку. Да, чуть не забыл!

Кэтфиш достал плоскую бутылку из-под виски и поставил ее на стол, сказав:

— Я нашел пустую бутылку в большой куче вещей, миссис Уайлдер. Надеюсь, вы не станете возражать, что я использовал сосуд. Вилли, то, что находится в бутылке, по виду и вкусу в точности напоминает обычную воду; но если ты сумеешь заставить Ника выпить это — он наверняка переменится.

Я сунул бутылку в карман охотничьей куртки.

— И как, ты полагаешь, я смогу этого добиться?

— Не ведаю. Вам придется что-нибудь придумать. Мне кажется, или вы в самом деле готовите что-то вкусное, мэм?

— Да, — ответила Филлис Уайлдер. — Обед будет готов через двадцать минут, с Божьей помощью. Вилли, ты можешь поработать барменом. Напитки в шкафу слева от печи. Итак, мистер Кэтфиш, что нам делать, если... если они снова устроят на нас набег?

— У тебя есть оружие, тетушка Филлис? — спросил я.

— У меня есть маленький ствол двадцать второго калибра, чтобы стрелять сурков в саду.

— Лучше хорошенько подумать, прежде чем браться за оружие, — заметил Кэтфиш. — Теперь в штате Нью-Йорк приняли такие законы, что если вы увидите грабителя, который вылезает из окна вашего дома с украденными вещами, вам нельзя в него стрелять. А если вы все-таки выстрелите, то они посадят вас в тюрьму за «чрезмерное применение силы». К тому же если он умрет, то вас ожидает наказание за непредумышленное убийство. А если он выживет, то предъявит вам иск на миллион долларов и, может статься, выиграет дело. Мы, индейцы, всегда были более практичными. Когда мы

находили какого-то парня, крадущего наши вещи — мы его тихо убивали, и дело с концом.

Я удалился к себе в комнату примерно в одиннадцать и только начал раздеваться, как послышался поистине адский шум. Рев мотоциклов вокруг дома смешался с криками, стонами и звоном бьющегося стекла.

Я мигом оделся и помчался вниз. Филлис Уайлдер и Чарли Кэтфиш оказались такими же приткыми.

— Тетушка Филлис, звони в полицию! — воскликнул я.

Дрожа и едва дыша от ужаса, тетя подняла телефонную трубку. Через несколько секунд Филлис прошептала:

— Вот дела, телефон сломан! Они, наверное, перерезали провода.

— Я сам попробую, — сказал я. Но тетя оказалась права.

Кэтфиш произнес:

— Скажите мне, где ближайшие казармы. Я поеду и приведу сюда гвардейцев, а вы пока позаботьтесь о миссис Уайлдер.

Филлис Уайлдер указала Кэтфишу направление, перекрикивая доносящийся снаружи шум. В окно влетела бутылка, которая упала прямо у моих ног.

Кэтфиш скрылся в гараже, примыкавшем к дому, но через несколько минут вернулся.

— Машина тоже не работает. Похоже, оторвали провода или испортили зажигание. Давайте попробуем вашу машину, Вилли.

Я попробовал — результат оказался тем же самым. Когда я рассказывал о своей неудаче, в окно влетел камень, ударивший меня в лоб. Я пошатнулся и едва не упал.

В обычной жизни — мне самому так кажется — я всегда остаюсь уравновешенным и спокойным. В моем

бизнесе это необходимо. Но изредка, примерно раз в год, давление возрастает, и мне приходится выпускать пар.

В углу гостиной была целая гора старых игрушек, там лежала и небольшая бейсбольная бита. Придя в себя, я обратил внимание на этот спортивный снаряд. Сделав пару шагов, я подхватил биту, распахнул парадную дверь и выскочил наружу.

— Вилли! — завопила тетя Филлис. — Вернись! Тебя же убьют!

Если бы в ту минуту мне сказали, что меня приговорят к смертной казни за чрезмерное применение силы — я даже глазом не моргнул бы. Я, конечно, вел себя подураски, но тут уж ничего не поделаешь.

Когда первый мотоциклист выехал мне навстречу из темноты, я ударил его прямо по шлему бейсбольной битой. Послышался треск пластмассы, и мотоциклист вылетел из седла. Мотоцикл без водителя скрылся в ночи.

И тут все они меня окружили, лучи их фар били по мне, как световые копья. «Гунны» не могли наброситься на меня — им мешали мотоциклы. Я отскочил, как матадор, уворачивающийся от быков, и нанес еще несколько ударов. Чьи-то крики доказывали, что удары достигали цели. А потом что-то ударило меня над ухом...

Я очнулся на полу в гостиной во Флореандо. В течение нескольких секунд я не мог понять, где нахожусь. У меня возникло странное ощущение, что я оказался в Аду; а потом я осознал, что дьяволы — это просто «Гунны» в рогатых шлемах. Голова моя раскалывалась и пульсировала как отбойный молоток.

— Ага, — послышался голос Николсона. — Он приходит в себя.

Я, морщась от боли, повернул голову и увидел, что Николсон надел шлем с крыльями.

— То, что Донар прописал, — заявил Ник. — Эй, держите его!

Я начал подниматься. Четверо парней набросились на меня, оттащили меня к стулу и усадили. Они привязали мои запястья к спинке стула, а лодыжки — к передним ножкам.

Теперь, когда в глазах больше не двоилось, а память вернулась, я обнаружил, что действительно покаялся с «гуннами». У одного рука висела на перевязи. У другого голова под шлемом была забинтована. Третий пытался остановить кровь, которая текла из сломанного носа.

Многие из них носили пластмассовые щитки, как футболисты, на плечах, груди и коленях. Вместе с оперенными шлемами и массивными ботинками это производило впечатление какого-то нелепого средневековья.

— Приготовь жертву, Трумэн, — сказал Николсон. — Возьмем тот старый пенёк из дровяного сарая. Вперед, затопите печь. Помните, мы должны сжечь все, и кости, и зубы. Берите его, парни.

Стул подняли и пронесли по длинному коридору на кухню, а потом выволокли через черный ход. Во Флорендо был огромный дровяной сарай, сохранившийся еще с тех времен, когда дрова были единственным источником тепла. Кто-то из моих предков установил паровую машину примерно в 1900-м, но в сарае все еще держали дрова для каминов. Даже в разгар лета ночи в тех краях бывают весьма прохладными.

Единственная лампочка освещала помещение. «Пень», о котором говорил Николсон, оказался цилиндрическим куском ствола, примерно тридцати дюймов в высоту и столько же в диаметре. Один из «Гуннов» наточил двуручный топор.

— Итак, — сказал Николсон, — вам известен ритуал призывания Донара. Гарри, следи за Ньюбери. Он может попытаться вывернуться, даже связанный — а нам

придется смотреть в другую сторону. Ну что, вы все выучили слова? Великий Донар, повелитель молний...

Наверху вспыхнула молния и донеслись отдаленные раскаты грома.

— Эй, вождь! — сказал «гунн». — У него есть что-то в кармане.

— Обыщите его, — сказал Николсон.

Из охотничьего пальто дяди Питера «гунн» вытащил бутылку из-под виски. Он захихикал:

— Надо же, старый пропойца!

— Выбрось это, — сказал Николсон.

— Нет, Ник, погоди! — воскликнул Трумэн Фогель. — Не стоит тратить попусту хорошую выпивку. — Он отвинтил пробку и фыркнул. Потом капнул жидкостью из бутылки на палец и лизнул. — Вот дерьмо! Кажется, обычная вода. Но зачем ему таскать с собой бутылку воды? Он, кажется, не собирался охотиться или ловить рыбу.

Мысль о том, что мне вот-вот отрубят голову палач-любитель, который, вероятно, не сумеет как следует справиться с делом, чудесным образом придала мне сил.

— Эй! — завопил я, впрочем, подозревая, что крик походил на карканье осипшей вороны. — Отдайте это мне! — Голова у меня затрещала сильнее.

— Тебе это не поможет, — сказал Фогель. — И вообще что у тебя в бутылке?

— Я не могу рассказать. Кэтфиш взял с меня обещание хранить тайну.

— Вот как? Мы с этим разберемся. Гарри, затяни-ка веревки потуже.

Гари подчинился. Я сыграл роль — ну, в общем, не то чтобы сыграл — человека, смело сопротивляющегося пыткам и затем сдающегося.

— Хорошо, я скажу! — простонал я. — Это волшебная вода ирокезов. Их знахари готовят ее, чтобы воины об-

рели силу и смогли одолеть всех врагов. Когда они получают достаточно этой воды, то надеются сбросить всех белых в океан.

— Ого, — сказал Николсон. — Ну, может, нам такая штука пригодится. У меня тоже есть враги, которых надо одолеть. Давайте-ка посмотрим.

Он взял у Фогеля бутылку, принялся, а потом попробовал.

— Вроде безопасно.

— Не надо! — закричал я. — Ты не знаешь, что с тобой станется!

— Пошел ты, старик, — сказал Николсон. — Тебя, знаешь ли, это уже не касается. — Он осушил бутылку в несколько глотков.

— Вроде бы хорошая, чистая вода, — сказал он. — Отлично, перейдем к делу.

— И к его голове, — сказал Фогель. «Гунны» засмеялись. — Стэн, вы с Майком тащите Ньюбери к пню.

— Ты хочешь, чтобы мы его развязали? — спросил «Гунн».

— О Боже, нет! Это ведь не слабак какой-нибудь, пусть он и седой старикашка. Возьмите стул и поставьте так, чтобы шея Ньюбери была на пне — ну... вы поняли, что надо сделать.

Меня, по-прежнему связанного, подтащили к пню и уложили на него. Повернув голову, я смог увидеть продолжение церемонии. «Гунн» с топором встал рядом и поплевал на ладони.

— Теперь повторяйте за мной, — сказал Николсон: — Великий Донар, повелитель молний...

— *Великий Донар, повелитель молний...* — повторили прочие «гунны».

— И бог бессмертной, неодолимой скандинавской арийской расы...

— И бог бессмертной, неодолимой скандинавской арийской расы...

— Мы приносим в жертву тебе человека...

— *Мы приносим в жертву тебе человека...*

Среди облаков сверкнула молния, загрохотал гром.

— Взамен мы просим, чтобы ты сокрушил молниями нашу врагу... — Николсон плохо знал английский язык Библии короля Иакова. «Гунны», как обычно, повторили его слова.

— Начиная с Филлис Уайлдер, Исайи Розена и Пола Гира...

— И чтобы ты даровал нам знак...

Молния и гром повторились, но звук был уже слабее.

— Громче, мы молим тебя, великий Донар!

На сей раз гром был еле слышен. Николсон сказал:

— Сегодня ночью он не в духе.

— Давайте по-быстрому разберемся с Ньюбери, — сказал Фогель. — Сегодня четверг, и мы не можем ждать еще неделю, когда снова настанет подходящий день.

— Держи топор наготове, Фрэнк! — сказал Фогель. — Подожди, пока я не дам сигнал. Но... это забавно. Что *war ich...* что я собирался сказать? Я... а... ах... — Он с удивлением осмотрелся по сторонам. — И *fur ein Unsinn...* — Он разинул рот и схватился рукой за горло.

— Тебя отравили, Ник? — спросил Фогель. Другие «гунны» встревожено перешептывались.

Вроде бы собравшись с силами, Николсон закричал, отчаянно жестикулируя:

— *Wir wollen wiederherstellen die Einheit des Geistes und des Willens der deutschen Nation! Die Rasse liegt nicht in der Sprache, sondern im Blute...*

«Гунны» изумленно смотрели друг на друга. Один спросил:

— Эй, Трумэн, он что, спятил?

— Да не знаю я, — сказал Фогель. — Мы ведь не можем отвести его к этому доктору-еврею...

Из-за угла сарая выскочил один из «гуннов».

— Облава! — завопил он. — Спасайтесь, парни!

«Гунны» затихли и помчались в разные стороны. До того мне ни разу не случалось видеть, чтобы толпа так быстро рассеялась. Но вот ярко засверкали фар и заревели двигатели. «Гунны» помчались прочь, укатив по лужайкам и по лесу, как только на дороге показались два автомобиля полиции штата. К тому времени, когда четверо патрульных появились возле дровяного сарая, держа наготове револьверы, внутри оставалось только два человека — я сам, до сих пор привязанный к стулу, и Маршал Николсон. Лидер банды вытянул правую руку вверх и вертел плечом так, будто стучал кулаком по невидимому столу, не прекращая разглагольствовать:

— ...*Wer ein volk retten will, kann nur heroisch denken! Der heroische Gedanke aber muss stets bereits sein, auf die Zustimmung der Gegenwart Verzicht zu leisten, wenn die Wahrheit und die Wahrheit es erfordert!*

— Мы выбрались из дома после того, как они вас схватили, — сказал Чарли Кэтфиш, — и пошли пешком по дороге, пока не нашли, откуда можно позвонить.

— О, мои бедные ноги! — стонала Филлис Уайлдер.

Мы стояли в переполненной приемной доктора Розена, двое патрульных держали Маршала Николсона, на которого надевали наручники. Джек Николсон сидел рядом, закрыв лицо руками. Молодой Ник все еще произносил речи на немецком. На вопросы на английском он не отвечал.

Розен закончил осмотр — по крайней мере, сделал все, что мог сделать с таким буйным пациентом. Он спросил:

— Мистер Ньюбери, вы говорите по-немецки?

— Немного. Я провел некоторое время в Германии после войны, но с тех пор почти все позабыл.

— Читать по-немецки я могу, а вот говорить — нет. Спросите его, когда он родился.

— *Wann waren Sie geboren?* — обратился я к Нику.

Он прервал свои разглагольствования:

— *Warum?*

— *Tut nichts! Sagen Sie mir.*

— *Der zwanzigste April, achtzehnhundert neunundachtzig.*

— Двадцатого апреля тысяча восемьсот восемьдесят девятого, — перевел я Розену.

Один патрульный пробормотал:

— Это он, выходит, старше собственного отца.

Розен спросил:

— Мистер Николсон, назовите дату рождения вашего сына?

Старый Николсон поднял голову.

— Тридцатого апреля девятьсот сорок пятого.

— Он когда-нибудь изучал немецкий?

— Я об этом ничего не знаю. Он и среднюю школу не закончил.

Розен погрузился в размышления.

— Вам придется сдать его под надзор, мистер Николсон, — сказал он. — Другого выхода я придумать не могу. Мы подготовим документы. В Утике есть хорошее заведение...

Это было в те времена, когда еще не приняли судебное постановление, оставляющее душевнобольным свободу передвижения, если они не докажут свою опасность, кого-нибудь укокошив. Когда патрульные удалились вместе с Николсонами, я спросил Розена:

— Док, а что там насчет дат рождения?

— Мистер Ньюбери, я говорил вам, что не верю ни в какие сверхъестественные случаи. Но какое странное совпадение: Адольф Гитлер родился 20 апреля 1889-го;

и он покончил с собой в Берлине в тот самый день, когда родился Маршал Николсон. Кроме того, я читал речи Гитлера в оригинале.

— Читали? Это немного странно...

— Отнюдь. Когда вы узнаете, что кто-то собирается вас убить, будет вполне естественно узнать о нем все, что возможно, для того чтобы суметь защитить себя. Немецкие слова, которыми сыпал Ник — фрагменты из речей Гитлера. Мне следовало бы все проверить — до-словно я, разумеется, их не помню — но все слова показались мне знакомыми. Мистер Кэтфиш, что было подмешано в ту воду, которую мистер Ньюбери передал Нику?

— Обычная вода из-под крана, — сказал Кэтфиш, — но я молился Этсинохе, чтобы она даровала этой воде особую силу — забрать у человека память. — Мне он шепнул: — Донар задал ей настоящую трепку, но все духи обретают истинную силу лишь на своей родной земле.

— Ты хочешь сказать, — заметил я, — что Ник — реинкарнация Адольфа Гитлера? Я понимаю, как все это могло сработать. Если ты стер его воспоминания об этой жизни, то он остался только с памятью о предыдущей жизни. Таким образом, он решил, что все еще остается Гитлером — и это его сбило с толку. Вот он находится в бункере и собирается застрелиться; а через мгновение он уже в дровяном сарае посреди штата Нью-Йорк...

— Что вы, что вы! — сказал Розен. — Я же вам говорил, что не верю в эту ерунду. Мое дело — излечивать людей от того, что их беспокоит, а для этого мне необходимы строго научные взгляды. Но я решил, что это могло бы вас заинтересовать. Вас, наверное, нужно подвезти до дома, ведь ваши автомобили выведены из строя?

— Нет, спасибо, — сказал я. — Патрульный Тэлбот предложил отвезти нас на ферму. Он ждет снаружи.

— Ну, тогда доброй ночи. И миссис Уайлдер, вам просто необходимо воздерживаться от конфет и крахмала!

Пурпурные птеродактили

Я — самый обычный, ничем не выдающийся человек, таких еще поискать: средний представитель среднего класса, средних лет; инженер по образованию, банкир по воле обстоятельств; у меня хорошая жена, хорошие дети, хороший дом и хороший автомобиль. Но со мной случаются невероятные вещи.

Когда дети достаточно подросли, чтобы самостоятельно о себе позаботиться летом, мы с Дениз решили провели отпуск на побережье. Моя кузина Линда, у которой там есть дом, с восторгом рассказывала об Оушен-бэй. И вот мы сняли квартиру в странном деревянном доме в одном квартале от пляжа. Это случилось еще до того, как вдоль береговой линии выстроились бесчисленные кондоминиумы, похожие на бетонные грибы. Можно было прогуливаться по пляжу, ни на кого не наступая и не опасаясь, что в глаз вам попадет фризби.

Мы плавали, мы загорали, мы гуляли по набережной. На второй день Дениз сказала:

— Вилли, старичок, почему бы нам не навеститься в парк развлечений?

Она сказала это по-французски; мы привыкли так беседовать в семейном кругу. Это ее родной язык, и я постоянно пытаюсь практиковаться. Мы хотели, чтобы и наши дети говорили на обоих языках, но успеха добились лишь в одном из трех случаев.

Мы прошли мимо до пирса и парка. Там была обычная комната смеха, американские горки и тир. Был астролог, который называл себя Свами Кришна. Были аттракционы, где нужно было метать дротики в воздушные шары, сбивать фанерных кошек или забрасывать

мячи в корзины. Эти корзины были поставлены так хитро, что, когда мяч попадал прямо в центр, его выбрасывало назад, и очко не засчитывалось. А если посетитель с огромным трудом добивался успеха — он получал в награду игрушечных медвежат, резиновых змей и подобное барахло.

Обычно подобные игры меня не привлекают. Впрочем, одна показалась более оригинальной.

Следовало купить за полдоллара три надувных кольца, четырех или пяти дюймов диаметром. Нужно было набросить кольца на три небольших столбика, несколько футов высотой, стоявших в ярде от игрока. В аттракционе было три группы таких столбов, образующих три стороны квадрата.

Верхняя часть каждого столба была конической формы, и забросить кольцо на острие этого конуса казалось легким делом. Для победы, однако, кольцо должно было съехать вниз, к основанию столба, квадратного в поперечнике и довольно широкого; диаметр кольца в точности соответствовал размеру столба. Почти всегда кольцо зацеплялось за углы квадратной части столба и останавливалось на полпути. Следовало надеть кольца на все три столба, чтобы выиграть приз.

Призы оказались еще более оригинальными: стая птеродактилей из плюша и проволоки. Они были разных форм и размеров, некоторые с длинными хвостами, некоторые с короткими, некоторые — зубастые, а некоторые — с длинными, беззубыми клювами. У самого большого размах крыльев достигал ярда. Птеродактилей сделали так, что их легко было подвесить к потолку как подвижные игрушки. Если поднимался сильный ветер, можно было закрепить крылья и играть с ними как с бумажными змеями. Все птеродактили были выкрашены в пурпурный цвет.

— Пурпурные птеродактили! — воскликнул я. — Дорогая, я хочу заполучить одного.

— О, *mon Dieu!* — воскликнула Дениз. — И что ты собираешься с ним делать?

— Повешу у себя в кабинете, я полагаю.

— Тебе не стоит вешать эту штуку в таком месте, где могут увидеть люди. Что ты нашел в этих чудовищах?

— Наверное, все дело в названии, в аллитерации. Только это не настоящая аллитерация, ведь в слове «птеродактиль» не произносится буква «п». Вот и получается зрительная рифма... ну, я хотел сказать — зрительная аллитерация.

— Возможно — на английском языке. Но во французском «п» произносится: п'теро-дакт-Иль. Вот в чем проблема английского языка; никогда не знаешь, произносится ли буква в начале слова.

— Как в слове «knife», к примеру? Ну, говоря по-французски, никогда не знаешь, произносится ли буква в конце слова. Дай-ка я попытаю удачу.

Владелец аттракциона оказался низким, упитанным, лысым человеком примерно моих лет, с большими темными усами. Концы усов были натерты воском и приподняты на манер *Schnurrbart*, которые некогда носил кайзер Вильгельм II.

Мужчина продал мне набор колец, и я начал бросать... Потратив десять долларов и шестьдесят колец, я не приблизился к своему пурпурному птеродактилю.

— Вы продадите мне одного из них? — спросил я хозяина балагана. — Сколько?

Человек чуть заметно поклонился.

— Мне очень жаль, сэр, — произнес он с акцентом, — но они не продаются. Или вы их выиграете, или ничего не получите.

Я посмотрел на Дениз и понял, что мне не стоит прямо сейчас расхотеть состояние семейства Ньюбери на

каких-то мезозойских рептилий. Когда мы уходили, я проворчал что-то вроде:

— Я раздобуду одну из этих вещей, даже если это будет стоить мне...

— Ты говоришь, что мы не можем позволить себе «Мерседес», — заметила Дениз, — а сам швыряешь деньги на этих отвратительных...

— Ну, во всяком случае, — произнес я, чтобы сменить тему, — если мы сейчас отправимся домой, то еще успеем поплавать до ужина.

— Вилли! — воскликнула она. — Ты сегодня уже плавал. Волны очень сильные, к тому же ты можешь обгореть на солнце. Не стоит убиваться, пытаясь доказать свою силу! Не забывай — мы уже не молоды.

— Может, я и не молод, — сказал я, усмехнувшись, — но я еще могу делать некоторые вещи, на которые способны молодые люди.

— Да, я знаю. Ты уже делал это сегодня утром. Однажды ты перестараяешься со своими мужскими амбициями — и у тебя случится сердечный приступ прямо во время...

— Лучшей смерти я и придумать не могу.

— Но подумай о своей несчастной жене! Кроме того, что я не хочу становиться вдовой, представь себе, как неловко будет объяснять все это полицейским!

На следующее утро мы отправились купаться и загорасть. На пляже мы повстречали нашего знакомого хозяина пурпурных птеродактилей — на сей раз он сам стал пурпурным от солнца. Он был в узких плавках; привлекали внимание седые волосы на груди и выпуклость пониже живота; это был выразительный аргумент против нудизма. Он плавал, поскольку вода смыла помаду с его усов, так что концы их опустились, как у доктора Фу-Манчи. Орудую детским совком, разглаживал песок вокруг себя.

— Привет, — сказал я. Ведь никогда не знаешь, кто из случайных и, казалось бы, неподходящих знакомых может стать деловым партнером в банковском деле. — Как дела с птеродактилями?

— Дела идут хорошо, — ответил он. — Трех птерозавров вчера выиграли, вот так-то. Видите, люди действительно иногда побеждают. Я сожалею, что вам не повезло. Вам нужно еще раз попробовать.

— Я вернусь, — сообщил я. — А вы приезжаете сюда каждый день перед открытием?

— Да. У меня больше нет свободного времени, так как приходится работать с полудня до полуночи. Это не легкое дело.

В ответ на мои расспросы он рассказал кое-что об экономике парка аттракционов.

— Простите, пожалуйста, — спохватился он. — Позвольте мне представиться. Я — Ион Манью, к вашим услугам. К сожалению, не могу вручить вам свою карточку.

— Уилсон Ньюбери, — сообщил я.

Он медленно повторил имя, как будто оно для него действительно что-то значило.

— А полностью?

— Вудро Уилсон Ньюбери, если вам интересно, — сказал я, — но я никогда не пользуюсь именем «Вудро». Когда увидимся с вами днем — сможем обменяться карточками. — Я подумал, что мистер Манью придает чрезмерное значение условностям, но решил от него не отставать.

Днем моя кузина Линда предложила Дениз отправиться в один из бесконечных женских походов по магазинам — посмотреть на сотни вещей в десятках лавочек и, вероятно, ничего не купить. Во время этих сафари мои колени уже через час начинают подгибаться, как у старого боксера-профессионала.

Я извинился перед дамами и отправился к палатке Манью. В итоге я выбросил коту под хвост еще пять долларов.

Я должен был встретить дам в магазине подарков и сувениров, объединенном с почтовым отделением, на Атлантик-авеню. Дожидаясь их, я осмотрел большую корзину, полную старых колец, продававшихся по четвертаку за штуку. Это были небольшие медные вещицы с кусочками цветного стекла, для развлечения детей отдыхающих. Некоторые были довольно сложной формы, с извивающимися змеями, черепами и костями.

Я посмотрел и даже коснулся рукой этих колец, не собираясь их покупать (наши собственные дети уже стали слишком взрослыми для подобных штучек), но прошло время, и я задумался о затратах, прибыли и развитии производства таких вещиц. И вот я увидел кольцо, которое, казалось, отличалось от других. Я его примерил — и оно подошло.

Оно было таким же тусклым и пыльным, как остальные, но более массивным. Оно показалось гораздо тяжелее, чем можно было ожидать от медного кольца такого размера. Это, впрочем, ничего не значило; кольцо могло быть изготовлено из свинца и покрыто напылением. Казалось, когда-то на кольце был очень сложный орнамент, но теперь прежние горы и долины стерлись, от них остались лишь едва заметные следы.

Я осмотрел камень — большой, зеленый, гладкий, полированный, но неограниченный, с естественными впадинами и выступами; как будто изготовитель кольца взял из русла ручья обычную гальку.

Я дал кассиру четвертак, надел кольцо на палец и почти тут же встретил дам. Линда начала рассказывать о заседании женского клуба, на котором она убедила меня выступить, после непродолжительных родственничьих уговоров. Потом Дениз заметила кольцо.

— Вилли! — произнесла она. — Что ты тут натворил?

— Всего лишь купил кольцо; оно лежало среди разного барахла в корзине вот там, и оно мне понравилось. Всего-то двадцать пять центов — вроде бы ничего страшного?

— Дай мне посмотреть, — сказала Дениз. — *Hein!* Это, мне кажется, совсем не похоже на так называемое барахло. Слушай, мы только что побывали у мистера Хагопяна, ювелира. Давай вернемся и спросим его, сколько стоит эта штука.

— О, девушки, — сказал я, — не надо делать глупости. Алмаз в мусорном ящике найти нельзя.

— Как ты сам сказал, — настаивала Дениз, — «вроде бы ничего страшного»? Пойдем; это всего в одном квартале отсюда.

Хагопян взял лупу и изучил кольцо.

— Не стану утверждать наверняка, — сказал он, — но это, похоже, настоящее золото, а камень — цельный изумруд. В таком случае кольцо может стоить тысячи. Конечно, следует все проверить, чтобы убедиться... Где вы его взяли?

— В самом неподходящем месте, — ответил я.

— Да, в самом деле — неподходящее... Уже на протяжении четырехсот или пятисот лет почти все ювелиры используют только граненые драгоценные камни. А раньше ювелиры просто слегка шлифовали камни и пытались убрать очевидные дефекты, сохранив как можно больше материала.

— И оправа относится к очень древним временам — разве что кто-то изготовил исключительно точную копию подлинного старинного кольца. Если вы оставите его здесь на несколько дней, чтобы оценить...

— Я об этом подумаю, — сказал я, забирая кольцо. Хагопян мог быть кристально честным (по правде ска-

зять, я думаю, что он таким и был), но прежде чем оставлять у него вещь, следовало о нем побольше узнать.

Следующее утро выдалось пасмурным. Когда мы пришли купаться, то увидели Манью, наполовину зарывшегося в песок — наружу торчали только плечи, руки и голова. Он старательно присыпал тело песком. Я спросил:

— Мистер Манью, если вам нравится загорать, то зачем вы зарываетесь в песок? Солнечные лучи сквозь него не проходят.

— У меня есть теория, мистер Ньюбери, — пояснил он. — Энергетические вибрации способствуют омоложению. Вы придете сегодня ко мне в палатку? — Он посмотрел на меня с какой-то странной усмешкой; я даже задумался: а не спит ли он в гробу, полном земли из Трансильвании.

— Возможно, если не пойдет дождь, — ответил я.

Дождь все-таки пошел, и мы отказались от прогулки. Дениз писала письма в гостиную, а я разулся и прилег вздремнуть.

А потом меня разбудил повторяющийся ритмичный звук — как будто кто-то пищал. Когда мой сон прервался в третий раз, я сумел определить источник. Звук доносился из кресла-качалки, которое стояло на маленькой террасе нашей квартиры. Кресло и терраса были влажными от дождя. В кресле никого не оказалось, но оно отчего-то раскачивалось.

Решив, что ветер качает это легкое алюминиевое сооружение, я передвинул кресло подальше от края террасы и вернулся в кровать.

Меня снова разбудил тот же звук. Я выскочил на террасу. Кресло снова качалось, хотя никакого ветра не было. Соседнее кресло, стоявшее на открытом месте, стояло неподвижно. Я выругался, посмотрел на небо, покрытое тучами, перевернул оба кресла и вернулся в постель.

Мне показалось, что потом я проснулся — и увидел странного человека, сидевшего на второй кровати и смотревшего на меня.

Это был мужчина среднего роста, очень смуглый, с коротко подстриженными темными усами. Его одежда была современной; я бы назвал ее «дешевой и роскошной»: полосатые брюки, кричащий галстук с булавкой и несколько колец. (Впрочем, Дениз всегда настаивает на том, что мне следует покупать более яркую одежду. Она говорит, что банкир *не должен* одеваться как гробовщик.) еще я запомнил, что на голове у мужчины была большая, свободная панама.

Я был совершенно твердо убежден, что все происходит во сне. Иначе я бы вскочил и спросил: «Кто вы, черт побери, и что вы здесь делаете?» А я вместо этого лежал, улыбался, а потом сказал:

— Привет!

— Ах, мистер Ньюбери! — сказал мужчина. Он тоже говорил с акцентом, хотя и совсем не так, как Манью. — Да пребудет с вами мир. Я к вашим услугам.

Я замялся:

— А... кто... кто вы?

— Хабиб аль-Лаяши, к вашим услугам, сэр.

— Вот как? Но кто... как... о чем вы вообще?

— Все дело в кольце, сэр. Это кольцо с изумрудом Второй Династии Киш. Я — раб кольца. Когда вы повернете кольцо на пальце три раза — я должен буду исполнить ваше повеление.

Я прикрыл глаза.

— То есть вы... что-то вроде джина из «Арабских ночей»?

— Джинна, сэр. О, я понимаю. Вы ожидали, что я буду в средневековых одеяниях, в тюрбане и халате. Уверяю вас, сэр, мы, *джинны*, стараемся не отставать от времени, точно так же, как смертные.

Вы могли бы подумать, что такой подозрительный и хитрый человек, как я, просто посмеется и прикажет гостю удалиться. Я, однако, повидал в жизни немало странных вещей, и так просто отпускать мистера аль-Лаяши не собирался. Я сказал:

— И какие приказы вы исполняете?

— Я могу помогать вам в мелочах. Могу проследить, чтобы вы получили самый лучший стейк в ресторане, или чтобы вы вытянули из колоды всех тузов и угадали нужную карту.

— А что-нибудь вроде вечной молодости для моей жены и меня?

— Увы, нет, сэр. Я — всего лишь слабый джинн и могу оказывать только мелкие услуги. Все сильные джинны подчиняются нефтяным шейхам и крупным корпорациям.

— Гммм... — протянул я. — Если я бы узнал, какие верховные джинны каким корпорациям служат, то сумел бы влиять на курсы ценных бумаг...

— Ах, нет сэр, я очень сожалею; но эта информация засекречена.

— И сколько времени продлится ваша служба? Три желания и все?

— Нет, сэр. Вы останетесь моим господином, пока вы владеете кольцом. Когда оно перейдет к кому-то другому, я последую за кольцом.

— И вам нравится эта работа, Хабиб?

Аль-Лаяши поморщился.

— Тут все зависит от господина, как и во всяком рабстве. Существует движение за освобождение джиннов... но не надо об этом задумываться, сэр.

— А есть ли какой-то способ избавиться от этой неволи?

— Да, сэр. Если один из моих хозяев будет так благодарен за оказанные ему услуги, что добровольно отдаст

мне кольцо — тогда я свободен. Но за три тысячи лет ничего подобного не случилось. Вы, смертные, хорошо понимаете, что вам нужно. Вам необходимы наши услуги — хотя иногда вы и обещаете нам свободу.

— Давайте перейдем к делу, — сказал я. — Есть хозяин аттракциона... — И я рассказал Хабибу о пурпурных птеродактилях. — В следующий раз, когда я стану бросать кольца в палатке Манью, я хочу выиграть одну из этих вещей.

Аль-Лаяши снял панаму и почесал в затылке, продемонстрировав мне маленькие рожки.

— Думаю, что сумею это сделать, сэр. Положитесь на меня.

— Но пусть это будет не слишком явно, иначе он может что-то заподозрить.

— Понимаю. А теперь, сэр, ложитесь и спокойно спите. Я сегодня не стану вас более тревожить.

Я сделал так, как он сказал, и проснулся в хорошем настроении. Постель Дениз была не смята — не осталось никаких доказательств того, что на кровати сидел *так называемый* джинн. Я решил, что не следует рассказывать Дениз о случившемся. Вместо этого я занялся текстом своего выступления в женском клубе Линды.

Следующий день был ясным и ветреным. Манью лежал на пляже, видны были по-прежнему только руки и голова.

— Доброе утро, мистер Манью, — сказал я. — Простите за откровенность, но вы производите слегка жутковатое впечатление.

— В чем дело, мистер Ньюбери?

— Похоже на то, что кто-то положил вашу отрубленную голову на эту кучу песка.

Манью усмехнулся.

— Приезжайте ко мне сегодня днем, и вы увидите, что моя голова крепко связана с моим телом.

Я так и поступил. Первые три кольца застряли на квадратных отрезках столбов. Из следующих трех колец одно опустилось вниз до конца. С третьей попытки я сделал два попадания. В четвертый раз все три кольца коснулись оснований столбов.

Манью широко открыл глаза.

— Боже мой, мистер Ньюбери, вы очень быстро добились успеха! Какого птерозавра вы пожелаете?

— Вот этого, пожалуйста, — ответил я, указывая на длинноклювого *птеранодона*.

Манью снял приз, сложил крылья и показал мне, как их снова раздвинуть.

— Приходите завтра, — сказал он. — Вам никогда не удастся повторить этот подвиг, ха-ха!

— Посмотрим, — заметил я. Я отнес свой приз домой, к превеликому неудовольствию Дениз. Ей не понравилось, как на нас таращили глаза на набережной, когда я шел домой, держа динозавра под мышкой.

На следующий день я вернулся в парк аттракционов, не обращая внимания на протесты Дениз:

— Вилли, ты здоровый *pataud*, куда... ты поставишь еще одно такое чудовище?

— Место я найду, — сказал я. — Этот ганиф бросил мне вызов, и я ему покажу.

Я так и сделал, забрав на сей раз зубастого *диметродона*.

На следующий день Манью не оказалось на его обычном месте на пляже. После обеда я задремал, а когда проснулся — увидел в комнате аль-Лаяши.

— Мистер Ньюбери, — заговорил он, — вы собираетесь еще раз выиграть приз у мистера Манью?

— Я об этом думал. А в чем дело?

— Могут возникнуть трудности, сэр. Мистер Манью разозлился на вас — вы выиграли у него двух летающих ящериц. Он так дела не оставит.

— Вот жлоб! Он же сам мне говорил, что трех птеродактилей у него выиграли несколько дней назад.

— Он солгал. Сомневаюсь, что за весь сезон он расстался хотя бы с одним призом.

Ну и что?

— Он оплатил услуги одного из моих товарищей. Теперь его защищает джинн.

— Это означает, что вы не сможете справиться с кольцами?

— О, я думаю, что смогу все сделать, как и раньше — может, не с такой легкостью. Но этот мой коллега может доставить вам неприятности.

— Какие неприятности?

— Я не знаю. Но ибн-Муса, конечно, может повредить вам.

— Почему же вы не защитите меня — тем более что другой джинн защищает Манью?

— Я не могу быть в нескольких местах одновременно — как и вы. Если он использует объекты материального плана, над которыми я не имею власти, то я не смогу его остановить.

— Где Манью раздобыл своего духа? Получил другое кольцо?

— Нет, сэр. Он взял джинна в аренду у астролога с набережной, у Свами Кришны. На самом деле астролога зовут Карлос Хименес, но это неважно. Он использует этого джинна, чтобы некоторые мелкие астрологические предсказания сбывались. Вы по-прежнему хотите испытать свою так называемую удачу?

— Да, — ответил я.

Когда я купил у Манью кольца и начал их бросать, то снаряды, конечно, летели уже не так, как прежде. Они раскачивались в воздухе и нерешительно падали на столбы. Я потратил несколько долларов, прежде чем добился успеха. Когда одно кольцо начало опускаться

вниз, оно достигло нижней части столба, потом снова начало подниматься, пару раз подпрыгнуло — и только потом остановилось.

Манью следил за происходящим, кусая нижнюю губу. Я мог представить, как два незримых существа сражаются за кольцо: один пытается подтолкнуть снаряд, а другой — сбросить его со столба.

Я ушел с прекрасным *Rhamphorhynchus*, у которого такой маленький выступ на конце хвоста. Вощенные кончики усов Манью дрожали, как у кота.

Мне захотелось прогуляться под парусом. На следующий день после того, как я выиграл свой третий приз, я отыскал лодку, о которой мечтал. Это был шестнадцатифутовый шлюп «Психея», его сдавал в аренду «Парусный Клуб Рэмот-бэй». Оушен-бэй располагался на длинной полоске земли, по одну сторону был Атлантический океан, по другую — мелкие воды Рэмот-бэй.

В тот день, однако, стоял почти полный штиль. Поскольку на лодке не было двигателя, не имело никакого смысла выходить в море. Вместо этого я вернулся на набережную и выиграл еще одного птеродактиля. Манью подпрыгивал от волнения.

— Это неслыханно! — восклицал он. — Должно быть, вам помогают сверхъестественные силы!

— Так вы хотите, чтобы я больше не играл? — спросил я с невинным видом. Он отлично знал, что мне помогает джинн — ибн-Муса сообщил ему; а я знал, что ему об этом известно.

Сказать по правде, я уже утратил интерес к коллекционированию этих огромных игрушек. Наверное, какое-то ребяческое стремление к соперничеству вынуждало меня продолжать и забирать у этого мошенника все новые призы.

Я, однако, предполагал, что как бы сильно Манью ни стремился сохранить своих птеродактилей — он все-

таким не хотел терять деньги, которые приносили ему мои посещения, не говоря уже о рекламе. Призы, вероятно, стоили не больше того, что я платил за снаряды.

Манью пыхтел, краснел и пытался справиться с охватившими его противоречивыми чувствами.

— Нет, нет, ничего подобного, — сказал он. — Приходите, когда пожелаете. Я — честный человек.

В тот вечер предстояло собрание женского клуба. Мы оделись и поужинали у Линды вместе с ней и ее мужем. Они развлекали нас местными сплетнями: один из членов совета попался на воровстве из муниципальной кассы, а в округе появилась банда мотоциклистов, устраивавших ограбления. А потом мы отправились в маленький зал.

Я — не прирожденный оратор. Имея на руках написанный текст, я могу его прочитать, заглядывая время от времени в бумаги и стараясь не тараторить и не растягивать слова. Но без записей, иносказательно выражаясь, я тут же спотыкаюсь и падаю. На сей раз у меня был при себе текст лекции; листы были сложены во внутреннем кармане пиджака.

Когда леди собрались, начались обычные утомительные дела: избрали секретаря, казначей представил отчет, должникам напомнили о выплатах взносов, комитеты представили резюме и так далее.

Наконец председатель (я решительно отказываюсь называть ее «председательствующим лицом») пригласила меня и выразительно представила:

— ... итак, мистер Уилсон Ньюбери, первый вице-президент «Трастовой компании Харрисона», расскажет нам о важности трастовых фондов для женщин.

Я встал, надел очки и выложил на кафедру текст своего доклада.

Листы оказались чистыми.

Я, возможно, тарачился на них всего лишь несколько секунд, но казалось, что прошел целый час. Я тут же решил: это — одна из уловок ибн-Мусы.

Эта мысль, однако, мне облегчения не принесла. Оставалось только одно: произнести речь без бумажки. Я ринулся в бой.

Это была дурная речь, невзирая на то, что я неплохо знал свой предмет. Даже Дениз, которая всегда была ко мне снисходительна, потом на это намекнула. Но с основными тезисами я справился:

— ...теперь...эээ... позвольте рассказать вам об... угу... реверсивных кредитах. Ммм... Ага. Они сочетают некоторые... эээ... особенности отзывных и... ммм... безвозвратных кредитов. Это... ммм... эээ... временное обязательство, часто называемое... эээ... «обязательство Клиффорда», в честь налогоплательщика, который... гм... эээ... в 1934-м поставил в тупик Федеральную резервную систему. Такой... эээ... кредит...

Я наконец закончил речь, выслушал неискренние благодарности дам и вернулся домой вместе с Дениз. Когда я снова посмотрел на свою рукопись, весь текст оказался на месте.

На следующий день, я пошел к Манью, чтобы отомстить. Я своего добился. Я ушел с *двумя* пурпурными птеродактилями; когда я удалялся, Манью буквально кипел от плохо скрытой ярости.

На следующий день, так как погода казалась подходящей, я позвонил в «Парусный Клуб Рэмот-бэй», чтобы подтвердить наш заказ на аренду «Психеи». По дороге Дениз продолжала подначивать меня, рассуждая о капризах английского языка; англичане произносили это имя «Сайке-и» вместо более логичного французского «Пси-шей».

— Уверен, что Сократ все равно не понял бы, о ком идет речь, — заметил я.

— Вилли, любимый, — сказала Дениз, внезапно посерьезнев, — ты в самом деле уверен, что нам нужно садиться в эту лодку? Ветер довольно сильный.

— Всего лишь десять — пятнадцать узлов, — ответил я. — Ты ведь плавала со мной раньше, не так ли?

— Да, но.... почему-то мне кажется, что ничем хорошим это не кончится.

Я посчитал ее слова проявление женской интуиции, которая чаще всего ошибочна. Люди запоминают только те случаи, когда интуиция срабатывает, и не помнят о тех, когда она подводит.

Мы нашли двух молодых людей, отвечающих за лодки; они готовили паруса, весла, огнетушители, спасательные пояса и все прочее, что требовалось согласно морскому кодексу. Через полчаса мы уже скользили по водам залива Рэмот, подгоняемые свежим, ровным, спокойным бризом — мечтой моряка.

— Солнце над нок-реей, — сказал я. — Пора нам перекусить.

У нас были бутерброды, фрукты, и достаточно виски, чтобы сделать улучшить взгляд на мир, но недостаточно — чтобы помешать управлению лодкой. Дениз разворачивала продукты, подавала и разливала. Я поднял свой бумажный стаканчик и провозгласил:

— За мою единственную истинную любовь...

И тут вместо легкого бриза на двенадцать узлов мы получили нечто иное. Торнадо или ураган — наверное, нечто подобное. Это началось без предупреждения. *Бух!* — и налетевшая высокая волна ударила по нашим парусам.

Я промедлил несколько секунд, потом бросился к главному парусу. Дениз закричала, и тут мы упали. За нами последовал обед, виски, и все прочее. Мистер и миссис Ньюбери рухнули в воду.

К счастью, мы упали поверх паруса. Распутав веревки и парусину и выплюнув воду, которой успел наглотаться, я потянулся за веслами и спасательными поясами, которые плыли по ветру.

Шторм кончился так же быстро, как начался. Мы метались из стороны в сторону, собирая снаряжение, которое не пошло ко дну, и держась за корпус яхты, теперь мирно лежавшей на боку.

Мне пришло в голову, что раньше я ходил под парусом только на килевых лодках. Такие лодки не могут опрокинуться, потому что вес киля снова их поднимает. Наша лодка, однако, была другого типа — такие легко переворачиваются, если начинается шторм, а команда не успевает опустить большой парус. И бултыхаясь в море, исправить уже ничего нельзя.

Все парусные шляпки в Рэмот-бэй — швертовые, потому что залив слишком мелок для килевых судов. Однако там, где мы перевернулись, было слишком глубоко и достать до дна мы не могли. Нам оставалось только держаться на плаву, махать руками, кричать и надеяться на спасение.

Вскоре два молодых человека из клуба приплыли на моторной лодке и отбуксировали нас на берег. Они перебросили тали вокруг мачты «Психеи» и мигом поставили лодку. Один из них забрался на борт, убрал паруса и вычерпал большую часть воды.

Это заняло почти час, потом мы с Дениз, дрожа, забрались в моторку. Не думаю, что молодые люди нам очень сильно сочувствовали. Наконец мы вернулись к причалу, приведя на буксире «Психею».

Тем не менее, когда мы обсохли, переоделись и поели, до вечера было еще далеко. Я прилег вздремнуть и, как и ожидал, снова повстречался с Хабибом аль-Лаяши. Джинн выглядел серьезным.

— Мистер Ньюбери, — сказал он, — мне известно о ваших проблемах с лодкой.

— Работа ибн-Мусы?

— Конечно. Теперь я должен вам сообщить, что мистер Манью приказал ибн-Мусе уничтожить вас любой ценой.

— То есть убить меня? Укокошить?

— Именно об этом и идет речь.

— Чего ради? Если он хочет, чтобы я не играл в его проклятую игру — почему он прямо не скажет? У меня уже есть все пурпурные птеродактили, какие мне нужны.

— Вы не понимаете психологии мистера Манью. У него есть немало идей, которые могут вам показаться странными. Я понимаю их лучше, потому что у многих смертных в моих родных краях есть похожие идеи. Для него это дело так называемой чести; он не может допустить, чтобы кто-нибудь одержал над ним верх. Вы ранили его... как это сказать... ваша жена напомнила бы французское слово...

— *Amour-propre*?

— Именно. Когда кто-то его побеждает — он никогда не прощает. Бесполезно возвращать ему призы, позволять ему отыграться или целый месяц бросать кольца, ничего не выигрывая. Его дело... есть такое итальянское слово...

— Вендетта?

— Спасибо, сэр; вендетта против вас.

— Полагаю, ибн-Муса действительно пытался утопить нас сегодня утром. К счастью, мы оба — хорошие пловцы. Ну, Хабиб, что вы сможете для меня сделать?

— Боюсь, не слишком много. Ибн-Муса может, с помощью незначительного изменения предметов на материальном плане, обрушить на вас все возможные несчастья. Вы шагнете на дорожку — и не заметите мчащегося

автомобиля; или вы не обратите внимания на мелкий порез — и заработаете заражение крови.

— Ваше дело — вытащить меня из этих неприятностей, дружище, — сказал я. — В конце концов, вы меня в это и втянули.

Аль-Лаяши пожал плечами.

— Я сделаю все, что смогу, согласно вашим приказам. Но я ничего не обещаю.

— Послушайте, — заметил я, — предположим, я обещаю отдать вам кольцо, как только я с этим разделаюсь. Это меняет дело?

Аль-Лаяши задумался, снял шляпу и поскреб кожу между рогами.

— Если вы торжественно пообещаете мне это... Да, я действительно знаю один способ, который может помочь. Это опасно, не только для вас, но и для меня. Но я готов — если вы готовы.

— Кажется, выбора у меня нет, — сказал я. — Разрешаю. Мне придется вам довериться, но вы показались мне довольно честным джином.

Аль-Лаяши улыбнулся.

— Вы проникательно судите о характерах, мистер Ньюбери; но в вашем деле иначе нельзя. Очень хорошо, я сразу перейду к делу. Я не стану вам объяснять, как это действует, но ничему не удивляйтесь.

— Не буду, — согласился я.

Однако я не был готов к тому ужасному воплю, который донесся с пляжа примерно в три или четыре часа утра. Дениз тоже проснулась. Мы вышли на террасу, осмотрелись, но ничего не смогли разглядеть.

Наконец мы смогли уснуть. Я не помню своих видений, за исключением того, что они были куда неприятнее вежливых разговоров с Хабибом аль-Лаяши.

Наутро ночные происшествия стали казаться далеким кошмарным сном. После завтрака мы надели купальные костюмы и, как обычно, вышли на пляж.

Там мы увидели Манью; он, как всегда, лежал под грудой песка, высунув наружу голову и руки. Казалось, он спал. Манью зарылся в песок ниже уровня прилива, и волны подбирались все ближе к его насыпи.

— Кому-то нужно его разбудить, — сказал я, — пока он не выпил весь Атлантический океан.

— Какой он бледный! — сказала Дениз. — Он столько загорал, и можно подумать...

И тут она страшно закричала. Я смотрел в другую сторону, на детей, запускавших бумажных змеев. Когда я обернулся, голова Манью медленно скатывалась с песчаной насыпи.

Голова, оказывается, стояла, как жуткое надгробие, на кургане, под которым лежало обезглавленное тело. Волна прилива коснулась песка и смыла голову с вершины насыпи.

Никто не смог установить, что именно произошло. Полиция задержала нескольких мотоциклистов. Следы их машин *обнаружили* на песке, имелись некоторые косвенные доказательства, но для обвинения этого было недостаточно.

Я не видел аль-Лаяши в течение нескольких дней. Когда он нанес мне следующий визит, я не стал дожидаться, когда он попросит кольцо. Я сорвал украшение с пальца и бросил ему прежде, чем он успел заговорить.

— Заберите это, — сказал я, — и сами убирайтесь.

— О, спасибо, сэр! *Kattar khayrak!* Вы — мой освободитель! От имени Пророка, с коим пребудет мир, я заверяю вас в своей вечной любви! Я...

— Мне очень приятно и все такое. Но если вы действительно хотите меня отблагодарить, Хабиб, то выме-

тайтесь отсюда. Я больше не хочу иметь ничего общего с джиннами.

И тут я наконец проснулся. Никакого джинна не было; только моя любимая жена спала на другой кровати. Кольцо, однако, исчезло.

Я глубоко вздохнул. Дениз пошевелилась. Ну, подумал я, вполне подходящее время, чтобы снова доказать мою мужественность. В этом возрасте нельзя упускать ни единого шанса.

Сундук мертвеца

После того, как я избавился от джинна Хабиба, наш сын Стивен, который летом устроился на работу, приехал в Оушен-бэй, чтобы провести уик-энд с родителями. Стиви с восторгом рассказывал о плане, который он собирался реализовать вместе со своим приятелем Хэнком — отыскать пиратское сокровище на острове у побережья Джерси с помощью миноискателя времен Второй мировой. Согласно местным поверьям, капитан Чарльз Уэйн когда-то спрятал там все награбленное добро.

Стивен рассказал мне об этом, когда мы играли в мини-гольф. Это он уговорил меня сыграть партию. Моя игра — теннис, хотя банкиру приходится играть в гольф, чтобы решать деловые вопросы. Но Стивен слишком медлителен и задумчив для того, чтобы стать хорошим теннисистом.

Миниатюрное поле было оформлено весьма необычно. Здесь находились модели космических ракет, гротескных животных, похожих на динозавров, и мифических чудовищ; обнаружилась даже выполненная в натуральную величину статуя человека-рыбы, напоминавшего тех, о которых многократно писал мой друг, сочинитель из Провиденса. У этого существа были плавники на спине, перепончатые руки и ноги, похожие на утиные лапы. Статуя стояла на вращающейся подставке. Я спросил билетера об этом украшении.

— Не знаю, — ответил мужчина. — Это одна из скульптур, поставленных сумасшедшим художником, который спроектировал весь участок. Он говорил, что видел такую тварь наяву, но скорее всего, у него просто была белая горячка. Он уже умер.

Мы закончили партию как раз тогда, когда Стивен завершил рассказ о предстоящей охоте за сокровищами. Он выжидательно посмотрел на меня.

— Надо думать, — произнес он, — ты мне сейчас скажешь, что это не сработает, потому что мы не продумали какие-то детали.

— Не хочу портить тебе отдых, — ответил я. — Если хочешь, то я ничего говорить не стану.

— Нет, давай, папа. Пусть лучше я услышу дурные вести сейчас, чем потом, после того, как мы потратим время впустую.

— Хорошо, сказал я. — Насколько я понимаю, обычно на пиратском корабле сразу после захвата добычи происходил ее дележ. Это делал не капитан, а квартермейстер, обычно пират, слишком старый для того, чтобы управляться с саблями и крюками, но наделенный доверием команды. Все делили поровну, разве что капитан мог получить двойную долю, а другие офицеры на корабле — доктор, канонир и еще кто-то — могли получить полторы доли, если таков был корабельный устав. Если кто-то пытался утаить добычу — его могли повесить или по крайней мере протащить под килем.

Понимаешь, капитан не получал самой богатой добычи. Когда судно возвращалось в порт, пираты тратили свои деньги во время одного огромного кутежа. Очень редко в руках одного человека скапливалось столько добра, что его стоило бы прятать. Кроме того, я полагал, что пират Уэйн держался ближе к водам Карибского моря.

У бедного Стиви задрожали губы — так бывало всегда, когда я разрушал один из его безумных замыслов. За год до того он и Хэнк говорили о том, что попытаются выращивать копру на Галапагосских островах. Идея казалась им превосходной. Мне пришлось объяснить, что, во-первых, на этих островах копра не растет; во-

вторых, что копра — это всего лишь сушеное ядро кокосового ореха, очень вонючее; в конечном итоге оно используется в производстве шампуня или идет на корм свиньям в Айове.

Как оказалось, Стивену выпал шанс и посмотреть Галапагосы, и поохотиться за сокровищами гораздо раньше, чем мы ожидали.

Следующим летом мой босс, Эзо Дрексель, отправился на своей яхте в экспедицию, связанную с исследованиями по морской биологии. Перед отъездом он сказал:

— Вили, я не могу взять тебя на весь этот круиз, потому что кто-то должен управлять нашей компанией. Но мы плывем на Галапагосы. Может, тебе взять Дениз и детей, полететь в Гуаякиль и Балтру и встретить меня там? Мы можем совершить тур по островам. Это неплохое приключение, а ты сможешь вернуться в город через десять-двенадцать дней. Макгилл будет вести дела во время твоего отсутствия.

Меня не потребовалось долго уговаривать. Из всех моих домашних от поездки отказалась только Элоиза, наша дочь-студентка. Она сказала, что ее летняя работа слишком важна, что она дала обещание своим работодателям и так далее. Я подозревал, что она просто не хотела надолго расставаться с молодым человеком, в которого была влюблена. Стивен, который только что закончил среднюю школу, пришел в восторг.

Самолет доставил мистера и миссис Уилсон Ньюбери, с сыном Стивеном и дочерью Присциллой, на остров Балтра, где к пирсу был пришвартован «Амфитрит» Дрекслея. Два небольших корабля, которые возили туристов по островам, вышли из гавани, так что «Амфитрит» оставался в полном одиночестве.

Дрексель выглядел как настоящий сагиб, в шортах и спортивной куртке, с белыми усами и обгоревшим носом; он приветствовал нас своим обычным громоглас-

ным ревом. Его сопровождала жена, невысокая седовласая женщина, которой очень редко удавалось вставить хоть слово в разговор. Был там и еще один мужчина, маленький, загорелый, с белыми волосами; его я прежде не встречал.

— Это Рональд Тюдор, — сказал Дрексель. — Ронни, познакомься с Дениз и Вилли Ньюбери. Вилли — человек, который спасает «Трастовую компанию Харрисона» от разорения, когда я удаляюсь от дел. Вилли, Ронни — это человек, который отыскал сокровища «Санта-Каталины» из Мельбурна.

— Мельбурн — тот, что в Австралии? — спросил я.

— Нет, недотепа; Мельбурн во Флориде. Это судно было частью флотилии, которая потерпела там крушение в 1715-м.

— Ого, — сказал я. — А это ваше постоянное занятие, мистер Тюдор?

— Никогда не называл такие дела постоянными, — сказал низенький пожилой человек, хитро усмехнувшись. Говорил он быстро, будто выстреливая словами в собеседника. — Я действительно этим занимаюсь время от времени. Прямо сейчас... но лучше подождать, когда мы отчалим.

— Вы хотите сказать, — поинтересовалась Присцилла, — что собираетесь отыскать какое-то сокровище на этих островах, мистер Тюдор?

— Вы все узнаете, юная леди. Поскольку мы до завтрашнего утра паруса не поднимем, может, стоит сейчас поплавать?

Мы плавали вдоль ближайшего пляжа, где ржавел перевернутый корпус десантного судна времен Второй мировой. Дети весело проводили время, гоняясь за крабами-призраками. Эти существа, отрезанные от своих нор, мчались к воде и погружались на дно почти мгновенно.

Вернувшись на «Амфитрит», мы встретили эквадорского лоцмана, Флавио Ортегу, как раз поднимавшегося на борт. Флавио был невысоким, широкоплечим, у него была кожа медного цвета и раскосые монгольские глаза. Он, скорее всего, был на три четверти индейцем, но излучал истинно испанское *дружелюбие*. Когда я попытался объясниться с ним на дурном кастильском наречии, Флавио воскликнул:

— Да у вас произношение лучше, чем у меня! *Usted habla como un caballero español!*

Конечно, он мне льстил; но есть нехитрая житейская мудрость — лезть открывает все двери.

Когда мы уселись у вентилятора и смешали себе предобеденные коктейли, Эзо Дрексель объяснил:

— В водах вокруг этих островов больше подводных камней, чем в головах у демократов. Поэтому нам нужен кто-то из местных, чтобы мы не напоролись на эти скалы.

— Хорошо, — сказал я, — а что насчет великого секрета Ронни?

Тюдор с подозрением поглядел на нас, и Дрексель проговорил:

— Вы можете доверять ему, Ронни. Он работает на меня больше двадцати лет.

— Окей, — произнес Тюдор. — Подождите минутку.

Он вышел и вернулся с папкой, в которой лежали листы бумаги. Понизив голос, Тюдор сообщил:

— Будьте осторожны; не залейте их водой. Это всего лишь фотокопии, но нам они необходимы.

Я изучил бумаги. Это были копии трех страниц из старой рукописи, написанной крупным, разборчивым почерком. В английском сохранилось немало устаревших слов, но два или три столетия эти слова были еще самыми обычными. Я прочитал вот что:

«6-ого июня капитан Итон бросил якорь в бухте в северо-западной части острова, койй мистер Каули поименовал Рукой Герцога Йоркского. Эта бухта, кою мистер Каули прозывает заливом Олбани, защищена маленькой, скалистой Рукой. У этого маленького острова скалистая верхушка, подобная указующему персту. Мистер Дэмпир уверил нас, что воду возможно отыскать на более крупных островах, даже во время продолжительной летней засухи. И когда люди отправились на берег, дабы отыскать ручей или источник, капитан Итон отвел меня в сторону и сказал: «Мистер Хендерсон, настало время зарыть то, что сокрыто в сундуке. Мне ведомо, что вы мужественный человек, и мы с вами должны исполнить это непростое дело, ничего не сообщая всем остальным». Но капитан, изрек я, тверда ли ваша решимость? Ибо кажется мне, милостивый государь, что содержимое сего сундука, ежели мы распорядимся им с умом и предусмотрительностью, обеспечит нас по возвращении в Англию немалыми средствами, коих хватит до скончания наших дней. Ежели мы когда-нибудь воротимся домой, сказал капитан Итон; а с этой проклятой вещью на борту сомневаюсь я, что удастся нам сыскать обратный путь. Проклятие лежит на ней; вспомните, как не удалось нам захватить то испанское судно; и все, что мы получили после долгих мытарств — это цветы, мулов президента Панамы, деревянный образ Пресвятой Девы и 8 бочек айвового мармелада. Ну, продолжал он, поистине, у наших людей столько цветов, что они могут их есть, и достаточно джема на сладкое, но лучше бы им получить деньги. Все они тоже боятся бед, каковые может эта вещь нам принести, и все они будут счастливы, коли мы от нее избавимся.

И вот мы, взяв сундук, сошли на берег у подножия скал. Мы с капитаном Итоном отнесли сундук вглубь

острова, поднялись вверх по склону к северо-западу от вершины утеса, каковой возвышается над бухтой. В крайней западной точке бухты мы зарыли сундук, немало усилий к тому приложив, ибо был наш груз тяжел, а яму в каменистой земле вырыть оказалось нелегко. Тогда воротились мы на корабль и покинули остров...

— Откуда вы это взяли? — спросил я.

— Купил оригиналы на аукционе в Лондоне, — сказал Тюдор. — Они лежат у меня дома, в сейфе, разумеется.

— И что все это означает?

— Боже, да вы что, не понимаете? — взорвался Тюдор. — Это же просто, как дважды два. Этот Хендерсон, судя по всему, был одним из офицеров на «Николасе» капитана Итона — возможно, боцманом или канониром; корабль побывал здесь в июне 1684-го.

— Как вы узнали год?

— Он упоминает Дэмпира и Каули, которые побывали здесь на «Радости холостяка». Пират Амброуз Каули дал островам имена, хотя испанцы позднее повторно назвали их, а затем эквадорцы переименовали острова в третий раз. Сбивает с толку. Каули назвал свой остров Островом Герцога Йоркского. Потом Чарльз Второй умер, и Герцог Йоркский стал Яковом Вторым, так остров стал островом Якова. Испанцы называли его Сантьяго, а потом эквадорцы выбрали имя Сан-Сальвадор.

— «Сантьяго» должно было понравиться всем, так как это название означает «Святой Яков», — сказал я, — хотя я не верю, что Яков Второй был особо святым.

— Почти все люди, которые говорят по-английски, до сих пор называют его островом Якова, — сказал Тюдор.

— Сохранились ли другие страницы рукописи?

— Это все. Я пытался искать — в Британском Музее и других местах, пытался определить местонахождение остальных страниц, но потерпел неудачу. Вероятно, кто-то использовал их для растопки. Я не смог отыскать

больше никаких сведений о Хендерсоне. Но это самая важная часть, так что черт с ним.

— Хорошо, предположим, что в документе упоминается остров Якова или Сантьяго. И вы полагаете, что сможете отыскать сундук, основываясь на этих скудных указаниях? Я думал, что остров Якова достаточно велик.

— Да, но указания так же ясны, как тексты в путеводителе «Мишлен». Этот залив — то, что мы называем Пиратской бухтой. Все, что нам нужно сделать — высадиться там и следовать указаниям Хендерсона. С металлоискателем это будет проще простого.

Я задумался.

— И еще кое-что, Ронни. В документе не сказано, что же было в сундуке. С чего вы взяли, что за этим стоит охотиться?

— Там были не деньги, иначе бы их разделили при общем распределении добычи. Там было что-то важное, насколько можно судить по сообщению Хендерсона. Очевидно, какая-то одна вещь, которую поделить нельзя. Должно быть, нечто, имеющее религиозное или мистическое значение — иначе команда не перепугалась бы. Я полагаю, речь идет о каком-то необычном религиозном украшении — о короне для статуи Святой Девы с драгоценными камнями, а может, о какой-нибудь золотой статуэтке, которую пираты похитили из католической церкви на побережье. Но черт возьми — мы все увидим, когда выкопаем сундук. Попытаться стоит.

Эзо Дрексель повернул к нам голову и негромко сказал.

— Нам нужна твоя помощь, Вилли. Я не хочу втягивать в это команду, по понятным причинам, но нам нужна физическая сила. Вспомни, Хендерсон написал, что сундук довольно тяжелый. Что ж, я слишком стар и толст для того, чтобы тащить пару сотен фунтов по бездорожью, а Ронни тоже немолод и вдобавок невелик.

К тому же придется копать. А ты — человек спортивный, и у твоего мальчика мускулы неплохие.

— Мы с Ронни договорились разделить пополам то, что найдем. Если ты отправишься с нами, я отдам тебе половину своей половины, или четверть всей добычи.

— Это справедливо, — заметил я. У Дрекслея были недостатки, но скупость к их числу не относилась.

Галапагосский национальный парк был создан всего за несколько лет до этих событий, и охрану там еще не наладили. Сейчас ничего подобного уже не случилось бы: все смотрители мигом налетели бы на предполагаемых искателей сокровищ.

На следующей неделе мы плавали по южным островам. Мы видели птиц-фрегатов и синеногих олуш на Северном Сеймуре. На Лоберии за нами гнался по пляжу огромный морской лев, который решил, что мы собираемся проникнуть в его гарем. На Худе мы видели, как танцуют брачный танец альбатросы, как они вышагивают кругами и сталкиваются клювами. Мы таращили глаза на морских игуан, которые цеплялись за черные скалы и фыркали на нас, когда мы подходили ближе. Мы восторгались фламинго в грязной лагуне на Флореане.

На Плазе Присцилла, самая большая любительница дикой природы в нашей семье, испытала острые ощущения: она накормила какой-то травой большую игуану. Теперь этого уже никому не позволяют. На Санта-Крузе (или Неутомимом) мы посетили научно-исследовательскую станцию Чарльза Дарвина. Нам рассказали о размножающихся в неволе черепахах, которых позднее переправят на те острова, где этих существ давно истребили.

Мы бросили якорь в Пиратской бухте на острове Якова, позади маленького островка с высокой скалой, о которой писал Хендерсон. Четверо охотников за сокрови-

щами отправились на берег в шлюпке, оставив на судне юную Присциллу, которая разозлилась, поняв, что ее на берег не возьмут. Дениз отнеслась к этому философски.

— Повеселись, мой старичок, — заметила она. — Мне хватило и одной прогулки на батуте за все путешествие.

Мы оставили Флавио Ортегу возле лодки, сообщив ему, что ищем медную табличку, оставленную адмиралом де Торресом в 1793 году.

— Будьте осторожны, джентльмены, — сказал он. — Там, как говорят... как это по-вашему... *una maldición*...

— Проклятие? — уточнил я.

— Да, конечно, проклятие. Говорят, что на этом месте лежит проклятие, за все происки злых пиратов, которые охотились на нас, бедных испанцев. Конечно, это всего лишь суеверие; но будьте бдительны. Это опасное место.

Мы высадились на берег. Стивен нес лопаты, а я — кирку и лом. Тюдор тащил металлоискатель, а Дрексель — провизию.

Моя ноша становилась, казалось, все тяжелее, пока мы взбирались по каменистой стене, которая окружала пляж. Дальше склон был уже покатым, но местами его покрывали осыпи темно-серого песка, в который превратилась вулканическая лава. Наши ноги погружались в песок, и мы то и дело съезжали вниз.

Мы преодолели чахлые кустарники. Выше склоны были покрыты бледно-серыми *palo santo* или деревьями святого посоха, на которых еще не распустились листья. Даже те части вулканических островов, на которых есть растительность, выглядят неземными и напоминают какой-то лунный пейзаж.

Узкое ущелье пересекало эту местность и вело к заливу. Мы выбрались на восточную сторону ущелья, а наша цель находилась на западной. Ущелье было слишком широко, чтобы его перепрыгнуть, а его стороны были слишком круты, чтобы взобраться вниз и подняться. В

итоге нам пришлось пройти вглубь острова примерно полмили; лишь тогда мы отыскивали довольно узкое место, где смогли перепрыгнуть. Дрексель и Тюдор к тому времени раскраснелись и дышали тяжело.

День становился все более жарким и солнечным. Хотя Галапагосские острова (или *Islas Encantadas*, или *Archipiélago de Colón*) и расположены на экваторе, но обычно здесь весьма прохладно, из-за холодного Гумбольдтова течения и частых периодов экваториального шторма. Я размазал по лицу крем для загара.

Я не мог выбросить из головы и рассуждения Ортеги о проклятии. Многие друзья считают меня воплощением холодного рассудка и здравого смысла, человеком, которого не одурачить никаким слухам и суевериям. В моем бизнесе такая репутация очень полезна. И все-таки со мной случались такие странные вещи...

Мы медленно перебрались на западную сторону ущелья и немного прошли в обратную сторону. Потом мы достигли крайней западной точки ущелья, оставаясь более или менее на той же высоте. Когда мы оказались в нужном месте, Тюдор достал металлоискатель.

Едва он повернул выключатель, инструмент слабо загудел. Тюдор начал обшаривать поверхность. Он двигался медленно, шаг за шагом, поворачивая детектор взад-вперед, как будто орудовал метлой или пылесосом.

Дрексель, Стивен и я сели на землю и пообедали. В инструкции, которую нам выдали в Балтре, было сказано: «Не оставлять никакого мусора». Теперь правила стали гораздо строже.

Детектор продолжал гудеть, то громче, то тише, когда Тюдор приближался или удалялся. Я всякий раз нервничал, когда он подходил к краю обрыва. Поверхность, на которой он работал, была довольно крутой, так что при ходьбе приходилось сохранять равновесие. Стоило упасть или поскользнуться — и было бы сложно удержаться.

жаться без посторонней помощи. Склон переходил в обрыв, а в сорока футах внизу были зеленые воды Тихого океана.

Наконец, когда Тюдор стоял в двадцати пяти или тридцати футах от края, ровный гул инструмента сменился писком. Тюдор надолго остановился, покачивая датчик прибора.

— Вот оно, — сказал он. — Я пообедаю, а вы, парни, пока копайте.

Мы со Стивеном были самыми крепкими в команде, и мы взялись за дело. Некоторое время не раздавалось ни звука, кроме слабого шороха ветра, стука лопат и — откуда-то издалека — лая морского льва. И вот Стивен, остановившийся, чтобы стереть пот с лица, воскликнул:

— Эй, папа, взгляни-ка!

Он указал на плавник акулы, которая лениво проплывала у подножия утеса. Мы понаблюдали за хищницей, пока она не скрылась из вида, а потом продолжили раскопки. Закончив обедать, Тюдор подошел поближе, чтобы проверить датчиком яму, которую мы выкопали. Писк стал громким и четким.

Мы достигли твердых подпочвенных пластов, теперь нам приходилось расшатывать крупные камни. А потом лом ударился обо что-то, не похожее на камень.

— Эге! — воскликнул Дрексель.

Мы скоро раскопали крышку сундука, размером со старомодный чемодан; эта штука сильно пострадала от времени. Дрексель, Тюдор и Стивен заволновались и начали обмениваться мнениями. Я сохранял спокойствие, но мной овладело какое-то смутное предчувствие. Каким-то образом у меня сложилось впечатление: если сундук откроют — один из нас умрет.

Тюдор был мне безразличен; я не доверял подобным авантюристам. Мне жаль было бы лишиться Дрекселя — и друга, и начальника. Но мне неожиданно пришло в

голову, что после его смерти я могу стать президентом трастовой компании. Мне очень стыдно, но мысль такая возникла. Собственной жизнью я был готов рискнуть; но не мог допустить, чтобы пострадал Стивен.

Я хотел закричать: остановитесь, оставьте эту штуку в покое! Или, по крайней мере, позвольте мне отослать Стиви назад на корабль прежде, чем вы откроете сундук. Но какие у меня были аргументы? Всего лишь иррациональное ощущение — нечто вроде «предчувствия», которое время от времени возникает у всех и о котором вспоминают только в редких случаях, когда оно сбывается. У меня не было никаких доказательств.

— Устал, Вилли? — спросил Дрексель. — Давай-ка мне эту лопату!

Он схватил инструмент и начал копать, ворча и пытаясь, как морж. Скоро они со Стивеном раскопали и нижний край крышки.

Сундук был заперт на железную пряжку, но она превратилась в кучу ржавчины. Дерево так сильно прогнило, что при первом же ударе лома замок отлетел. Стивен начал петь:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца,
Йо-хо-хо и бутылка рома!
Пей и дьявол тебя доведет до конца,
Йо-хо-хо и...

Он умолк, когда Дрексель и Тюдор подняли крышку; древние петли страшно заскрипели.

— Боже правый! — воскликнул Рональд Тюдор. — Да что же это?

В сундуке лицом вверх лежал человек-рыба — в точности напоминавший статую, которая находилась на поле для минигольфа в Оушен-бэй. Тварь была связана кожаными ремнями так, что колени были прижаты к

груди. Глаза существа были накрыты большими золотыми монетами.

— Какое-то морское чудовище, — вздохнул Дрексель.
— О, парень, если я смогу заполучить этот экземпляр для Музея...

Тюдор, сверкнув глазами, протянул тощие руки и схватил монеты. Он резко отскочил, завизжав:

— Чертова тварь жива!

Выпученные глаза человека-рыбы открылись. Долю секунды он лежал неподвижно в своем гробу, рассматривая нас. Потом конечности чудовища судорожно дернулись. Кожаные ремни, истлевшие за долгие века, порвались, как сухие травинки.

Перепончатые, трехпалые руки человека-рыбы сжали стенки сундука. Тварь села, а потом поднялась. Она начала выбираться из ямы.

— Господи Иисусе! — закричал Тюдор.

Человек-рыба двинулся в сторону моря — именно там стоял Тюдор. Он, очевидно, решил, что на него нападают, засунул монеты в карман брюк, схватил лопату и ткнул ей человека-рыбу.

Лезвие лопаты вонзилось в чешуйчатое плечо монстра. Он разинул рот, показав ряд длинных и острых зубов. Он зашипел — такой звук издает галапагосская черепаха, когда прячется под панцирь.

— Не надо... я... — крикнул Дрексель.

Когда Тюдор взмахнул лопатой, собираясь нанести второй удар, человек-рыба медленно двинулся к нему, обнажив клыки и вытянув вперед перепончатые руки. Тюдор шагнул назад, оступился и начал сползать по рыхлой земле вниз. Оба приближались к дальнему краю утеса, Тюдор уворачивался из стороны в сторону и угрожал лопатой человеку-рыбе.

— Берегись! — завопили одновременно я и Дрексель.

Тюдор сделал шаг назад и свалился с утеса. Монстр бросился за ним. Снизу донеслись подряд два всплеска.

Когда мы подскочили к обрыву, то увидели внизу, у кромки воды, тело Тюдора. Мы мельком разглядели человека-рыбу, который поплыл легко, как морской лев, у поверхности воды, а потом нырнул в глубину. Через несколько секунд существо исчезло.

— Нам нужно выяснить, жив ли Ронни, — произнес Дрексель.

— Стиви, — сказал я, — поднимись на вершину маленького утеса с нашей стороны ущелья. Позови Флавио, пусть он пригонит лодку. Не говори о чудовище...

— Да ладно, папа, я и сам смогу спуститься по этому склону, — сказал Стивен. Он умчался прежде, чем я успел возразить. Стивен соскользнул вниз, как морская игуана и преодолел последние десять футов одним прыжком, приземлившись на пляже. Через минуту он уже был в лодке, которая понеслась к месту падения Тюдора.

Стивен и Ортега отнесли Тюдора в лодку, но он был уже мертв. Он упал и разбился о скалы.

— Возможно, — сказал Ортега, — это место и впрямь проклято.

— Ну, — заметил Дрексель позднее, — по крайней мере, теперь мы знаем теперь, что капитан Итон назвал «этой проклятой штукой».

Мы вернулись на Балтру и похоронили там Рональда Тюдора.

— Он, конечно, был мошенником, — сказал Дрексель, — но очень занятым. Давайте не станем сообщать местным властям о монстре. У нас нет никаких доказательств, и эквадорцы могут подумать, что мы убили бедного Ронни и попытались прикрыть свое преступление нелепым враньем.

В общем, мы рассказали, что наш спутник погиб в результате несчастного случая. И хотя этот человек мне не очень нравился, его смерть все равно испортила нам отдых. Вместо того, чтобы продолжить путешествия и посетить острова Изабеллы и Фернандины, мы решили сократить программу. Дрексель поплыл через Панамский канал, а семейство Ньюбери самолетом отправилось домой. Вернувшись к себе, мы сделали вид, будто Рональда Тюдора и человека-рыбы никогда не существовало.

Но хотя я несколько раз с тех пор приезжал в Оушенбэй, никто больше не смог меня заманить на поле для минигольфа. Если я еще хоть раз увижу, как тарашится на меня вертящаяся статуя человека-рыбы — у меня точно задрожат руки. И тут уж будет не до игры.

Статуэтка

Почти черная статуэтка из Гватемалы была пяти дюймов в высоту и двух дюймов в толщину в самом широком месте. Мне показалось, что она превосходно будет смотреться на полке рядом с телевизором.

Статуэтка изображала приземистого, бесполого человечка, с массивной, широкой головой, на которой торчали маленькие кнопки-уши. У него был вздернутый нос, узенькие раскосые глазки и толстые губы, выражавшие поистине космических масштабов отвращение. Статуэтка напомнила мне биликенов, которые украшали дома во времена моих родителей, хотя выражение лица этого человечка было совсем не таким дружелюбным.

Статуэтка была вырезана из куска кирпича или красного песчаника, ей придали форму большим ножом и напильником и покрасили в черный цвет. Поковыряв отверткой основание статуэтки, я все-таки решил, что она изготовлена из песчаника.

Я получил эту вещь, когда, едва ли не впервые за долгие годы замужества, мы с Дениз проводили отпуска отдельно друг от друга. Музей Естествознания, в котором я оформил семейное членство, предложил принять участие в археологическом сафари по Центральной Америке в марте и апреле. Семейство Ньюбери хотело осмотреть руины майя; но двое детей учились в колледже, а еще один — в средней школе, так что мы решили, что не сможем их оставить одних. Наши дети вели себя прекрасно, но тогда как раз бушевали великие молодежные бунты шестидесятых. Мы слышали слишком много страшных историй о родителях-буржуа, которые оставляли подростков дома одних, а вернувшись, обна-

руживали, что их квартиры разорены грязными друзьями молодых людей.

Я решил поехать в первую смену экспедиции, а Дениз выбрала вторую. Не стану рассказывать обо всем путешествии, упомяну только о том, что я неплохо пере-нес сафари, правда, в Тикале меня буквально сожрали москиты, пока я сидел в джунглях, наблюдая за дикой природой. Среди обезьян свирепствовала эпидемия желтой лихорадки, в итоге я так и не увидел ни одного животного. Однако мне удалось учуять запах большой кошки — пумы или ягуара — в одном из так называемых храмов, где это животное из семейства кошачьих устроило себе логово. Но зверь удалился как раз перед нашим приходом.

Наш автобус остановился в Сололе, у озера Атитлан, в разгар рыночного дня; всех заинтересовала красочная толпа гватемальских индейцев. Они до сих пор сохранили уникальные костюмы своих деревень. Некоторые из маленьких коричневых мужчин носили брюки, некоторые — клетчатые юбки. У каждого, каким бы нищим он ни выглядел, было безупречное новое соломенное сомбреро. Кто-то, должно быть, когда-то распродал в этих местах излишки гусарских курток девятнадцатого века. Многие носили бушлаты, явно пошитые по этому образцу. Одежания были сшиты из грубой коричневой ткани с черной отделкой, которая напомнила мне об «атаке легкой кавалерии».

Когда мы выходили из автобуса, к нам обратился какой-то постреленок

— Купите стутуй! Древние языческие боги индейцев! Очень недурого!

Мальчик расставил прямо на дорожке несколько небольших уродцев. Таких часто продают в Чичикастенанго. Очевидно этот мальчик, узнав, что мы должны сначала посетить Сололу, решил опередить своих конку-

rentов. Я, должно быть, показался ему выгодным клиентом; мальчуган пристал ко мне и непрерывно рассказывал о своем товаре.

Хотя мне и нравилась его предприимчивость, я помнил, что Дениз не любит, когда в доме появляются разные странные сувениры. В итоге я попытался отделаться от мальчишки словами «*No ahora, gracias; mas tarde, acasa*» и прочими неясными фразами. Возможно, думал я, он уйдет, когда мы вернемся к автобусу.

Однако он остался на месте вместе со всеми своими идолами. Когда я вновь отказался покупать его товар, он начал вопить:

— Вы же обещали, мейстер! Все американос исполняют свои обещания!

— Ну хорошо, — сказал я, втайне довольный, что появилось оправдание для покупки сувенира. Я заплатил за статуэтку доллар.

— И как его зовут?

— Никак. Просто древний бог.

— Ну а как тебя зовут?

— Армандо.

— Отлично; этого страшного парня я назову Армандо.

Вернувшись домой, я поставил Армандо на стол у себя в кабинете. А потом дети начали жаловаться на телевизор. На экране постоянно возникали помехи, изображение смещалось по вертикали, были и другие неполадки. Мастер не сумел отыскать никаких неисправностей. Когда телевизор отнесли в магазин, он работал отлично, но дома, казалось, ничего не хотел показывать. Телемастер предположил, что какой-нибудь сосед использует передатчик, работающий на определенных частотах и сбивающий изображение.

Присцилла сказала:

— Во всем виноват тот противный маленький идол, которого папа привез из Гватемалы.

— Может, он радиоактивный, — заметил Стивен.

— Нет, — возразила Элоиза, — ведь тогда мы все умрем от радиационной болезни.

— Я не об этом, — сказала Присцилла, которая, кажется, инстинктивно разбиралась в подобных вещах. — Бог волнуется, потому что не получает ежедневной жертвы.

— И кого же ты предлагаешь распотрошить кремневым ножом? — спросил я.

— Ну, вот, к примеру, мой учитель геометрии... но я думаю, что это не практично. Может, тебе следует купить кролика, цыпленка или... ну, я не знаю... Ты будешь его держать, а я перережу ему горло перед идолом, если уж ты сам такой безгливый.

— Только не над моим чудесным восточным ковром! — воскликнула Дениз.

— Ты кровожадное маленькое чудовище! — сказал я.
— Может, Армандо удовлетворит цветочное подношение.

— Цветы распустятся не раньше чем через месяц, мой дорогой безумец, — сказала Дениз.

— Ты можешь их купить у флориста, — заметила Элоиза.

— И на какие деньги? — спросил я. — Слушайте, а почему бы не использовать те восковые цветы, которые какой-то парень продал вашей матери в прошлом году? Хорошо, дорогая?

Дениз пожала плечами.

— Мне все равно. *Amusez vous donc.*

Так у ног Армандо появились восковые цветы. Помехи с экрана телевизора тотчас исчезли.

Дениз отправилась в путешествие. Через несколько дней позвонил Карл; он сообщил, что Эд и Митч приехали в город, и предложил устроить встречу, как в былые времена.

Эти трое стали моими близкими друзьями еще в тридцатые, когда мы были молодыми холостяками. Мы обыкновенно собирались раз в неделю — поиграть в покер на пенни и выпить пива. После этого мы считали себя настоящими товарищами.

Потом началась война. Эд и Митч переехали. Кроме того, я обнаружил, что на самом деле получал от игры не такое уж большое удовольствие. Скорее я наслаждался беседами и духом товарищества. А это можно было обрести, и не отвлекаясь на карты.

Карл, однако, решительно настаивал на повторении старого ритуала. Поскольку в его доме шел ремонт, пришлось мне принимать гостей.

В субботу, накануне условленной встречи, наш телевизор снова закапризничал. Мне нужна была эта штука, чтобы дети не путались под ногами, пока я развлекаю своих старых приятелей; поэтому я забеспокоился. Присцилла пояснила:

— Армандо снова расстроился, потому что ты оставил перед ним цветы на целую неделю и не поменял их.

— Какой неблагодарный маленький дух, — сказал я. — Восковые цветы хранятся сколько угодно, не то что настоящие.

— Ну, это твое мнение. Лучше убрать старые и положить какие-то другие.

— Что за ерунда! — воскликнул я. — Ты же знаешь, что это просто совпадение.

Однако, улучив момент, когда никто из детей на меня не смотрел, я убрал прежние восковые цветы и поставил на их место другие. Телевизор сразу заработал.

Появились Карл, Эд и Митч — за четверть века они изрядно облысели и растолстели. Я с помощью диет и физических упражнений старался поддерживать форму, и они начали подшучивать над моими седыми волосами.

— Мои волосы поседели пятнадцать лет назад, — ответил я, — когда я узнал, что разрешил невыгодный заем; но по крайней мере у меня волосы еще остались. Тяните карты.

— Король сдает, — сказал Эд.

Мы не спорили о форме игры, поскольку всегда разыгрывали простую партию — безо всяких сдач с пятью картами, не говоря уже о разных женских штучках с дикими картами. Мы были пуристами, которые не допускали ничего сложнее джек-пота. Затяжная партия в покер — одна из последних опор для объединения гетеросексуальных особей мужского пола.

В первой партии мои короли побили валетов Митча.

Во второй мои тузы и тройки побили королей и пятерок Эда.

В третьей Карл вытянул пару и сделал три десятки. Поскольку мне, казалось, исключительно везло, я сделал «одноранговый стрит». В обычной ситуации, поразмыслив хорошенько, я никогда бы так не поступил; но тогда я решил рискнуть — и выиграл.

В четвертой партии у меня были девятки, а у Эда королевые поровну. Он сбросил свою более низкую пару с лишней картой, что представляется обычно выигрышной тактикой, и сделал трех королей. А я сбросил только свою лишнюю карту и сделал фулл-хауз.

После нескольких раундов всем остальным пришлось раскошелиться, даже при наших крохотных ставках. Они смущенно переглянулись.

— Где ты был последние двадцать семь лет, Вилли? — спросил Эд. — В Лас-Вегасе?

— Нет, — сказал Карл. — Банкир привыкает держать числа в голове. Он просто подсчитывает все шансы.

— Нет, — возразил Митч, — он набрался знаний на тех статистических курсах в Массачусетском технологи-

ческом. Он всегда был недурным игроком, а там просто усовершенствовал свои навыки.

— Так зачем ты сидишь за столом в банке, Вилли? — спросил Карл. — Наверное, было бы и веселее, и доходнее играть на деньги и этим зарабатывать на жизнь. У тебя были бы и выпивка, и бабы — все, каких только пожелаешь...

— Это я-то? — ответил я. — Слушайте, парни, вы разве не знаете, что у банкира вместо крови в венах течет вода со льдом? Мне выпивка не очень нужна. А что до баб — так я уяснил, что одной вполне достаточно...

— И все-таки крови в венах у него достаточно, чтобы родить трех детей, — сказал Митч.

— Если мы предположим, что ему не потребовалась помощь со стороны, — заметил Эд.

Мы продолжали игру — с теми же самыми результатами. Неважно, кто сдавал, по крайней мере один из моих гостей всегда был близок к выигрышу — а побеждал я. Через некоторое время, не желая, чтобы меня заподозрили в мошенничестве, я начал проигрывать сознательно, то отказываясь тянуть карту, когда было необходимо, то выбывая, когда у меня был стандартный набор карт, то объявляя себя банкротом.

Мы скинули пиджаки. Выходя на кухню за пивом, я спокойно закатал рукава рубашки. По крайней мере, все могли видеть, что у меня в рукавах ничего не было припрятано.

Примерно в одиннадцать мы окончили игру по невысказанному взаимному согласию. Полагаю, мои гости поняли то, что я понимал с самого начала — бесполезно пытаться вернуть ушедшую молодость. Даже когда мы повторяем прежние действия — чувства становятся совсем другими.

Тогда мы выпили еще пива и заговорили о своих делах. Переехав в Калифорнию, Митч усвоил все достоинства и недостатки, свойственные его новому обиталищу.

— Мне придется туда отправиться в следующем месяце, — сообщил я. — У нас проблема с одним из трастовых счетов, в городке под названием Сан-Романо.

— Я живу в тридцати милях оттуда, — сказал Митч. — Ты должен заехать в гости.

Тут вмешался Карл:

— Это не там детишки из колледжа недавно устроили заваруху?

— И там тоже, — ответил Митч. — Точно так же, как в твоих краях. Посмотри, что творится в Колумбии...

— Понадобятся пулеметы, — проворчал Эд. — Проклятые бездельники, волосатые, обкуренные мерзавцы...

— Я тебе обо всем расскажу, когда вернусь, — произнес я. — Я останавлиюсь у своего шурина, он — профессор в колледже.

— Проклятые трусы, малодушные преподаватели, — сказал Эд. — У них кишка тонка остановить этих молодых головорезов, когда они бесятся. А может, и сами эти профессора — красные революционеры. В те времена, когда я поступил в колледж, если бы студенты вручили профессору список обязательных требований, он выбросил бы их из окна, даже не потрудившись распаковать ставни.

Вечеринка завершилась вскоре после полуночи. Мужчины средних лет уже не так поддаются чарам ночных часов, как молодые люди. Все пожелали друг другу всего доброго и пошутили напоследок. Когда двое гостей сели в автомобиль Карла, сам Карл вернулся и негромко спросил меня:

— Вили, объясни мне кое-что. Какого черта ты сбросил карты, когда у тебя было четыре королевы? Я посмотрел на твой сброс.

— Должно быть, просто сглупил, — ответил я. — Наверное, принял их за королев и валетов.

— Не говори ерунды! Всякому заметно, что ты так же сообразителен, как и прежде.

— Я объясню как-нибудь в другой раз, — сказал я. — Это связано с тем, как работал мой телевизор, но все слишком сложно, и сейчас об этом не стоит рассказывать.

— Ты про радиацию?

— Что-то вроде того. Доброй ночи, Карл.

Когда Дениз возвратилась из своего сафари, я упаковывал вещи, собираясь в Калифорнию; по какому-то наитию я сунул Армандо в чемодан вместе со своими носками. В конце тридцатых я с презрением отнесся бы к подобному суеверию. Тогда я был самым твердолобым материалистом; я отверг марксизм как чрезмерно мистическое и недостаточно материалистическое учение. Но после всех странных событий, которые в моей жизни произошли...

Мой шурин — Эйвери Хопкинс, доктор философии, преподаватель среднеанглийского языка. У них с моей сестрой был единственный сын, ровесник моей Элоизы и студент местного колледжа. Поселившись у Хопкинса, я почти сразу же почувствовал напряженность.

— Мы так беспокоимся, — сказала Стелла. Она была худощавой блондинкой, на дюйм выше Хопкинса — полного, лысого, милого и добродушного. Он и Стелла, казалось, души друг в друге не чаяли. Моя сестра продолжала:

— Сейчас повсюду эти демонстрации и все прочее... И никто не знает, когда полицейские схватятся за оружие. Роберта могут убить.

— Это — ошибка муниципального правительства, — сказал Хопкинс. — У полиции не должно быть оружия.

Студенты просто используют конституционное право на свободу собраний.

— Хорошо, — сказал я, — но мне кажется, что в Конституции речь идет о мирных собраниях. Когда кто-то начинает бросать камни (а это обычно и случается), собрание уже нельзя назвать мирным.

— Но разве ты не понимаешь? Если бы система не порождала столько несправедливостей и притеснений, не возникало бы всего этого негодования, люди не бросали бы...

— Кто и когда слышал о человеческом обществе, в котором не существовало несправедливости и притеснений? Кроме того, в мире полно людей, которые, попав на Небеса, тут же начали бы жаловаться на звуки арф и сырость облаков. А некоторым просто нравится швыряться камнями. Почему вы просто не поговорите как следует с юным Робертом? Скажите ему, что он не должен принимать участие в этих маршах и беспорядках — и повторите это несколько раз.

— Вот как! — воскликнул Хопкинс. — Мы никогда не думали, что следует использовать авторитарную тактику. Мы в это не верим. Кроме того, он угрожает, что сбежит и станет настоящим бродягой, попрошайкой и вором.

Стелла сказала:

— Ты знаешь, Вилли, мы всегда считали тебя каким-то фашистом, потому что своих детей ты растил как настоящий диктатор. Теперь я не уверена.

Я пожал плечами.

— По крайней мере, они, кажется, становятся трудолюбивыми гражданами; должно быть, мы кое-что сделали правильно. А теперь мне нужно поехать в Первый Национальный банк, чтобы встретиться с Эвансом.

Я сел в машину, которую арендовал в аэропорту, и поехал в банк, у входа в который росли две огромные

финиковые пальмы. Меня встретили Эванс, казначей, и адвокат банка. Мы втроем провели целый день, изучая содержимое сейфа покойной Мэри Трумбалл Хаммерстайн и состояние ее банковского счета. Было необходимо мое личное присутствие, потому что шел судебный процесс, завещание оспаривалось, а деньги на кону стояли большие. Местный судья приказал банку передать документы миссис Хаммерстайн только представителю моего банка, который занимался состоянием покойной.

Когда пробило пять часов, адвокат удалился, но у Эванса и у меня еще оставались дела. Эванс сказал, что мы оба можем встретиться в восемь; тогда мы закончили бы работу, а я смог бы улететь на следующий день.

Вернувшись к Хопкинсам, я повстречал Роберта, которого не видел уже несколько лет. Это был худой, бледный, слабый юноша с впалой грудью, а волос у него было столько, что он мог выступать в цирке в роли Человека-собаки. Джинсы на нем были такие рваные, будто он потерпел кораблекрушение и совсем недавно явился с необитаемого острова.

Он протянул мне слабую руку, сказав:

— О, да, дядя Вилли. Я понимаю, что вы... вроде как банкир? — Эти слова он произнес так, будто обвинял меня в массовом убийстве.

— Да, — сказал я. — Именно так я зарабатываю на жизнь.

Он посмотрел на меня, как на динозавра, и обернулся к родителям:

— Скажите, когда мы будем есть? Мне нужно возвращаться в кампус. Сегодня вечером большой митинг.

— Подожди, пожалуйста, Боб, милый, — сказала Стелла. — У твоего отца даже не было времени смешать коктейли.

Роберт фыркнул.

— Прекрасно, если хотите возиться с этой буржуазной ерундой — так и возитесь. Но у меня дела. И мне нужно поесть до половины седьмого.

— Мы постараемся побыстрее, Роберт, — сказал Эйвери Хопкинс, нервно смешивая коктейли. — Вот твоя порция, Вилли. *Waes hail!*

— *Drink hail!* — ответил я, очень обрадованный тем, что мне представилась возможность продемонстрировать свои познания. Пока мы пили коктейли, Роберт вел себя тихо. Когда Стелла подала обед, я спросил его:

— А что за митинг сегодня будет?

— Ну, все как обычно. Протест против этой отвратительной, безнравственной войны и загрязнения экологии...

— Извини меня, Роберт, — вмешался Эйвери Хопкинс, — но мне кажется, что ты имеешь в виду «загрязнение окружающей среды». Экология — это наука об окружающей среде, а не сама окружающая среда.

— Да какая разница, папа? В любом случае мы собираемся протестовать против загрязнения, расизма, фашизма, дискриминации по половому и имущественному признаку, против империализма, аттестаций и тестов на интеллект и...

Когда Роберт сделал паузу, чтобы перевести дух, вмешался я:

— Очень уж много у вас жалоб. А тебе не кажется, что вы добились бы куда большего, если бы сконцентрировались на чем-то одном?

— О, вы не поймете нас, дядя Вилли. Вы по другую сторону баррикад.

— Некоторые приятели-банкиры считают меня настоящим либералом, сочувствующим красным, — заметил я.

— О, это еще хуже, чем настоящие консерваторы! Вы, ребята, всегда пытаетесь заглушить классовые кон-

фликты, но нам необходима классовая борьба, если мы когда-нибудь собираемся уничтожить Систему. Нам это нужно, чтобы пробудить революционное сознание масс. Я имею в виду, что вы можете быть очень хорошим человеком в частной жизни, но вы принадлежите к классу угнетателей. Кроме того, вам уже далеко за сорок, так что вы просто не сумеете понять нас, молодых и прогрессивных людей. Мы с тем же успехом можем говорить на древнегреческом.

— Хорошо, — вздохнул я. — Но я, по крайней мере, прочитал «Капитал» Маркса. А ты?

— Маркса? Зачем? Он уже не интересен. Коммунисты стали просто обычным сборищем бюрократов. Вот чего они хотят добиться — захватить систему и управлять ею для собственной пользы. Но мы должны свергнуть систему, разбить ее вдребезги и начать сначала. И вот если вы прочли Маркузе...

— Да, прочел... Одну из его книг.

— И что думаете?

— Я думаю, что худшее собрание пустопорожней ерунды со времен «Майн кампф». Все о том, как Человек хочет одного, нужно ему другое, а делает он третье. Великое множество абстракций, не имеющих никакого отношения к реальному миру — к тому, чего хотят живые, настоящие люди или группы людей...

Пока я говорил, волнение Роберта все усиливалось. Потом он вскочил, позабыв про недоеденный ужин, и закричал:

— Хорошо, мы вам, старым негодяям, еще покажем! Мы с вами разберемся, как с этим социологом-реакционером! Все вы — части системы, которая жестоко уничтожает людей. Вы говорите о нашем насилии, но сами постоянно применяете против нас силу, вы посылаете своих фашистских полицейских свиней избивать нас! Вы слишком трусливы, чтобы самим делать

грязную работу, так что вы нанимаете свиней! Ну, к черту систему, и вас всех к черту!

Он хлопнул дверью; Эйвери, Стелла и я сидели молча. Это был один из самых неловких моментов в моей жизни. Эйвери Хопкинс пробормотал:

— Вилли, не могу тебе сказать, как я об этом сожалею... Такая варварская неучтивость...

— Боюсь, это я во всем виноват, — ответил я. — Мне нужно было замолчать, а не дразнить его.

После долгих взаимных извинений я поинтересовался:

— А что это за социолог-реакционер?

— Кажется, — ответил Хопкинс, — он говорил о Винсенте Россо, в кабинет которому подбросили бомбу. Он лишился правой ноги и всех своих научных данных.

— Я что-то читал об этом в газетах. В чем он провинился?

— Он поддерживал теорию наследственности, так что его считали расистом, империалистом и так далее.

Я помог убрать посуду со стола, а потом собрал вещи, которые мне могли пригодиться вечером в банке. Посмотрев на Армандо, лежавшего среди моих носков, я подумал: если ты когда-либо нуждался в помощи сверхъестественных сил, Уилсон Ньюбери, дружище, то именно сейчас, когда восстали толпы молодых идеалистов. Я положил статуэтку в портфель.

Эванс ждал меня у входа в Первый Национальный. Сторож, седовласый бывший полицейский по имени Джошуа, впустил нас.

За час мы успели только оформить передачу бумаг Хаммерстайн в мое ведение. Мы работали во внутреннем помещении, так что вид за окнами нас не отвлекал. Мне всегда казалось глупым строительство подобных банковских зданий; огромные стекла там не нужны, банк должен напоминать средневековую крепость. Но

Первый Национальный в Сан Романо был воплощением фантазий какого-то архитектора, с огромными зеркальными стеклами снаружи и причудливыми деревянными панелями внутри.

Джошуа постучал в дверь. Когда мы пригласили его войти, с ним вместе явился и Роберт Хопкинс, который совсем запыхался. Сторож сказал:

— Мистер Ньюбери, этот ваш племянник? Говорит, что он — сын профессора Хопкинса.

— Да, Джош, именно так. Что происходит?

— Там снаружи собралась большая толпа, они кричат. Этот молодой человек подошел к дверям и попросил, чтобы я впустил его. Он хочет предупредить вас.

— В чем дело, Боб?

— Дядя Вилли! Вам и мистеру Эвансу лучше убираться отсюда. Ребята собираются уничтожить этот символ реакции, а если вы останетесь внутри... ну, я сожалею, что сегодня вышел из себя. В общем, я на самом деле не очень хочу видеть, как вас поджарят заживо.

— Боже правый! — воскликнул Эванс. — Я вызову полицейских.

— Ничего не выйдет, — сказал Роберт. — Копы уже там, но они ничего не делают. Вам лучше убираться поскорее, пока еще можно.

— Чертов муниципальный совет! — сказал Эванс. — Они приказали полиции обращаться со студентами предельно аккуратно, потому что они больше не хотели привлекать внимание к городу после февральских столкновений. Давайте уходить.

Я быстро запихнул оставшиеся бумаги в свой портфель. Едва мы вышли из офиса, как со стороны входа донесся страшный грохот. Почти тотчас же рев толпы, который в офисе был едва слышен, стал очень громким.

Джошуа открыл дверь в вестибюль и шагнул вперед. Донесся глухой стук удара, и он отшатнулся. Охранник

потерял форменную кепку, и кровь потекла по его лицу. В него попал кирпич. Бутылки, кирпичи, камни и обломки бетона посыпались градом в коридор; роскошные окна были разбиты, осколки стекол рассыпались по плиткам пола. Одна из финиковых пальм у входа загорелась.

— Возвращаемся! — сказал Эванс. — Здесь оставаться — просто самоубийство.

— А есть в здании черный ход? — спросил я.

— Да. Попытаемся пробраться там.

Однако, когда мы подошли к двери черного хода, выяснилось, что ее можно открыть только двумя ключами сразу, а у Джошуа имелся лишь один. Остальные ключи, которые висели у него на поясе, к двери не подходили. Удивленный охранник долго перебирал ключи, потом за дело взялся Эванс, но тоже успеха не добился. Дверь оказалась массивной, обитой железом, в ней были только маленькие окошечки из толстого стекла; в общем, выломать ее не представлялось возможным. Я сказал:

— Если мы сумеем вернуться к входу и отключить свет в здании — тогда они не смогут нас увидеть и прицелиться, а мы попытаемся прорваться наружу.

Роберт Хопкинс, который выглядел так, будто вот-вот собирался упасть в обморок, поплелся за нами. Когда мы снова добрались до холла и выключили свет, обстрел не прекратился. Весь пол был усыпан камнями, кирпичами и битым стеклом. Не знаю, где мятежники раздобыли столько снарядов.

Когда свет в здании погас, мы смогли разглядеть наших противников. Примерно треть или четверть составляли девушки, и у всех была колючая проволока, которая символизировала, видимо, разрыв с буржуазными ценностями. Молодые люди выстроились полукругом перед банком. Вдали слева я разглядел отблески медных пуговиц — полицейские стояли, не двигаясь с места.

Чтобы сбежать, нам необходимо было прорваться сквозь строй атакующих. Бросая камни, мятежники повторяли один и тот же лозунг; прислушавшись, я разобрал слова: *«Трахни систему! Трахни систему!»*

— О, парень, — прорычал Эванс, — если б у меня был автомат и много патронов!

Тут и там в строю атакующих зажигались маленькие огоньки. Один из них взлетел вверх и упал перед зданием. Вверх взлетели языки яркого пламени.

— Зажигательные бомбы, — сказал я.

Еще одна наполненная бензином бутылка с зажженным фитилем пронеслась по воздуху. Она влетела в одно из разбитых окон, языки пламени озарили холл. Загорелись бумаги и занавески.

— Теперь мы точно изжаримся, — сказал Эванс. — Говорил же я, что в этом здании слишком много чертова дерева. Что нам делать?

Еще один «коктейль Молотова» со свистом влетел в здание. Жара становилась невыносимой, и мы кашляли от дыма. Сквозь языки пламени я разглядел, что подъехала пожарная машина, а пожарные подтянули шланг к гидранту. Но едва они подключили воду, несколько студентов набросились на шланг с топорами и мачете и быстро изрубили его в клочья. Пожарные отступили, попав под обстрел.

— Чертовы полицейские! — задыхался Эванс. — Смотрите на них, они просто стоят и глазек! Они боятся что-то сделать, потому что тогда все либеральные журналисты в этой стране начнут трепаться, как зверские фашистские свиньи убили нескольких невинных детей, которые просто весело проводили время.

— Нам нужно воспользоваться случаем и пробежать, ускользнув от огня, камней и всего прочего, — сказал Роберт Хопкинс, дрожа. — Может, если я закричу, что я один из них, они нас пропустят.

Бах! — упали очередные бомбы; огонь разгорался все сильнее.

— Подождите секунду, — сказал я. Я сделал шаг назад, отвернулся от своих спутников и вытащил из сумки Армандо.

— Армандо, — прошептал я, — если ты вытащишь нас отсюда целыми и невредимыми — я принесу тебе в жертву кролика.

Едва я произнес эти слова, последовала яркая вспышка и оглушительный раскат грома. Казалось, гроза началась прямо у нас над головами. В моих родных краях, когда такое случается, люди смотрят, не попала ли молния в соседнее дерево. А затем начался потрясающий ливень, сопровождавшийся молниями и громом.

Идеалисты разбежались в разные стороны. Пожарные достали другой шланг. Некоторые начали заливать огни какой-то пеной, а другие поливали из шланга сначала территорию вокруг здания, а потом вестибюль. Когда мы выходили, нам тоже досталось; мы промокли насквозь, кашляли и чихали. Но я не возражал, несмотря на то, что вынужден был на день задержаться в Сан-Романо.

На северо-востоке я привык к грозам. Я тогда не понимал, что в Калифорнии они настолько редки, что когда такое случается, люди звонят на радио и узнают, началось ли землетрясение. Поэтому не было ничего удивительного в том, что толпа рассеялась так быстро, столкнувшись со странным метеорологическим явлением.

Юный Роберт послушно поехал со мной домой; к счастью, никто не подумал сжечь мой автомобиль. Возможно, молодой человек кое-чему научился.

Это, однако, еще не конец рассказа об Армандо. Вернувшись домой, я выставил статую на стол. Телевизор

тотчас начал барахлить. Когда я поставил перед статуей восковые цветы — это не подействовало.

Когда зацвели живые цветы, я попробовал поднести Армандо веточку форситии, а потом сирень и азалии. Телевизор по-прежнему не работал, мастер не мог ничего поделать. Присцилла сказала:

— Папа, он почему-то разозлился. Может, ты что-то сделал не так?

Я задумался.

— Знаешь, я вот что вспоминаю: когда мы попали в ловушку в том горящем здании банка, я пообещал принести ему в жертву кролика, если он нас спасет. Он спас, но жертвы я не принес.

— Тогда мы должны принести ему жертву — иначе телевизора не будет. Иди и купи кролика. Я помогу тебе его убить.

— Черт меня побери! Никогда пятидюймовый обломок скалы не будет мне приказывать!

Телевизор так и не заработал. Кроме того, у нас началась какая-то череда несчастных случаев и мелких неудач. Я вывихнул лодыжку во время обычной воскресной партии в теннис и хромал не меньше двух недель. Наша газонокосилка сломалась. То же случилось со стиральной машиной, электрической плитой, посудомоечной машиной, пылесосом и печкой. У «Бьюика» спустила шина. Просто началось какое-то восстание роботов.

Я решил отнести статуэтку в отдел археологии Музея Естествознания. Я рассказал археологу, Джеку О'Нилу, как заполучил фигурку, и добавил:

— Я был уверен, что это современная подделка, иначе бы я ее не купил. Не хочу поддерживать черных археологов. Но я в самом деле хочу знать, что приобрел.

— Оставьте ее здесь на несколько дней, — сказал О'Нил. Когда я вернулся на следующей неделе, он сообщил: — Занятно, мистер Ньюбери. С вашей точки зре-

ния, это — настоящая старинная вещица; но с моей — современная фальшивка.

— Что вы имеете в виду?

— Все наши тесты — химические, спектральные и прочие — указывают, что эта вещь изготовлена в середине девятнадцатого века. Это стандартный образец. В наших запасниках лежат десятки таких статуэток, почти неотличимых от вашей. Весь фокус в том, что оригиналы были изготовлены в доколумбовую эпоху. В шестнадцатом столетии испанцы насильственно обращали местных жителей в католичество, поэтому изготовление этих идолов прекратилось. Промысел возродился уже в этом столетии — это неплохое средство выкачивания денег у туристов. Некоторые крестьяне находят те самые формы, по которым изготавливали статуэтки в древности, и делают, используя их, новые скульптуры.

— Выходит, такие штуки только наполовину фальшивые, — заметил я.

О'Нил улыбнулся.

— Это гораздо лучше, чем отыскивать настоящие древние вещицы и уничтожать их, чтобы подтвердить истинность новых поделок. Но к девятнадцатому веку Гватемала была уже четыре столетия христианской страной, а с другой стороны — туристов приезжало слишком мало, чтобы организовать рынки сбыта.

— Вы полагаете, что какие-то доколумбовские верования в горных районах сохранились, поэтому статуэтки продолжали изготавливать?

Он пожал плечами.

— Может быть. А возможно, какой-нибудь предприимчивый фермер из местных сделал скульптуру, чтобы продать ее Джону Ллоиду Стивенсу или Зелии Наттелл или кому-то из их преемников, когда археологи начали копать в руинах майя в прошлом столетии. — О'Нил погрузился в раздумья. — Вы не хотите ее продать?

— Не знаю. А за сколько?

— За тысячу долларов.

Если бы не долгие годы банковского опыта, я бы, наверное, вскочил с криком «Что?» Тысяча — хорошая, круглая сумма, даже во время инфляции, особенно если учесть, что статуэтка обошлась мне в доллар. Но опыт научил осторожности.

— В самом деле? — сказал я. — Неужели музей готов заплатить такие деньги?

О'Нил, казалось, заколебался.

— Это не музей, — произнес он наконец. — Это... частное лицо, прибывшее к нам несколько дней назад, чтобы мы помогли в поисках одной статуэтки. Он говорит, что вещь у него украли. Он выследил похитителя до самой Сололы и узнал, что один из членов вашей группы приобрел ее в марте. Он не знал, кто именно, но он объявил награду и обещал Музею пожертвование, если мы поможем ему определить местонахождение идола.

— Кто этот человек?

— Августин Флорес Валера, гватемалец.

— И где он теперь?

— Вернулся в Гватемалу; но он взял с нас слово, что мы с ним свяжемся в случае успеха.

— Зачем ему нужна статуэтка?

— Он профессиональный игрок; говорит, что это его амулет, приносящий удачу. Глупо, конечно, но я думаю, что мы можем ему помочь и получить деньги.

— Я об этом подумую, — сказал я, пряча статуэтку в портфель.

Я отвез Армандо домой и все обдумал. Я ничего не имел против сеньора Флореса, хотя в нашем банке могли бы воздержаться от выдачи кредита, узнав о роде занятий подобного клиента. Флорес, несомненно, выяснил, как подольститься к Армандо, чтобы добиться нужного расклада при игре в карты, кости и рулетку. Это едва ли

было честно по отношению к его противникам, но я никогда не испытывал большого сочувствия к жертвам шулеров. Если бы они не пытались получить что-то задаром, то никогда не подвергались бы такой опасности.

Если бы я оставил Армандо — мне пришлось бы принести ему обещанную жертву. Иначе он продолжал бы посылать нам неудачи. А если бы я ему уступил — то он мог бы в чем-нибудь мне помочь; но он также потребовал бы новых жертв. Я мог вообразить, какое влияние на репутацию «Трастовой компании Харрисона» оказала бы история о том, как вице-президент исполнял языческие кровавые обряды в лунные ночи. До войны, когда я был молодым дипломированным инженером, отчаянно искавшим работу, я прижал бы Армандо к груди, готовый и на жертвы, и на все прочее. Теперь, однако, дела обстояли по-другому.

Я все еще обдумывал эту проблему неделю спустя, когда в один дождливый воскресный день кто-то позвонил в дверной звонок. Стивен крикнул:

— К тебе человек пришел, папа.

Мужчина, невысокий и смуглый, назвался Августином Флоресом Валерой. Я пригласил его в кабинет и предложил сесть.

— Для меня великая радость и великая честь познакомиться с вами, сэр, — сказал гость, буквально подпрыгивая в кресле. — У вас прекрасный дом, прекрасная жена, прекрасные дети. Я поражен. Я очарован.

— Очень мило с вашей стороны, — сказал я. — Полагаю, вы насчет статуетки?

— Ах да, в самом деле. Я вижу ее у вас на столе. Дорогой доктор О'Нил сказал мне, что изложил вам все обстоятельства дела? Великий ученый, великий человек, доктор О'Нил.

— Итак, сеньор Флорес?

— Вам известно мое предложение?

— Да, сэр.

— Вы согласны принять его?

— Пока нет. Мне нужно больше времени, чтобы все обдумать.

— О, пожалуйста, мистер, мне немедленно нужна моя статуэтка. В моем деле человеку потребна вся удача, какая только возможна. Я отправляюсь в казино в Пуэрто-Рико... Послушайте. Вот что я вам скажу. У меня здесь есть другая статуэтка, в точности такая же. Подлинная старинная вещь, не современная фальшивка.

Флорес вытащил идола, очень похожего на моего. Когда он поставил его рядом с Армандо, их было непросто различить.

— Вот оно как, мистер, — проговорил он. Он подошел к моему столу и наклонился ко мне. У него была свойственная латиноамериканцам привычка очень близко подходить к человеку, с которым беседуешь. А еще у него был такой запах изо рта, который мог и буйвола свалить с копыт.

— Вы никогда не заметите разницы, — продолжал он. — Кроме того, у меня здесь с собой тысяча наличными. — Из другого кармана он выхватил пачку сотенных купюр и взмахнул ими передо мной. — Решайтесь же! Ну как, договорились?

Он не сделал и не сказал ничего особенно обидного — и все-таки сеньор Флорес мне нравился с каждой минутой все меньше. До его появления я склонялся к мысли вернуть ему Армандо; но навязчивость всегда раздражает. Я все время с этим сталкиваюсь, когда имею дело с промоутерами и разработчиками, которые хотят использовать деньги наших вкладчиков для реализации какой-то гениальной схемы. И я сказал:

— Нет, сожалею. Мне нужно время, чтобы все обдумать.

— Как насчет полутора тысяч? Я могу себе это позволить.

— Нет, сеньор, я имел в виду другое. Я еще не готов продать статую. *Mas tarde, puede ser.*

— О, вы говорите по-испански! Превосходно! Можно понять, что вы — очень культурный человек. Но поймите, мистер Ньюбери, я должен получить эту статую, теперь же. Не создавайте трудностей. Я готов даже предложить вам две тысячи.

Я вздохнул.

— Сеньор Флорес, вы слышали, что я сказал, и я от своих слов не отступаюсь. Если у меня будет время все обдумать, то позднее, когда вы мне напишете, я дам окончательный ответ.

Он замер на минуту, поджав губы. Я разглядел, что на виске у него пульсирует жилка, и подумал, что он собирается произнести какую-то яростную речь. Он, однако, овладел собой, убрал деньги и копию статуи и произнес:

— Очень хорошо, мистер Ньюбери, я не стану больше отнимать у вас время. Возможно, мы вскоре свяжемся с вами. Умоляю, передайте мои наилучшие пожелания прекрасной миссис Ньюбери и прекрасным детям Ньюбери. Всего вам наилучшего, мистер.

Он церемонно поклонился и ушел. Когда он садился в такси, я услышал крик Присциллы:

— Эй, папа, телевизор снова работает!

Так оно и было. Внезапно меня осенило, я вернулся в кабинет и схватил Армандо. Только это был не Армандо. У меня осталась та самая почти точная копия, которую Флорес поставил рядом с моей статуэткой.

Она, как я вскорости выяснил, сцарапав черную краску, была сделана из серой глины, а не из красного песчаника. Кроме того, она была изготовлена по шаблону — можно было увидеть линии, оставшиеся от формы

— и отшлифована, а не выточена из твердого камня. Флорес подменил статуэтки и хладнокровно прихватил мою. Мне следовало понимать, что я имею дело с профессиональным игроком.

Больше всего меня расстроили две тысячи, которые я мог бы взять, если бы не поддался влиянию мелкой личной неприязни.

Я больше никогда не слышал о Флоресе Валере, и Музей не получил обещанного им пожертвования. Я часто задумывался: действительно ли Армандо настолько стремился заставить кого-то принести ему кровавую жертву, что ради этого сам спланировал собственное похищение? Подчинился ли его требованиям новый владелец? Если игрок отказался, то Армандо мог уничтожить его самыми разными способами.

Мне иногда не хватает уродливого лица моего маленького божка, но может статься, и хорошо, что он исчез. В финансовых операциях и человеческих отношениях мне и так довольно трудно оценивать благоприятные шансы. А если бы пришлось еще считаться с прихотями кровожадного и норовистого божества!

Приап

Мне нравится мой шурин, но после того, что творилось во время моих визитов к нему, я опасаясь навещать родственника. В первый раз, оказавшись в Калифорнии по делам, я едва не изжарился заживо в горящем здании банка. А во второй раз ...

В ту зиму, когда наш сын Стивен учился на втором курсе, я свалился с гриппом; пот лил с меня рекой. Президент «Трастовой компании Харрисона», Эзо Дрексель, сказал:

— Вилли, возьми отпуск на остаток месяца и поезжай куда-нибудь в теплые края. Дел сейчас немного, и мы легко с ними справимся. Можешь взять с собой Дениз.

— И оставить троих детей одних дома?

— Да позабудь ты о своих отцовских обязанностях! Дети достаточно взрослые, чтобы остаться без родителей, да и ведут себя они настолько хорошо, насколько можно ожидать от детей в настоящее время. Да, когда мне было столько же лет, сколько твоему парню...

Хитростью добившись приглашения от Эйвери и Стеллы Хопкинс, мы с Дениз полетели в Сан-Романо, к калифорнийскому солнцу. Правда, мы прибыли посреди двухдневного зимнего ливня, но потом небо расчистилось, мы смогли немного позагорать и поиграть в теннис.

Мой тощий маленький племянник Роберт Хопкинс, волосатый как всегда, но более послушный, чем в прошлом году, учился на последнем курсе в местном колледже, где Эйвери Хопкинс был профессором среднеанглийского языка.

— Знаете, дядя Вилли, — сказал Роберт во время обеда, — все эти разговоры о горящих банках и о подобных вещах объясняются просто: люди подходят к делу не с

того конца. Я теперь это понимаю. Если вы действительно хотите изменить Систему, то ничего не добьетесь, используя те же материальные средства, которыми вооружен класс угнетателей, потому что в итоге вы оказываетесь такими же материалистами, как эти угнетатели. Вот в чем состояла ошибка коммунистов. Нужно подойти к делу с другой стороны — нужно обвести соперника, как на футбольном поле.

— Как будто ты сам кого-то обводил на поле... — заметил Эйвери Хопкинс.

— Хорошо, хорошо, как будто вы обводите соперника. Я, конечно, не очень-то большой любитель спорта.

— Я никогда этого и не предполагал, — ответил я. — И как же ты предлагаешь «подойти с другой стороны»?

— Потребуется особые познания. Прямо сейчас этим занята небольшая исследовательская группа. Мы отыскиваем научный метод использования любви в качестве оружия.

Я вопросительно посмотрел на родителей Роберта. Моя сестра Стелла сказала:

— Это — какая-то оккультная группа, к которой Роберт присоединился. Мы не очень интересуемся их идеями; но они заставили Боба отказаться от марихуаны, так что совсем дурными они не могут быть.

— Пока у него высокие оценки, — заявил Эйвери Хопкинс, — он может заниматься какими угодно идейными играми. Молодые люди всегда мечтают — из одной крайности в другую. Как говорит Аристотель, они презирают деньги, потому что не знают, каково это — жить без денег.

Вспомнив прошлогодние проделки Роберта, я ожидал истерики или по крайней мере вспышки гнева. Вместо этого парень просто улыбнулся.

— Вы все поймете, — сказал он. — Дядя Вилли, не хотите ли вы с тетей Дениз посетить одну из наших цер-

моний? Я попытался пригласить туда родителей, но они не хотят об этом даже думать. Мастер Добени обещал нам высшее откровение.

— Я могу пойти, — сказал я. — А что касается Дениз — спроси ее сам.

— Я тоже не против, — ответила Дениз. — Мой гениальный муж упрям и глуп, так что без меня он непременно ввяжется в какие-то неприятности.

На следующий день Стелла пригласила Дениз на прогулку по магазинам Сан-Романо. Эйвери Хопкинс спросил, не хочу ли я осмотреть университетский городок. Делать было нечего, пришлось согласиться на экскурсию. По образованию я инженер, а банкиром стал лишь по воле обстоятельств, так что научные лаборатории заинтересовали меня больше всего. В биологическом корпусе Хопкинс встретил какого-то молодого преподавателя.

— Это — Джерри Клейнфасс, — сказал Эймери. — Мой шурин, Уилсон Ньюбери. Что нового, Джерри? Кто выпустил пиранию в плавательный бассейн?

— Боже правый! — воскликнул я. — Неужели какого-то бедолагу сожрали, когда он решил поплавать?

— Нет, — ответил Клейнфасс. — Какой-то студент действительно выпустил несколько рыб в бассейн, а потом рассказал всем об этом как раз во время соревнований. Видели бы вы, как пловцы выпрыгивали из воды! Но эти пираньи оказались безобидными — вид, знаете ли, другой... Но вот что нас теперь волнует: кто украл одного из наших червей *Urechis*?

— Вашего кого? — переспросил я.

— *Urechis*, большого морского червя. Мы получили несколько особей для экспериментов с побережья Санта-Барбары. Теперь кто-то стащил одного — вместе с резервуаром.

— А с какой стати ему это понадобилось?

Клейнфасс пожал плечами.

— Мы понятия не имеем, если только вор не хочет его зажарить и съесть. Я не думаю, что ему это понравится.

— Могу ли я посмотреть на этих червей?

— Конечно. Пойдемте со мной.

Клейнфасс проводил Хопкинса и меня в комнату, уставленную маленькими стеклянными резервуарами, в которых находились различные морские обитатели. У одних были клешни, у других — щупальца, у третьих — еще какие-то странные придатки.

— А вот и они, — сказал Клейнфасс.

В нескольких резервуарах медленно плавали большие розовые черви. Все они были цилиндрической формы, примерно восьми или девяти дюймов длиной и дюймового диаметра. Они удивительно напоминали человеческую плоть — причем не только по цвету. У червей даже были тонкие синие вены, видимые сквозь кожу. Эффект был потрясающим.

Я рассмеялся.

— Вижу органы, — пошутил я, — но где организмы?

Клейнфасс улыбнулся.

— Вы не первый, кто отметил сходство. Вот тот резервуар пуст — там находился исчезнувший червь. Мы называли его Приап. Другие — Казанова, Лотарио и Дон Жуан. Чтобы поймать их, нужно опустить в нору длинную резиновую трубку. Червь заглатывает ее и начинает взбираться вверх; получается что-то вроде рукава поверх трубы. Остается только вытащить всю эту конструкцию и снять червя.

В тот вечер Хопкинсы пригласили на ужин еще одну семейную пару. Это были адъюнкт-профессор Марвин Хелд с кафедры языков и его жена Этель, доцент психологии. Хелд, крупный мужчина с густой бородой, который преподавал романские языки, отстаивал права ла-

тыни и сожалел об исчезновении древних языков из учебных планов современной школы.

— Не уверен, — заметил я. — Я позабыл почти все латинские слова, которые выучил в школе. Лучше было бы потратить время на какой-нибудь распространенный современный язык, вроде испанского.

— О, вы оба неправы, — высоким ломающимся голосом произнес юный Роберт. — Я знаю людей, которые бывали во всех концах земли, и они всегда находили кого-то, кто говорил на английском языке, если они кричали достаточно долго и громко.

Хелд фыркнул.

— Неудивительно, что мы превращаемся в страну неграмотных! Сначала дети требуют мест в совете колледжа, и наша бесхребетная администрация подчиняется их требованиям. Потом они выясняют, что нет ничего скучнее заседаний совета, на которых решается, следует ли подтверждать высшие баллы по французскому, выставленные в «Первобытном баптистском колледже» в Грязном Ручье, Миссисипи. И они перестают посещать заседания. Потом они заявляют, что не желают изучать историю, иностранные языки и так далее. Им нужно только то, что они называют «жизненным опытом». А на самом деле они желают просто получить диплом — диплом как он есть, работа им не нужна.

— Вместо того, чтобы изучать ту никчемную ерунду, которую вы, господа, нам предлагаете, — ответил Роберт, — лучше проводить время с пользой и научиться применять невидимые силы вселенной.

— Как мне кажется, — произнес я, — языки — главная невидимая сила в нашем мире. Попробуй-ка оказаться в Ираке, как однажды оказался я, не зная ни единого слова по-арабски, кроме «Да», «нет» и «где туалет?» — и сразу изменишь свое мнение.

Дениз добавила:

— Никто не может называть себя цивилизованным, образованным человеком, не зная, по крайней мере, французского.

Не обратив внимания на ее слова, Роберт заявил:

— Я совсем не то имел в виду, дядя Вили. Приходите на великий ритуал Общества Агапе послезавтра — и вы все поймете. Мы собираемся призвать духа любви.

Марвин Хелд произнес:

— Боб, я слышал разные истории об этом собрании. Можем мы с Этель тоже придти? Это может быть интересно и с профессиональной точки зрения.

— И вы хотите на нас посмотреть, как на каких-нибудь жуков под микроскопом? — сказал Роберт. — Хорошо, приходите. Может, придете к выводу, что жуки правы — и присоединитесь к нам.

После того, как Хелды ушли, Эйвери Хопкинс сказал мне:

— Вили, думаю, мне следует тебя предупредить. Ходят слухи, что эти люди устраивают оргии.

— В самом деле? — удивился я. — Всегда хотел присутствовать на оргии. Не знаю, как к этому отнесется Дениз; она воспитана в строгих правилах во французской протестантской семье. А что это, собственно, за культ такой?

— Ну, что-то вроде сексуальной магии; такие повсюду появляются сейчас, когда молодежные протесты начали затухать.

— Ну, в штате всегда был чудесный климат — психи тут просто плодятся. Я сам слегка староват для организованных оргий, но посмотреть будет интересно. Я давно наблюдаю за дикой природой, а подобные излишества всегда занимали Ното сариенс.

В начале столетия человек по фамилии Баннистер работал состояние на нефти и выстроил в Сан-Романо особняк. Общество Агапе арендовало этот особняк, сто-

явший посреди огромного участка, в окружении пальм, акаций и перечных деревьев. Дом оказался огромным, нелепым сооружением, псевдоиспанским снаружи и псевдо-средневековым внутри. Со времен семейства Баннистеров сооружение пришло в упадок, но ветхим его назвать было нельзя — на дом с привидениями этот особняк еще не походил.

Марвин и Этель Хелд показали нам дорогу к особняку — сами мы в незнакомом городе вряд ли отыскиали бы это место. Роберт Хопкинс с нами не пошел. Пообещав встретить нас в доме Баннистера, он отправился за своей подружкой.

У входа пришлось задержаться. Двое мускулистых агапеанцев в черных одеждах стерегли парадную дверь. Они не впускали нас, требуя, чтобы Роберт поручился за гостей, а Роберт опаздывал. Когда формальности были наконец улажены, нас проводили в огромную гостиную — почти тотчас же огни погасли; начиналось большое шоу.

— Нам с Сэнди нужно переодеться, — прошептал Роберт. — Гости сидят в последнем ряду. Проходите и садитесь; я вернусь... через полминуты.

Стулья были расставлены в форме полумесяца. Мы отыскиали четыре свободных стула с краю заднего ряда. Отсюда мы смогли разглядеть большинство присутствующих, кого-то в профиль, кого-то в анфас.

Когда наши глаза привыкли к тусклому освещению, Дениз открыла рот от удивления. Передние ряды, составленные из диванов, кушеток и оттоманок, выстроенных вплотную, были заняты тремя десятками посетителей, которые устроились попарно. Большинство из них были молоды, и все были обнажены. Некоторые ласкали друг друга.

Роберт Хопкинс, без одежды напоминавший ошипанного цыпленка, в сопровождении столь же обнаженной

девушки, прокрался с другой стороны и занял места в дальнем конце одного из передних рядов. Под словом «одеться» Роберт явно понимал совсем не то, что понимают обычно.

Дениз прошептала:

— Вилли, я не думаю, что нам следует здесь оставаться здесь. *C'est une indécence!*

— О, перестань! — прошептал я в ответ. — Ты же водила меня на тот нудистский пляж во Франции.

— Там все было по-другому — чистая, здоровая природа. А это — разврат.

— Успокойся, — сказал я. — Никто же не говорит, что нам тоже нужно раздеваться.

Дениз замолчала. Перед рядами кресел был установлен временный деревянный помост, высотой около фута. На этой платформе находился маленький стеклянный резервуар. В резервуаре была вода и что-то розовое и извивающееся. Я опознал червя *urechis*, несомненно, украденного из биологической лаборатории.

С двух концов помоста стояли высокие подсвечники; в них горели огромные свечи. В дальней части возвышения я увидел курильницу, от которой исходили струйки ароматного дыма.

Человек в красном одеянии вышел из тени и занял свое место на возвышении, позади резервуара с червем. Это был невысокий лысеющий мужчина примерно моего возраста; тонкие темные волосы были расчесаны по его голому черепу.

— Добрый вечер, мои спутники в необычайном приключении, — проговорил Мастер Добени. — Да пребудет с вами бесконечная любовь. Сегодня вечером мы предпримем величайшее из наших магических действий, которое дарует нам самим и всем разделенному человечеству бесконечное благословение любви. Мы призовем любовь в ее чистейшей, концентрированной форме, в

форме бога Приапа, бога истинной любви. Его воплощением является то морское создание, которое сейчас здесь, рядом со мной.

Согласно законам симпатической магии, молитва, обращенная к этому созданию, которое своей формой символизирует величайшую особенность божества, привлекает к нам самого Приапа. И тогда мы исполним то, что надлежит — нет, нет! — Он как к малым детям обратился к Роберту и Сэнди, которые ласкали людей друг друга и явно готовы были начать, не дожидаясь сигнала. — Вам следует подождать, когда появится бог. Терпение, терпение!

Продолжим. Мы исполним величайший акт любви, воздав дань богу. Ибо что ныне тревожит человечество? Откуда берутся войны, преступления и забастовки? Все от недостатка любви. С помощью Приапа мы, направляя оккультные течения, внушим любовь сначала нашим соотечественникам, а затем и всему миру...

Он продолжал в течение получаса рассуждать о различных планах существования, материализации духовных сущностей и потребности в вечных течениях любви на всех уровнях семимерной вселенной. Эти течения можно было направить, если совершить массовый, так сказать, всеобщий акт единения.

Насколько я мог видеть, молодые люди, собравшиеся в зале, были готовы исполнить свои роли в обряде. Так прямо не стояли даже солдаты в моем подразделении во время войны. Все пары целовали и ласкали друг друга. Мне хотелось схватить Дениз и присоединиться к пиршеству, но на лице ее появилось выражение неодобрения, так что от этой идеи пришлось отказаться. Дениз прошептала:

— Вилли, я не собираюсь здесь сидеть и смотреть, как прекрасная любовь превращается в цирк!

— Ну перестань! — воскликнул я. — То, что они делают, не причинит нам вреда. Кроме того, если ты меня здесь бросишь, кто знает, во что я могу впутаться?

Рядом с нами о том же спорили и Хелды. Правда, в их беседе роли распределились иначе: мужчина хотел уехать, а женщина — остаться. Будучи психологом, Этель Хелд не собиралась пропускать этот эксперимент.

Наконец проповедь подошла к концу. Даубени вытащил из широкого рукава волшебную палочку и начал произносить заклинание. Он постоянно вертелся из стороны в сторону, размахивал палочкой, будто дирижировал невидимым оркестром, и пел.

Голос Мастера поднялся до крика. Я кое-как сумел понять, что он говорил на латыни. Заклинание закончилось воплем:

— *Veni, magistre venereonum! Veni, veni, veni!*

Я ожидал, что далее начнутся фокусы или какое-то жульничество. Но к тому, что случилось, я подготовлен не был. Огоньки двух больших свечей почти угасли, остались маленькие точки, напоминавшие застывших светячков. А потом последовала ослепительная вспышка холодного, белого света, сопровождавшаяся ударом грома.

На краю возвышения, лицом к Мастеру Даубени, стояла молодая женщина. Высокая, худая, темноволосая, с орлиным носом, она была облачена в классический хитон до колен; это одеяние оставляло открытой одну маленькую, девственную грудь. В левой руке она держала натянутый лук. Колчан со стрелами висел на кожаной перевязи у нее за спиной.

Стоя в темном зале, озаренная неведомо откуда исходящим светом дева осмотрела Мастера, а затем и зрителей. Голые прихожане сидели, позабыв о своих игрищах. Они выглядели... думаю, здесь будет уместно слово «ошеломленными».

— Вот! — голос у нее оказался очень звонкий. — Ты позват меня на твое — как ты говорить — твое *comissione turpi* — твое пахабно игрище?

Мне не приходило в голову, что Диана (я предположил, что наша чудесная гостья — это именно она) будет говорить по-английски с сильным итальянским акцентом.

— Вилли! — тихо и решительно произнес Марвин Хелд. — Давайте убираться отсюда, быстро! Я объясню все снаружи.

Он встал. Его примеру последовали Дениз и Этель Хелд. Сидя с краю, я тоже вынужден был подняться.

— Быстрее! — проговорил Хелд. — Не спорьте; я потом вам расскажу. — Я кротко последовал за всеми остальными.

— Итак, — продолжало видение, — я сдела вас *disso-lutos!*

Мы бросились в коридор. Когда мы достигли парадной двери, призрачная гостья произнесла на латыни какую-то длинную фразу. Я расслышал только последние слова: «...*cum impotentia, sterilitate, et frigore!*»

Мы уже приближались к автомобилю Хелдов, как вдруг сзади донеслось громкое «Эй!» Мы обернулись и увидели Роберта и Сэнди. Роберт был одет в рубашку и рваные синие джинсы, но бежал босиком; одежда девушки тоже находилась в беспорядке.

— Что... что случилось? — задыхаясь, проговорил он. — Я помню только, что мы с Сэнди уже не могли ждать, в общем, мы убрались в спальню и занялись делом — а потом раздался большой бум. Это... как бы... ну, отвлекло нас от занятий. Когда я заглянул в зал заседаний, то увидел даму на платформе, которая кричала на каком-то непонятном языке, и вас четверых, быстро убегающих. Я схватил Сэнди, и мы помчались оттуда со всех ног. Что же произошло?

Хелд объяснил:

— Ваш волшебник призывал Приапа, фаллическое божество, но вместо него вызвал Диану. Будучи богиней целомудрия, а также луны и охоты, она была оскорблена тем, что увидела. Поэтому она прокляла всех в комнате, обрекая их на бессилие, бесплодие и фригидность. Зная классические мифы, я предположил, что такое может случиться.

(Согласно тому, что старшие Хопкинсы написали нам позднее, проклятие подействовало. Не знаю, было ли оно когда-то снято.)

— Вот дела! — завопил Роберт Хопкинс. — Вы полагаете, что проклятие коснулось и нас?

— Я не знаю, — сказал Хелд. — Придется подождать и выяснить это.

— Как же Мастер мог ошибиться?

— Он не знал латыни. В молитве он произнес *magistre venereonum*. Во-первых, он решил, что *magistre* — это звательный падеж от слова *magister*; но только существительные второго отклонения получают такое окончание. Во вторых, нет такого слова *venereonum*. Он образовал родительный во множественном числе от несуществующего существительного третьего склонения *venereo*, а это творительный падеж... — Этель Хелд ткнула мужа в бок. Он закончил объяснения: — В общем, он хотел сказать *magister venerariorum*, «владыка любовных игр». А при его дурном произношении получилось совсем другое — он произнес нечто вроде *magistra venationum*, «повелительница охоты», а это титул Дианы.

— Профессор Хелд, — негромко спросил Роберт, — как вы думаете, могу я заняться в следующем году, положим, языками?

— Приходи завтра ко мне, и мы это обсудим.

Поздно ночью Дениз радостно вздохнула.

— По крайней мере, мой старичок, мы знаем, что проклятие нас не коснулось. Но когда я тебе говорю, что пора уходить, не спорь со мной, а иди *à l'instant!*

— Да, дорогая, — ответил я.

От переводчика

Есть книги, которые бессмысленно комментировать — утрачивается вся прелесть чтения. «Птеродактили» — из таких книг; аура этого цикла, созданного пожилым человеком, немало повидавшим и прочитавшим, не поддается подстрочному истолкованию. Как выглядит фер-де-ланс, можно узнать из Википедии, о смысле французских слов и выражений догадаться — как догадываются многие собеседники семейства Ньюбери, об исторических нюансах можно было бы целую статью написать, но не для того создавались рассказы... И тем не менее некоторые пояснения к отдельным текстам просто необходимы — без них вряд ли удастся оценить замысел Де Кампа. Кроме того, нужно объяснить, почему в книге появились силуэты великих (и не очень великих) писателей, которые воспроизведены в начале сборника...

Отчасти основная идея озвучена в предисловии — создать трибьют «Вейрд тэйлз», почтив лучших авторов журнала и продолжателей их дела, восстановить ауру 1930-х годов «на новом этапе», взять старые сюжеты — и вдохнуть в них новую жизнь. Но, может статься, некоторые первоисточники определить уже не так легко. В своих мемуарах «Время и обстоятельства» (1997) Де Камп дает некоторые подсказки. Мемуары я цитирую в дальнейшем без указания источника; свои пояснения предлагаю также — пусть иногда они покажутся избыточными.

«Зеркало Бальзамо». «Рассказ основан на личном опыте обучения в Массачусетском технологическом в 1932-м, когда Лавкрафт, о котором я тогда еще не слышал, жил в Провиденсе. Я использовал сюжет о путешествиях во времени, в котором преодолевается извест-

ный парадокс: что, если вы вернетесь в прошлое и убьете своего дедушку, когда он был еще ребенком? Я изобразил в рассказе самого Лавкрафта, не называя его, и подчеркнул контраст между его идеализированной Англией восемнадцатого столетия и реальным миром, в который он мог бы перенестись. Чтобы воспроизвести особенности диалекта, я перечитал «Тома Джонса» Филдинга». Следует добавить, что в рассказе подчеркиваются предубеждения Лавкрафта, которым Де Камп немало внимания уделил в биографии ГФЛ; здесь и любовь к парикам, и отвращение к бородам, и расовые предрасудки... Сам же сюжет о магическом зеркале неоднократно воспроизводился в массовой литературе 1930-х; вот только во времена Тома Джонса мало кто из героев переносился.

«Лампа». Этот рассказ был написан первым, в июле 1975 года. Фраза из письма Лавкрафта действительно подсказала сюжет, а фоном для него стал летний домик семьи Де Камп в Адирондаке. «Майк Девлин — это друг моего детства, лесоруб ирландско-канадского происхождения Пэдди Хоган. Герой — повествователь, Вилли Ньюбери, как и большинство моих вымышленных персонажей, является образом составным. Кое-что я взял от себя, кое-что — от моего друга Роберта И. Камина, некоторые черты заимствованы у других реальных людей. Боб Каммин снабдил меня деталями банковской практики и терминологии; по профессии он, как и Вилли Ньюбери, банкир». Еще стоит добавить, что имя божества «Йускийек» сильно напоминает непроезжие имена богов из пантеона Лавкрафта, а сюжет об Атлантиде Де Кампа привлекал на протяжении десятилетий; помимо художественных произведений, он писал и научно-популярные книги на эту тему; одна из них («Потерянные континенты») переведена и на русский.

«Аджи». «В этом рассказе я вернулся в Адирондак; история основана на реальном мошенничестве с подводным змеем, которое имело место на озере Георга за много лет до этого».

«Менгир». Каменные круги, дольмены, менгиры интересовали не только Лавкрафта; нельзя забывать об Артуре Мэйчене, в 30-е годы многие друзья Де Кампа пытались подражать его стилю и сюжетам. Поездка во Францию имела место в 1968 году; в рассказе описан реальный замок Шато де Локгеноль и его хозяйка — графиня де ла Саблье.

«Дариус». Рассказы о переселении душ с ироническим подтекстом в «Вейрд тэйлз» появлялись нечасто. Но в этом поджанре был и свой классик — Саки (Гектор Х. Манро), перу которого принадлежат «Ёж», «Луиза» и многие другие произведения о ложных и истинных реинкарнациях. Рассказ Де Кампа — изящное продолжение традиции. Сам писатель был большим поклонником верховой езды, о чем неоднократно упоминается в его мемуарах; в 1975 году во время пребывания в Адирондаке с Кэтрин Де Камп действительно произошел неприятный случай: новый владелец конюшни выдал ей необученную лошадь, в итоге все натерпелось страху, но, как и в рассказе, все обошлось...

«Юнайтед Имп». Этот великолепный рассказ был написан одним из последних. «В качестве почетных гостей мы (*супруги Де Камп*. – А.С.) посетили Дип-Саут-кон, НФ-конвент в Атланте в августе 1976 года. Мы прогуливались неподалеку от мотеля — и увидели на соседнем здании вывеску «Юнайтед Имп», после слова «имп» точки не было. Кэтрин сказала мне, что на эту тему можно написать рассказ; дом культистов, описанный в рассказе, также существовал в реальности». А профсоюзное движение в Америке 70-х также было более чем реально. Строки из поэмы Спенсера, которые цитируются в

рассказе, я перевел сам — неточно, но постаравшись подчеркнуть связь с сюжетом произведения.

«Тики». «Музей Естествознания в рассказе — это соединение Музея университета Пенсильвании и Академии естествознания в Филадельфии». А история идола с острова Пасхи отсылает к классическому роману Дональда Уондри «Паутина острова Пасхи», изданному «Аркхэм-хауз».

«Далекый Вавилон». «Здесь я перенес Вилли в Техас и заставил его встретиться с призраком Роберта И. Говарда, имени Говарда не называя. ...Говард написал несколько стихотворений о Вавилоне. Случай, о котором рассказывает Вилли, об убийстве в Техасе молодого северянина парнем, девушку которого северянин пригласил потанцевать — этот случай рассказал мне отец. Он услышал историю от своего друга Карла Галича, бизнесмена из Рочестера, который на рубеже веков путешествовал с приятелем по Техасу и стал свидетелем этого убийства». О самоубийстве Говарда Де Камп в рассказе не рассуждает — полную биографию создателя Конана ему еще только предстояло написать...

«Желтый человек». Сюжеты, связанные с вуду, были широко распространены в 1930-х; в «Вейрд тэйлз» на эту тему особенно много писал Генри С. Уайтхэд. Своеобразный трибьют историям о зловещих бокорах Де Камп написал, основываясь на собственном опыте путешествий, на впечатлениях от карибских круизов 1976-77 гг.

«Послание змей». Этот рассказ — один из самых сложных в сериале; ведь здесь в сюжете переплетаются мотивы, заимствованные у Смита, Говарда и Лавкрафта. И как ни странно, именно этот рассказ в наибольшей мере основан на реальных событиях. «В двух статьях я критически отозвался об известном псевдонаучном культе. В ответ члены этой секты обрушились на меня:

присылали свои материалы, требовали извинений, угрожали судебными преследованиями. Потом они начали бомбардировать меня котами и материалами о котках. Кто-то из них услышал, что у меня аллергия на кошек, и решил, что это невротическая фобия (На самом деле я люблю кошек; все дело в биохимической реакции на их шерсть). Видимо, засыпая меня кошками, картинками и вещами, связанными с ними, культисты хотели довести меня до больничной койки». Далее Де Камп в мемуарах подробно воспроизводит все те события, которые казались в рассказе вымышленными и забавными. Были и объявления о покупке кошек, и ответы из журнала «Кэтс мэгезин», и анонимные письма соседям, и обращение в полицию... В итоге, как ни прискорбно, писателю пришлось пойти на сделку с противниками — он обязался никогда о культе не упоминать, а фанатики обещали прекратить «войну». Обе стороны обещание, сколько можно судить, сдержали. Но от того не менее интересным становится «литературный» подтекст рассказа.

Несомненно, мотив «послания змей» теснейшим образом связано с «Проклятием Йига» — рассказом Зелии Бишоп, переработанным Г. Ф. Лавкрафтом. Но люди-змеи еще до того появились в рассказе Р. Говарда о короле Кулле, опубликованном в «Вейрд тэйлз», позднее Йиг и его последователи упоминались у К.Э. Смита и Л. Картера. Исследователи возводят всю эту мифологию к рассказу ГФЛ «Безымянный город». А планета Ксиккарф — одно из самых странных созданий К.Э. Смита — упоминается лишь в нескольких рассказах; в их числе «Лабиринт Маал-Двеба» и «Женщины-цветы». Все эти миры оказались, пусть и несколько искусственно, связаны в рассказе Де Кампа.

«Гуны». В рассказе Де Камп обратился уже к своей собственной литературной мифологии; одно из главных действующих лиц — Чарли Кэтфиш, герой знаменитого

рассказа «Шаман поневоле». Эпизод с французским священником, который отвернулся от танцующих индейцев в знак протеста против эксплуатации белыми коренного населения, не придуман. В 1962 году Де Камп был на съезде историков в Корнельском университете; священник выразил свое возмущение, на это один из русских гостей заметил ему: «Да, как французы в Алжире!» Тетушка Флоренс и ее дом тоже вполне реальны; дом — особняк Лаймена Р. Лайона, после пожара в 1890-х существенно перестроенный и носивший имя «Флориссан».

«Пурпурные птеродактили». Этот рассказ был написан третьим, после произведений о лампе и зеркале. Как и многие другие произведения серии, он основан на путевых впечатлениях писателя. На сей раз это был отпуск, проведенный в Оушен-сити в штате Мэриленд в 1975 году. «Мой сын Джерард потратил немало денег пытаясь заполучить на аттракционе с кольцами приз — плюшевую пантеру». Конечно, сам сюжет о джинне далеко не нов, но в нем присутствуют и элементы лавкрафтовской мифологии — ювелир Хагопян, например, появился в рассказе Брайана Ламли, написанном в начале 70-х. (Да, и не задумывайтесь о цвете призовых «птичек» — конечно, они скорее «фиолетовые»).

«Сундук мертвеца». Конечно, рассказ многим обязан Стивенсону и Лавкрафту — переплетение двух классических мифологий осуществлено достаточно очевидным способом. Однако не следует забывать и о личном опыте: в 1975 году Де Кампы, взяв с собой внуку Патрицию, отправились на Галапагосские острова на яхте «Флореана». Некоторые впечатления от круиза воспроизводятся в рассказе — это и описания островной фауны, и фраза добродушного моряка: «Да вы по-испански говорите лучше меня!»

«Статуэтка». Рассказ основан на воспоминаниях о моей поездке в Центральную Америку в 1963 году; в Гватемале я приобрел именно такую статуэтку. У меня подобралась немалая коллекция таких божков; о них я написал в стихотворении «Мои уродцы»... Также в рассказе я выразил отрицательное отношение к молодежным восстаниям. Рассказ вызвал раздражение у многих читателей, сочувствовавших движению. Но в реальной жизни, в феврале 1970 года, банк в Исла Виста, Калифорния, был сожжен дотла группой юных идеалистов, и там не было гватемальского божка. Некоторые фразы отдельных персонажей рассказа — почти буквальное воспроизведение заявлений молодых бунтарей, которые цитировались в газетах... Подобные выступления, как и протесты во время Чикагской демократической конвенции 1968 года, несомненно вызвали консервативное противодействие 1970-80-х.

«Приап». Еще одна метаморфоза древнего божества — и еще один выпад в адрес «бунтующей молодежи»

...Вот, собственно, и все — 15 рассказов Де Камп собрал под одной обложкой; сначала вышло подарочное издание (тиражом 200 экз.), потом издание в бумажной обложке в «Эйс букс». Книга хорошо продавалась и удостоилась положительных отзывов, но заказать второй тираж не успели — набор в типографии уже рассыпали. В итоге переиздания пришлось ждать очень долго, и получилось оно на редкость неисправным (в электронном издании «Sf Gateway» очень много опечаток). Данный перевод сделан по первому изданию.

Я хотел бы посвятить эту работу своим родителям, Юрию Федоровичу и Вере Владимировне, и тете, Татьяне Владимировне. Благодаря им я мог в детстве читать хорошие книги — и когда подрос, сумел переводить другие хорошие книги сам...

Александр Сорочан

Содержание

Предисловие	5
Зеркало Бальзамо	7
Лампа	29
Ааджи	54
Менгир	72
Дариус	92
«Юнайтед Имп»	107
Тики	127
Далекий Вавилон	139
Желтый человек	146
Послание змей	171
«Гунны»	196
Пурпурные птеродактили	227
Сундук мертвеца	249
Статуэтка	265
Приап	290
От переводчика	303

Готовится к изданию

Л. Спрэг Де Камп

Великий фетиш

У этой книги необычная история. Роман должен был стать частью одной из первых shared-world серий – но не стал, так как концепция Де Кампа оказалась неприемлемой для НФ-проекта. Его должен был напечатать Джон Кэмпбелл – но в последний момент отказался; описания эротических обрядов показались редактору чрезмерно откровенными. И вот в 70-х Де Камп переработал эту удивительную приключенческую сатиру – и появился смешной, циничный и в то же время исключительно эффектный роман.

Тираж 70 экз.

На правах рукописи

Издательство «Литера-Т»

Отпечатано в типографии «Пегана-пресс»

Впервые на русском - блестящий
образец «рекурсивной фантастики»,
постмодернистская игра и веселая
пародия, хоррор и история
литературы под одной обложкой!
На страницах этой книги читатели
встретятся с Г.Фр. Лавкрафтом
и Р. Говардом, узнают об их
ненаписанных рассказах, а также
побывают в экзотических мирах
и временах вместе с великим
и неподражаемым
А. Спрэггом Де Кампом.

